

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Балтийский федеральный университет
имени Иммануила Канта»

На правах рукописи

КОТКОВСКИЙ Леонид Эдуардович

**ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
СУБЪЕКТОВ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА**

12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, доцент
Примак Татьяна Клавдиевна

Калининград – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СУБЪЕКТОВ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	15
1.1. Проблемы понимания ответственности как социально-философской и правовой категории	15
1.2. Юридическая ответственность как институт права и признак (свойство) субъекта права	38
1.3. Субъекты публичного права: понятие и классификация	67
Глава 2. СИСТЕМА И ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУБЪЕКТОВ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА.....	101
2.1. Основы построения системы юридической ответственности субъектов публичного права	101
2.2. Нематериальная и материальная юридическая ответственность субъектов публичного права	134
2.3 Особенности юридической ответственности субъектов публичного права, обладающих правовым иммунитетом.....	160
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	190
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	197

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность выбранной темы диссертационного исследования обусловлена ценностью социального назначения государства, осуществляющего свои функции через представительство субъектов публичного права, которые претворяют в жизнь провозглашённые идеалы, регулируют общественные отношения, управляют обществом. Даже при наличии качественных, справедливых законов, материальных, финансовых и иных ресурсов действия (бездействия) субъектов публичного права могут приводить к неблагоприятным последствиям, порождать волюнтаризм, коррупцию, гражданское неповиновение.

В настоящее время существенно расширился субъектный состав, принимающий участие в осуществлении функций государства, претерпели изменения характерные для советского периода властные, иерархические методы и формы воздействия на общественные отношения в связи с демократизацией общественной жизни, усложнением связей. Субъекты публичного права многочисленны, осуществляют свою деятельность как в сфере управления, так и в области хозяйственной деятельности, к процессу управления подключаются все новые участники, активно передаются властные полномочия, в частности в корпоративную среду (регулирование, лицензирование, нормотворчество).

В условиях формирования правового государства и гражданского общества возрастает роль и значение юридической ответственности субъектов публичного права, что способствует воплощению в жизнь идеи подчинения государства праву, означает, что у государства нет какого-то особого «права» для своих представителей. Так, широкий общественный резонанс вызывают факты злоупотреблений правом на иммунитет, использование его в целях уклонения от юридической ответственности.

Превращение государства в инструмент служения обществу, расширение круга субъектов, участвующих в реализации функций государства, требует новых подходов к формированию института юридической ответственности субъектов публичного права, который нуждается в нормативной унификации и системном

применении во взаимосвязи с другими видами социальной ответственности и правовыми категориями. Так, дифференцированно решается вопрос ответственности субъектов публичного права в зависимости от принадлежности к тому или иному уровню власти, элементу организационно-правовой структуры государства (аппарату, механизму реализации функций и т.д.).

При этом необходимо учитывать, что государство как политико-территориальное образование представляет собой единый социальный организм, поэтому ответственность за состояние дел в стране несут все субъекты права, в связи с чем востребованы концепции, предусматривающие создание нормативных механизмов распределения ответственности между государством, предпринимателями, гражданским обществом. В частности, особую значимость приобретает классификация субъектов публичного и частного права, поскольку вопрос их материальной ответственности перешел из разряда теоретических проблем в область правоприменительной практики, конкретных споров (государство несет ответственность за поведение лиц, наделенных властными полномочиями, но не может и не должно отвечать за поведение частных лиц, осуществляющих свои права и обязанности своей волей и в своем интересе).

Несмотря на высокую значимость, обозначенная тема диссертационного исследования в российской науке является недостаточно исследованной, так как в основном используется отраслевой критерий, изучаются вопросы или юридической ответственности, или субъектов публичного права, или юридической ответственности отдельных категорий субъектов публичного права (государства, представительных, исполнительных, судебных органов государственной власти и их должностных лиц). Такой подход не дает возможности рассматривать юридическую ответственность субъектов публичного права как многогранное целостное явление, что отрицательно сказывается на законодательстве и правоприменительной практике.

Приоритет отдается негативной юридической ответственности, правовым нормам. Субъект права не затрагивается или освещаются лишь его определенные качества (дееспособность, деликтоспособность), необходимые для привлечения к

негативной юридической ответственности. Изучение нормативного аспекта как доминирующего обедняет представление об ответственности, так как нет права как некой самостоятельной сущности, есть отношение человека к праву (А. В. Поляков, Ю. Хабермас).

Преобладает мнение, что все проблемы в стране можно решить с помощью введения новых видов и норм негативной юридической ответственности, прежде всего органов государственной власти и их должностных лиц, поэтому из года в год эта сфера расширяется, растет количество предложений по внесению изменений в законодательство, часть которых реализуется в нормативных актах¹, что усугубляет законодательные проблемы, приводит к хаотичному, бессистемному введению новых видов и норм ответственности, в частности в области уголовного, уголовно-процессуального права. Так, председатель Верховного суда РФ В. М. Лебедев отметил, что в действующие УК РФ и УПК РФ внесено так много изменений, что появилось предложение запретить вносить изменения в указанные нормативные акты чаще, чем один раз в год².

С учетом изложенного актуальность темы настоящего диссертационного исследования обусловлена как ее существенной теоретической и практической важностью, так и недостаточной научной разработанностью.

Степень научной разработанности темы исследования

Комплексных исследований юридической ответственности субъектов публичного права до настоящего времени не проводилось. Однако отдельные стороны данной проблематики получили разработку в трудах представителей дореволюционной, советской и современной правовой науки.

Учению о субъектах права посвящены научные труды таких авторов как М. М. Агарков, Н. Г. Александров, С. С. Алексеев, В. В. Лазарев, М. Н. Марченко,

¹ Так, в 2016 году введены дополнительные статьи, усиливающие ответственность должностных лиц правоохранительных органов за неправомерное вмешательство в предпринимательскую деятельность (Федеральный закон от 19.12.2016 № 436-ФЗ), в 2017 году установлена административная ответственность лиц, осуществляющих контрольные функции, за искажение информации о проверке юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (Федеральный закон от 26.07.2017 № 206-ФЗ).

² Вячеслав Лебедев считает, что необходимо принять новые УК и УПК. URL: <http://pravo.ru/news/view/134754> (дата обращения: 14.12.2017).

Н. И. Матузов, Решетов Ю.С. и др. В современный период субъект права как теоретико-правовая категория комплексно исследовалась С. И. Архиповым, Ю. И. Гревцовым, А. В. Поляковым, В. Е. Чиркиным.

Категория «субъекты публичного права» повсеместно используется в монографиях, научных статьях, но мало диссертационных исследований, затрагивающих теоретический аспект и обоснование необходимости ее введения. В наиболее полном виде она представлена в работах А. В. Лавренюка «Субъекты публичного права: теоретико-правовое исследование» (2007 год), В. В. Болговой «Публичное право: проблемы теории, методологии, практики» (2009 год), И. Н. Геращенко «Корпорации как субъекты публичного права» (2011 год).

За последние десятилетия написано немало работ по юридической ответственности (Д.А. Липинский, А.В. Малько, А.В. Погодин, Г.А. Прокопович, Т.Н. Радько, В.М. Шамаров и др.). Практически ежегодно защищаются диссертационные исследования, в которых затрагиваются эти вопросы. Это труды А. А. Агаджанова, Н. В. Бугаевской, М. Ю. Горлач, О. В. Гороховцева, О. В. Жогина, Ю. Б. Носовой, С. Н. Матросова, С. Б. Полякова, И. А. Толстовой. Из работ, наиболее близких по тематике к настоящему исследованию, следует отметить кандидатскую диссертацию Н.А. Скребневой (2018 г.) по специальности 12.00.01 на тему «Юридическая ответственность в публичном и частном праве (вопросы теории и практики)», в которой исследуются вопросы юридической ответственности в публичном и частном праве на примере медицинских организаций и медицинских работников.

Некоторые аспекты юридической ответственности отдельных видов субъектов публичного права исследовалась Н. А. Бобровой, Б. Н. Габричидзе, В. М. Ведяхиным, В. А. Виноградовым, В. Н. Кудрявцевым, И. Л. Умновой и др.

Однако, несмотря на столь обширный перечень имеющихся научных работ, надо отметить, что преимущественно исследуется ответственность высших должностных лиц, депутатов, отдельных категорий государственных служащих. Используется отраслевой подход, констатируется, что основным видом ответственности выступает конституционная ответственность, которая сочетает политиче-

ский и юридический аспекты. Диссертационные исследования базируются на позитивистском подходе (понятие, функции, принципы, цели, формы, виды, система юридической ответственности, ее место в системе права). В большинстве случаев обосновывается необходимость введения новых норм и видов ответственности для определенных субъектов публичного права.

Таким образом, преобладают исследования отдельных категорий субъектов публичного права в ракурсе изучения их позитивной, конституционной или негативной ответственности, что сегодня явно недостаточно, в том числе необходимо учитывать тенденции развития социальной ответственности, полноправным представителем которой является правовая (юридическая) ответственность, решать вопрос о распределении ответственности.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, связанные с юридической ответственностью субъектов публичного права и ее реализацией как сложного, многоаспектного социально-правового явления.

Предмет диссертационного исследования – теоретико-правовые основы, особенности функционирования и практика реализации юридической ответственности субъектов публичного права как системы, института, свойства субъекта права.

Цель диссертационного исследования заключается в обосновании теоретической модели юридической ответственности субъектов публичного права, выделении ее особенностей во взаимосвязи с другими видами социальной ответственности и правовыми категориями.

Реализация данной цели достигалась путем решения следующих **задач**:

- 1) провести сравнительный анализ концептуальных основ понимания ответственности как социально-философской и правовой категории;
- 2) обосновать статус юридической ответственности как института права с присущими ему структурными элементами, определить взаимосвязи юридической ответственности с категорией «субъект права»;

3) раскрыть понятие, содержание категории «субъект публичного права», выбрать основания для классификации, исследовать особенности выделенных групп в соотношении с формированием и реализацией функций государства, его организационно-структурными элементами;

4) разработать основы построения системы юридической ответственности, определить ее составные элементы, взаимосвязи, особенности с учетом различий и иерархии субъектов публичного права;

5) изучить нематериальную и материальную юридическую ответственность различных групп субъектов публичного права;

б) проанализировать соотношение правовых категорий «ответственность» и «иммунитет», проблемы пределов действия иммунитета в рамках привлечения к юридической ответственности, предложить пути их разрешения.

Методологическую основу исследования составила совокупность общенаучных, частнонаучных и специальных методов познания, что позволило наиболее полно и всесторонне раскрыть обозначенный предмет исследования, достичь цели, решить поставленные задачи.

В качестве общенаучного использовался диалектический способ познания природы, общества, мышления, логика которого требует рассмотрения предмета в его развитии, движении, изменении, что позволило проанализировать категориально-понятийный аппарат, выявить сущность исследуемого объекта. Его конкретизирует и обогащает системный метод, дополняя требования полноты, всесторонности, стабильности и динамичности, позволяя наполнить содержанием правовые конструкции, раскрыть их взаимосвязи, определить дальнейшее развитие. Широкое применение в работе нашли исторический, логический, структурно-функциональный и другие методы познания.

Среди специальных методов следует назвать сравнительно-правовой и формально-юридический. Первый был использован для сопоставления норм международного и национального права, законодательства ряда зарубежных стран, в целях выявления специфики регулирования в российском праве, систематизации материала, используемого для раскрытия цели настоящего исследования. Второй

позволил разработать теоретическую модель юридической ответственности субъектов публичного права.

Теоретической основой исследования послужили фундаментальные монографические труды, научные статьи отечественных и зарубежных авторов по проблемам социальной ответственности, юридической ответственности, субъектов, обладающих властными полномочиями, осуществляющих государственные функции. На формирование научной позиции диссертанта наибольшее влияние оказали работы ученых, рассматривавших общеметодологические, общетеоретические проблемы юридической науки, в том числе юридической ответственности, субъектов права, правомерного и неправомерного поведения: С.С. Алексеева, Н. В. Витрука, Я. И. Гилинского, Ю.И. Гревцова, О.С. Иоффе, В. Н. Кудрявцева, В.В. Лазарева, А.В. Погодина, А. В. Полякова, М.С. Строговича, И. Л. Честнова и др.

Нормативную основу исследования составили положения Конституции Российской Федерации, конституций зарубежных стран, нормы международного права, отечественное отраслевое законодательство, подзаконные нормативные акты (Указы Президента РФ, Постановления Правительства РФ, ведомственные приказы и инструкции).

Эмпирическую базу диссертационного исследования составили решения Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, иные материалы судебной практики, а также статистические данные, аналитические обзоры, социологические опросы, материалы периодической печати.

Научная новизна диссертации обусловлена целью работы и заключается в том, что предложены новые научно обоснованные направления по изучению сущности юридической ответственности субъектов публичного права, что позволило значительно расширить традиционное доктринальное понимание, выявить и проанализировать составные элементы, взаимосвязи, особенности с учетом отраслевой и субъектной систематики.

Работа охватывает значительный круг теоретических, научно-практических и правовых проблем, которые не рассматривались либо не получили однозначно-

го разрешения в научной литературе. Постановка и предлагаемая автором трактовка этих проблем содержат элементы новизны или развивают перспективные направления исследований в изучаемой области:

- сформулирован авторский подход к рассмотрению юридической ответственности субъектов публичного права как системы, института, свойства субъекта права;

- на основе классических и постклассических подходов дано определение категории «субъект права», введены новые классификации, определены отличительные черты субъектов публичного права, выделены их группы с разным соотношением, распределением, объемом ответственности;

- исследован предмет юридической ответственности, установлен его многовариантный характер, дифференцированы основания возникновения юридической ответственности, обозначены особенности предмета регулирования ответственности субъектов публичного права;

- раскрыто соотношение негативной и позитивной юридической ответственности на основании выбора центральной категории (норма права, субъект права);

- разработаны основы построения системы юридической ответственности субъектов публичного права, определены ее особенности, составные элементы, взаимосвязи;

- осуществлен комплексный анализ основных тенденций развития юридической ответственности субъектов публичного права (расширение круга субъектов публичного права, распределение ответственности между субъектами права), выделены проблемы, предложены пути их разрешения.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Юридическая ответственность как сложное многозначное явление представляет собой: а) межотраслевой институт права (состоит из однородных обособленных общественных отношений, общих структурных элементов (нормативный, поведенческий, оценочный), подинститутов (позитивная, негативная ответственность), субинститутов (правомерное поведение, правонарушение, зло-

употребление правом и т.д.), внутрисистемное деление которых зависит от уровней и критериев обобщения); б) признак (свойство) субъекта права (лицо осуществляет субъективные права своей волей и в своем интересе добросовестно, разумно, справедливо, честно, заботливо, осмотрительно).

2. Основания юридической ответственности классифицированы на базовые основания (правомерное поведение, правонарушение) и квази-основания («как бы», «якобы», «почти»), которые близки по своей правовой природе к главным, но содержат элементы, выходящие за пределы, не характерные для того вида ответственности, к которому их относят, поскольку имеют неоднозначный характер, например, правомерное и неправомерное злоупотребление субъективным правом, действия без вины, позитивное отклоняющееся поведение и др.

3. Объективные проявления негативной и позитивной юридической ответственности имеют общие черты: отражаются в правовых нормах (правомерное поведение, правонарушение); основное значение придается форме (правовой норме как образцу, стандарту поведения). Различия обусловлены выбором центральной категории – норма права или субъект права. В негативной ответственности – это норма права (нет нормы – нет ответственности), в позитивной ответственности – это субъект права, который в соответствии с юридически предоставленной свободой совершает действия (бездействия) своей волей и в своем интересе под свою ответственность, не нарушая правовые нормы, руководствуясь критериями правомерности осуществления действий (бездействий) – добросовестно, разумно, справедливо, честно, заботливо, осмотрительно (как надо действовать), установленными пределами, ограничениями (как не следует поступать).

4. Обосновывается трехзвенная (публичные, частные, особые) классификация субъектов права, так как взаимопроникновение частного и публичного права, усложнение процесса государственного управления, передача государством своих полномочий, функций, иных элементов публичной власти, приводит к образованию особой группы субъектов, которых нельзя отнести ни к публичным, ни к частным, их ответственность определяется по-разному, исходя из конкретной си-

туации, требует установления наличия/отсутствия особой фактической связи между такими субъектами и государством.

5. Выделены основания для использования принятой в международном праве генезисной классификации – первичные и вторичные субъекты права (суверенитет, иерархия и различия субъектов публичного права в совокупности с формированием, реализацией функций государства через его организационно-структурные элементы). К первичным относятся суверенные субъекты (определяют, отражают форму правления государства, государственный суверенитет, их перечень ограничен главой государства, парламентом, правительством), вторичные субъекты производны от первичных (возникновение, осуществление, прекращение деятельности).

6. Система юридической ответственности субъектов публичного права базируется на взаимодействии всех форм социальной ответственности, понимании юридической ответственности как разновидности социальной ответственности, института права и свойства субъекта права, с позиций отраслевой и субъектной систематики. Ее статическая составляющая представлена объединением относительно неизменных элементов (нормы, виды), системообразующие связи между которыми отражаются в отраслевой структуре (отраслевые виды ответственности). Динамическая составляющая – это деятельность субъектов публичного права, процесс реализации позитивной и негативной ответственности.

7. Создание концептуальных основ распределения ответственности предполагает: выделение уровней (международный, национальный, локальный); определение моделей взаимоотношений государства, предпринимателей и гражданского общества (распространение корпоративной социальной ответственности, четкое распределение ответственности между субъектами публичного и частного права, между различными категориями субъектов публичного права); учет различий и иерархии субъектов (в деятельности первичных субъектов доминирует свобода действий, позитивная, нравственная ответственность, вторичных субъектов – подчинение правовым нормам, равное значение позитивной и негативной ответ-

ственности, связанное с нормативным аспектом, так как их деятельность строго регламентирована).

8. Законодательное регулирование, принятие новых видов, норм ответственности в отношении той или иной категории субъектов публичного права должно согласовываться с системой права и системой законодательства, нематериальными (обязанность субъекта публичного права претерпевать негативные последствия применения конституционных, уголовных, административных, дисциплинарных санкций) и материальными (имущественная ответственность, возмещение вреда) критериями, видами (полная, солидарная, субсидиарная), объемами (полная, ограниченная, повышенная).

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в комплексном, системном анализе проблем, представленные в работе выводы, сформулированные идеи и предложения могут быть основой для дальнейших теоретических и отраслевых исследований юридической ответственности субъектов публичного права.

Практическая значимость результатов диссертационного исследования заключается в возможности применения основных положений и полученных выводов в правотворческой и правоприменительной деятельности, при подготовке других диссертаций по данной тематике, соответствующих разделов учебников, преподавании учебных курсов «Теория государства и права», «Проблемы теории государства и права» и других.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные положения диссертации отражены в публикациях автора, в том числе в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для опубликования работ, отражающих основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по юридическим наукам, выступлениях на всероссийских и международных научно-практических конференциях, круглых столах в Балтийском федеральном университете им. И. Канта, Калининградском филиале Санкт-Петербургского

университета МВД России, Владикавказском институте управления, Севастопольском государственном университете.

Материалы, выводы и положения диссертационного исследования используются в учебном процессе Балтийского федерального университета имени И. Канта, Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, Севастопольского государственного университета и в практической деятельности военного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Черноморскому флоту, Калининградской областной Думы, что подтверждается соответствующими актами внедрения.

Структура диссертации определяется целью и задачами исследования и состоит из введения, двух глав, объединяющих шесть параграфов, заключения и библиографического списка.

Глава 1. ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СУБЪЕКТОВ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

1.1. Проблемы понимания ответственности как социально-философской и правовой категории

Тема ответственности является одной из древнейших, обсуждаемые в ней проблемы носят междисциплинарный характер, остаются не до конца разрешенными. Так, в трудах древнегреческих философов ответственность рассматривалась как индивидуальное самоограничение в интересах общественной пользы (Аристотель, Платон). В западноевропейских философских и правовых учениях (Гегель, Т. Гоббс, Г. Гуго, И. Кант, Г. Кельзен, Дж. Локк, Д. Остин, Г. Пухта и др.) получило распространение понимание ответственности как «нравственного должествования»¹, что оказало огромное влияние на формирование научных представлений. Вкладом представителей российской правовой науки стало признание самостоятельного значения нравственных начал как источника ответственности (Б. А. Кистяковский, П. И. Новгородцев, И. А. Покровский, П. Б. Струве, Е. Н. Трубецкой и др.).

Сегодня вопросы понимания ответственности приобретают особую значимость. Понимание играет основополагающую роль в философии, социологии, психологии, лингвистике, выступает основой герменевтики, методом гуманитарных наук², является самостоятельным теоретико-методологическим явлением, направленным на построение такой системы познания, предметом которой стал бы «целостный человек во всем многообразии его сил» (В. Дильтей). Универсальность понимания состоит в том, что оно пронизывает все сферы человеческой деятельности (право, экономику, культуру, политику, образование и др.), стимулирует развитие методологии науки в русле постижения смысла в человеческом из-

¹ В силу нравственных начал и моральных принципов индивид добровольно, самостоятельно исполняет долг перед обществом.

² Понимание – специфическое человеческое отношение к действительности; способ бытия человека в мире; предмет понимания – предметное содержание, с осмыслением которого связан данный текст; смысл – ключевое понятие в решении проблемы понимания.

мерении – нет познания как некой самостоятельной сущности, есть познавательное отношение человека к миру (В. А. Лекторский, В. С. Швырев)¹.

Аналогичное значение придается ответственности как феномену, затрагивающему все сферы гуманитарных знаний и области человеческой деятельности, базовые характеристики социального взаимодействия (отношение личности к обществу, связь духовной и сознательной деятельности). Это направление актуализируется с ростом противоречий межличностного, внутригосударственного, межгосударственного, глобального, техногенного характера, заинтересованности в формировании ответственного поведения человека перед людьми и обществом, лидеров государств перед гражданами, населением, мировым сообществом. Правильное понимание ответственности важно и в политическом, и в социальном, и в юридическом смысле, оно имеет громадное значение для научной разработки проблемы прав личности, для повышения ответственности государственных органов, общественных организаций, должностных лиц за порученное дело².

При этом социальная ответственность выступает родовым, а правовая (юридическая) ответственность – видовым явлением. Род определяет вид, а не наоборот. Отсюда вытекает требование – природа, основные признаки видового явления не должны противостоять, противоречить, игнорировать природу, основные характеристики родового явления. Точнее, как пишет Ю. И. Гревцов, в своем объяснении разновидности ответственности необходимо учитывать, согласовывать полученные сведения о виде с его родословной. Последнее в большинстве случаев в объяснении юридической ответственности в нашем правоведении не наблюдается. Имеет место ее игнорирование большинством авторов, полный отрыв вида от рода. Именно поэтому мы давно уже погрязли «в местничестве»³. Стремление глубже понять природу ответственности требует выйти за рамки чи-

¹ По этим вопросам: Розов М. А. Проблема понимания и объяснения в гуманитарных науках // Философия. Общество. Культура. Самара, 2007. 25 с.

² Строгович М. С. Сущность юридической ответственности // Советское государство и право. 1979. № 5. С. 76.

³ Гревцов Ю. И. Проблемы юридических конструкций ответственности // Юридическая техника. 2013. № 7 (часть 2). С. 200.

сто правовых конструкций и опереться на методологический фундамент, последние достижения философии и социологии¹.

В исследованиях вопросов социальной ответственности основные споры разворачиваются вокруг взаимосвязей справедливости, свободы и ответственности, которые проявляются и трактуются по-разному в разные исторические периоды. Так, тезис неограниченной свободы как абсолютной ценности либерального общества (Ж.-П. Сартр, Н. А. Бердяев) в 80-е годы XX столетия претерпел существенные изменения, появились многочисленные публикации, авторы которых обращали внимание на относительный характер свободы как ценности, обосновывали, что свобода должна рассматриваться только во взаимосвязи с ответственностью. В этом плане большое влияние на научное сообщество оказала вышедшая в 1979 г. книга немецко-американского философа Г. Ионаса «Принцип ответственности. Попытка разработки этики для технической цивилизации», поставившая на первое место этику ответственности, под знаком которой следует объединять этику свободы и этику справедливости. Чтобы подчеркнуть возрастающую роль и значение ответственности философы приводят следующей пример – ученые, руководствуясь идеалами свободы творчества, создали атомную бомбу; политики, стремясь прекратить войну, сбросили бомбу на Хиросиму и Нагасаки (все справедливы, все свободны, в результате смерть и разрушение)².

В XX в. получили распространение две концепции ответственности: классическая и неклассическая. Смысл первой сводится к тому, что ответственность описывается в рамках концептуальной схемы «ценность – поступок – ответственность», связана с индивидуальной деятельностью человека, хотя и понимается широко. Так, человек всегда ответственен за свои действия перед самим собой, другими людьми, социальным институтом, организацией, миром, человечеством, Богом. Субъект должен предвидеть последствия своей деятельности, обязан поступать в соответствии с требованиями норм, выбирать наиболее рациональный вариант поведения, отчитываться за исполнение.

¹ Прохоров В. С. Понятие и виды юридической ответственности // 70 лет советскому государству и праву. Л., 1987. С. 490.

² Канке В. А. Философия: учеб. пособие. М.: Логос, 2001. С. 178.

Неклассическая концепция ответственности основное внимание уделяет анализу коллективных действий человека. Ответственность рассматривается в качестве морально-нравственного механизма оптимизации ее содержания и сдерживания негативных последствий общественной деятельности. Проблемой в этом случае становится «распыление», диффузия ответственности: если к деятельности причастны многие, фактически ответственности не несет никто; трудно представить конкретного человека, который испытывает чувство ответственности за действия, к которым он не причастен, не совсем ясно и как должна выражаться подобная ответственность в его поведении и т. д.

Поэтому, с одной стороны, была воспринята идея солидарной ответственности, базирующаяся на широком понимании категории долга, которая предполагает участие всех людей в общественной практике, направленной на предотвращение негативных последствий их деятельности. С другой – идет постоянный поиск ценностей и их интерпретаций, сопоставление которых способно выделить ответственность отдельного человека и просчитать ее. Ответственным является тот, кто изобретает, сопоставляет ценности, руководствуется самыми эффективными из них.

В целом, в результате эволюции ответственность стала выступать как основа человеческого существования, необходимый элемент обеспечения мира, благополучия и равновесия, социальное качество субъекта, осознанно и добровольно возлагающего на себя обязательства по прогнозированию, учету последствий своей и коллективной деятельности, предотвращению и минимизированию рисков, проявлению заботы о природе, других членах общества¹.

Анализ работ классиков, современных ученых приводит к выводам о том, что исследования шли и продолжают идти в следующих направлениях:

– ответственность изучается как философская, социальная, правовая, моральная категория (Ф. С. Бахитова, С. П. Иваненков, Г. Йонас, О. Э. Лейст и др.);

¹ См: Белов А. В. Социальная ответственность: содержание и механизм реализации: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Белов Алексей Вячеславович. Волгоград, 2011. 148 с.; Дик В. П. Ответственность в системе общественных отношений: взаимосвязь общих и особенных свойств: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Дик Владислав Петрович. Улан-Удэ, 2015. 25 с.; Емельянов И. В. Ответственность как регулятор социально-политических отношений: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Емельянов Игорь Викторович. Челябинск, 2015. 26 с.

– внимание уделяется классификации форм и видов ответственности (О. Депенхоер, В. Д. Плахов, П. Френч и др.);

– проблема ответственности рассматривается с позиции философско-правового подхода (И. Кант, П. И. Новгородцев, Г. Ф. Пухта, Е. Н. Трубецкой и др.);

– ответственность исследуется в религиозно-ценностном аспекте (Э. Дюркгейм, Е. Канторович, К. П. Победоносцев и др.);

– ответственность рассматривается как система взаимодействий политики, права, экономики в русле развития общественных отношений (Ж. Боден, О. фон Гирке, В. С. Нерсесянц и др.).

В XXI веке вопросы ответственности актуализируются в связи с кризисом системы ценностей и основанного на ней индивидуального и группового поведения, деформацией культурно-исторических традиций и устоев общества, усложнением и распространением техногенных, природных, экологических катастроф, социально-политических, международных конфликтов и т. д.

Значение придается междисциплинарным направлениям исследований ответственности:

– в контексте общей диалектики категорий свободы и необходимости, свободы и ответственности и сопряженных с ними понятий¹;

– как явление современного общества, социальный феномен²;

– в аспектах взаимосвязей ответственности и сознания, ответственности и морали, ответственности и права³.

Есть многочисленные определения ответственности, которые варьируются в зависимости от рассматриваемых видов, форм, компонентов. При этом в последние годы внимание акцентируется на человеческой природе, осознанности действий, позитивном аспекте. Например, у А. В. Белова ответственность – это осо-

¹ Сержантов В. Ф. Человек, его природа, и смысл бытия. Л., 1990. 360 с.; Тульчинский Г. Л. Свобода как человеческое измерение бытия // Вопросы философии. 2006. № 4. С. 17–31.

² Ореховский А. И. Философия ответственности: методологический, концептуально-теоретический, правовой, аналитико-прогностический аспекты. М.: Алгоритм, 2015. 288 с.; Воробьева Т. В. Социальная ответственность личности в свете социально-гуманитарных и психолого-педагогических наук // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 4. С. 328–333.

³ Байниязов Р. С. Философия правосознания: постановка проблемы // Правоведение. 2001. № 5. С. 12–23; Величко А. М. Нравственный идеал и право // Правоведение. 2002. № 2. С. 187–203.

знание субъектом последствий его деятельности для окружающих и для общества в целом, добровольное принятие на себя обязанностей, связанных с социальными ожиданиями и заботой о других¹. И. В. Емельянов пишет, что ответственность представляет собой духовную и сознательную составляющую человеческой личности, подтверждает, что человек всегда предстает в качестве реального деятеля, способного свободно мыслить, осознанно нести ответственность за свои мысли и поступки².

В общем социально-философском смысле ответственность представляет собой готовность и способность субъекта отвечать за результаты своей деятельности, его оценочное отношение к бездействиям или действиям на предмет соответствия их принятым в обществе стандартам поведения, идеалам, ценностным ориентирам через систему оценки (негативной, позитивной). Эта категория состоит из двух компонентов – объективного (формально выраженные требования) и субъективного (цели, ценности, мотивы, выбор, оценка), имеет два значения – позитивное (ответственность за совершаемое или предстоящее поведение, например, ответственность за семью, страну и т. д.) и негативное (ответственность за уже совершенное поведение, например, привлечь к ответственности). На передний план выходят исследования субъективной и позитивной составляющих, так как для общества и государства эффективнее изменить установки субъекта, добиться осознания им необходимости совершения социально-полезных действий, а не использовать ответственность как наказание.

Как всеобщее социально-философское явление ответственность характеризуется следующими признаками:

- представляет диалектическую взаимосвязь общества и человека;
- порождается свободой и необходимостью;
- способствует упорядочению общественных отношений;
- отражает осознанное поведение субъекта во всех сферах общественных отношений;
- стимулирует активность личности;

¹ Белов А. В. Указ. соч. С. 10.

² Емельянов И. В. Указ. соч. С. 6.

- основывается на нормах;
- пресекает любые действия негативного характера.

По мере развития общества появляются новые формы и виды ответственности, происходит еще большая их дифференциация. Так, разработаны и внедряются концепции корпоративной, экологической, информационной ответственности¹. Сегодня выделяется множество форм (социальная, историческая, психологическая, правовая, моральная и т. п.) и видов (индивидуальная, коллективная, корпоративная, государственная, народная, общечеловеческая и т. д.) ответственности². Но вопрос об их четком разграничении не стоит.

Во-первых, меняются модели познания, что выразилось в актуализации, переосмыслении представлений о человеке, восходящих к античным максимам – «человек – мера всех вещей» (Протагор). В повседневной жизни люди не различают правовые, политические, моральные и т. д. нормы, восприятие нормативности идет по пути осмысления единого социального контекста³. Поэтому формы, виды ответственности, отличаясь друг от друга по разным основаниям (источник установления, основание, форма выражения, субъект применения и др.), не противостоят, а взаимодействуют друг с другом таким образом, что в практическом плане их невозможно или проблематично разграничить.

В частности, философы отмечают, что все формы и виды ответственности являются моральными по определению. Представления о моральной ответственности в противовес правовой унаследовано от тех времен, когда полагали, что этика как философская дисциплина имеет дело непосредственно с определенным типом поступков. Но такое представление ошибочно⁴. В качестве метатеории философская этика соотносительна не с поступками, а с ценностями. Посредством

¹ См., например: Яровой А. И. Корпоративная социальная ответственность в современной России: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Яровой Александр Ильич. М., 2010. 166 с.

² В философии принято писать о формах ответственности. В юриспруденции рассматриваются виды ответственности, распространено мнение, что сколько видов социальных норм действует в обществе, столько же и видов социальной ответственности существует в этом обществе. См.: Хачатуров Р. Л., Ягутян Р. Г. Юридическая ответственность. Тольятти, 1995. С. 25.

³ Бергер П. Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 35.

⁴ Юристы продолжают акцентировать внимание на отличиях, прежде всего моральной и юридической ответственности. См., например: Бабаджанян К. А. Взаимная ответственность личности и государства как основа гармонизации взаимоотношений между ними (теоретико-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Бабаджанян Кристина Аваковна. Саратов, 2013. 183 с.

последних философская этика имеет дело со всей совокупностью поступков людей. Поэтому невозможно отделить правовую ответственность от моральной¹.

Во-вторых, человеческая деятельность, активизируемая свободой, развитием техники и мирового сообщества, предопределяет появления новых форм контроля и ответственности, а также механизмов их обеспечения на основе взаимодействия различных форм и видов ответственности.

В качестве примера можно привести концепцию корпоративной социальной ответственности (далее – КСО или *corporate social responsibility* – CSR). Принято считать, что первой попыткой ее реализации была социальная программа Г. Форда 1914–1920 гг. (установление самой высокой оплаты труда рабочих при соблюдении ими определенных условий), поворотным пунктом – Саммит Земли 1992 г. (поиск способа уравнивания интересов развития общества и бизнеса). К началу XXI века развитие КСО привело к разработке международными организациями, специальными агентствами различного рода стандартов (по составлению социальных отчетов, экологической эффективности, безопасности и улучшению условий труда, этике корпоративного управления, прозрачности компаний и т. д.).

Концепция КСО создавалась и продолжает создаваться благодаря усилиям многих (потребителей, экологов, рабочих, предпринимателей, ученых, политиков и т. д.), лежит на пересечении многих наук (экономики, теории менеджмента, социологии, экологии, философии, юриспруденции), что обуславливает трудности в создании теоретической базы. Единого понимания КСО нет. Самое распространенное: КСО – это обязательство бизнеса осуществлять добровольный вклад в развитие общества, включая социальную, экономическую и экологическую сферы, принятое компанией сверх того, что требует закон и экономическая ситуация. Социальная ориентация компаний и соответствие международным стандартам КСО – значительные финансовые затраты, которые окупаются за счет роста капитализации и улучшение имиджа компании.²

¹ Канке В. А. Указ. раб. С. 149 [и след.].

² Корпоративная социальная ответственность: учебник / под. ред. И. Ю. Беляевой, М. А. Эскиндарова. М.: КНОРУС, 2016. 320 с.

Таким образом, социальная ответственность выступает в качестве всеобщей категории, в рамках которой существуют отраслевые (отдельные сферы науки, знаний) формы, виды ответственности, которые обладают всеми признаками ответственности как социально-философской категории, а также особенными, специфическими свойствами, что находит отражение в специальных основаниях и механизмах воздействия на поведение субъекта. Формы, виды ответственности, отличаясь друг от друга по разным основаниям, не противостоят, а взаимодействуют друг с другом. Общее правило – в основных характеристиках отраслевые формы ответственности должны соответствовать социальной ответственности как родовому понятию.

Данное положение не всегда безоговорочно принимается, что остро проявляется в отношении социальной и правовой (юридической) ответственности. С одной стороны, в многочисленных исследованиях констатируется, что правовая ответственность является основной, ведущей формой социальной ответственности. Например, в философских работах отмечается, что социальная (базовая) ответственность включает в себя соответствующие отраслевые формы ответственности и воздействует на них с помощью права. Ведущей отраслевой формой ответственности является правовая, которая или органично включается в сформированное правовое сознание субъекта, или приобретает усеченный вид в несформированном правовом сознании¹. В юридических исследованиях рассматривают соотношение социальной и юридической ответственности как род и вид², считают нравственную и правовую ответственность основными формами социальной ответственности, признают значение последней в формировании и использовании принципов юридической ответственности (справедливость, гуманизм)³. С другой стороны, заметно размежевание социальной и правовой ответственности. Юристов упрекают в гипертрофированном (если не исключительном) внимании к ре-

¹ Дик В. П. Указ. соч. С. 11.

² Родионова Е. В. Юридическая ответственность как разновидность социальной ответственности: современные проблемы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Родионова Екатерина Владимировна. М., 2007. 185 с.; Герасимова Н. Р., Усманова Е. Ф. Юридическая ответственность: теоретико-правовой анализ // Законность и правопорядок в современном обществе. 2010. Выпуск № 2. С. 112–116; и др.

³ Русанов А. В. Ответственность власти как нравственная и правовая категория: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Русанов Александр Витальевич. Белгород, 2009. 22 с.

троспективной (карательной) стороне ответственности, философов, социологов, политологов – в разработке таких дефиниций ответственности, которые «не работают» в праве¹.

Исследуя эту проблему, Ю. И. Гревцов справедливо отмечает, что общий настрой рассуждений юристов можно концентрированно выразить следующим образом: юридическая ответственность может быть только ответственностью за совершенное правонарушение. Одной из основных причин таких представлений является методологическая неопределенность. Никто не спорит с тем, что юридическая ответственность является разновидностью социальной ответственности, т. е. выступает видом социальной ответственности. Но если так, то это не может не обязывать исследователя юридической ответственности с таким выводом методологического характера считаться и согласиться, что род определяет вид, а не наоборот².

В большинстве случаев философы, социологи, политологи оперируют термином «правовая ответственность», представители юридической науки – термином «юридическая ответственность». Надо ли различать правовую и юридическую ответственность? В большинстве случаев эти термины употребляются как синонимы, но есть исследования, обосновывающие разделение правовой и юридической ответственности. Здесь можно выделить два направления.

В первом направлении правовая ответственность выступает или собирательным понятием, объединяющим негативную и позитивную юридическую ответственность, или аналогом позитивной юридической ответственности при разделении негативной и позитивной юридической ответственности.

Так, представитель первой позиции Г. Н. Ветрова пишет, что правовая ответственность – это подотчетность гражданина перед государством по поводу возложенных на него обязанностей, выражающаяся через систему двухсторонних связей государства и личности³. Представитель второй позиции Р. Л. Хачатуров отмечает, что юридическая ответственность – это обязанность всех граждан,

¹ Прохоров В. С. Преступление и ответственность: монография. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. С 115 [и след.].

² Гревцов Ю. И. Указ. соч. С. 36.

³ Ветрова Г. Н. Уголовно-процессуальная ответственность / отв. ред. А. М. Ларин. М., 1987. С. 49.

должностных лиц и организаций соблюдать предписания правовых норм, а в случае неисполнения обязанности претерпевать предусмотренные правом лишения личного и имущественного характера. Правовая ответственность предполагает ответственность всех субъектов правоотношений за свои поступки и порученное дело и призвана воздействовать на сознание людей с целью повышения правосознания для обеспечения правомерного поведения. При этом акцентирована должна быть не санкция, а диспозиция правовой нормы с точным определением прав и обязанностей субъектов правоотношений¹.

Общее в указанных мнениях заключается в том, что приоритет отдается юридическому позитивизму (государству и нормам). Изучение нормативного аспекта как доминирующего обедняет представление об ответственности. Никакое явление, не имеющее отношение к человеку и его поведению, не может называться правом (А. В. Поляков). Ответственность присуща субъекту деятельности, находит отражение в социальном взаимодействии.

Иными словами, востребованы работы, в которых проблемы ответственности рассматриваются в широком социальном контексте, с позиций субъекта права. Внутренняя свобода и внутренняя ответственность не являются величинами, которые исходят от государства. Они обретаются, формируются индивидами в процессе социализации, активной социальной деятельности.²

Соответственно, в исследовательских целях целесообразно использовать термин «правовая ответственность», а не «юридическая ответственность», опираясь на методологический фундамент философии, социологии, психологии и других гуманитарных наук, определяющие значение социальной ответственности, права как социального явления, ответственности как социального качества субъекта.

По вопросам соотношения с другими категориями, определения содержания правовой ответственности автор разделяет позицию Ю. И. Гревцова³. Родовое понятие социальной ответственности имеет два значения (позитивное, негативное),

¹ Хачатуров Р. Л. Указ. соч. С. 109.

² Гревцов Ю. И. Указ. соч. С. 37.

³ Гревцов Ю. И. не различает правовую и юридическую ответственность, оперирует термином «юридическая ответственность», но рассматривает ответственность в социальном контексте с позиций субъекта права.

поэтому видовое понятие правовой (юридической) ответственности должно быть согласовано с родовым понятием. Наиболее полно природа социальной ответственности увязывается с природой правовой (юридической) ответственности в конструкции позитивной ответственности. Позитивная ответственность «прорастает» на базе усвоенных этических ценностей, ее рациональность связана с правосознанием, ее интенсивность определяется состоянием (мерой) свободы субъекта права¹.

Соотношение позитивной и негативной ответственности можно определить следующим образом. Позитивная ответственность присутствует всегда, это фактор человеческого бытия, ретроспективная (негативная) ответственность проявляется только при наличии определенных условий, имеет ограниченную сферу применения. Позитивная ответственность предшествует негативной, которая наступает тогда, когда не срабатывает первая². В этом смысле ретроспективная ответственность есть лишь специфический метод обеспечения ответственности позитивной (В. Н. Кудрявцев)³.

Таким образом, правовая ответственность выступает разновидностью социальной ответственности, центр – субъект права, предпочтение отдается социальным (внешним и внутренним) регуляторам человеческого поведения, ценностным ориентирам, первична позитивная составляющая, выступающая постоянным атрибутом человеческой деятельности, вторична негативная (ретроспективная) составляющая, проявляющаяся в исключительных случаях при наличии соответствующих условий.

Второе направление представлено в работах Н. В. Витрука, который разделяет юридическую и правовую ответственность на основании различий права и закона, разграничения справедливых и несправедливых, «правовых» и «неправовых» законов. Под правовой ответственностью понимается ответственность, устанавливаемая в соответствии с требованиями естественного права и его ценностей, она тесно связана со справедливостью, лежит в основе ответственности

¹ Гревцов Ю. И. Указ. соч. С. 38–39.

² Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. М.: Юристъ, 2004. URL: http://www.pravo.vuzlib.org/book_z1598_page_133.html (дата обращения: 03.05.2017).

³ Кудрявцев В. Н. Право и поведение. М., 1978. С. 108.

юридической. Правовая ответственность не подменяет собой юридическую ответственность, но обуславливает ее возникновение¹. Юридическая ответственность – это ответственность на основе законов государства в соответствии с законами государства².

Эта позиция не лишена недостатков, в частности, как показали дискуссии, проведенные в начале 90-х годов XX века, противопоставление права и закона не является плодотворным. По этому поводу Кудрявцев В. Н. справедливо заметил – кто вправе судить, является тот или иной закон правовым или неправовым? Отсутствие такого ответа делает эти идеи утопичными³. Но деление ответственности на правовую и юридическую по вышеперечисленным основаниям не лишено смысла (понятие права шире определения закона, в том числе включает в себя психологические, нормативные, естественно-правовые, социологические составляющие; нормы, принятые законодателем, не всегда согласуются с принципами правового государства, обладают дефектами и т. д.).

Развивая идеи Н. В. Витрука, правовую ответственность можно определить как один из атрибутов права и правопонимания. В частности, на этот аспект указывает В. Г. Графский – отсутствие надлежащей и обязательной ответственности лишает желательной и необходимой действенности любое правовое общение, оно обесмысливает любое правопонимание... Если право есть справедливость, то в случае обнаружения в практическом его воплощении дефицита гарантированной ответственности оно лишается свойства и права, и справедливости⁴. О. Э. Лейст пишет, что при исследовании проблем ответственности в юридической сфере следует сосредоточиться на изучении права, а не только на размышлениях о разных значениях слова «ответственность»⁵.

Как известно, есть три классических подхода к пониманию права (философское, социологическое, позитивистское). Разработаны и новые, по отношению к

¹ Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности. М., 2009. С. 26, 28.

² Витрук Н. В. Конституционное правосудие в России (1991–2001 гг.): очерки теории и практики. М., 2001. С. 360.

³ Кудрявцев В. Н. О правопонимании и законности // Советское государство и право. 1994. № 3. С. 8.

⁴ Графский В. Г. О непреодоленных трудностях в создании интегральной юриспруденции // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 24.

⁵ Лейст О. Э. Методологические проблемы юридической ответственности: проблемы теории государства и права. М., 1999. С. 474.

классическим, направления: либертарная теория (В. С. Нерсисянц); диалоговая концепция (И. Л. Честнов); социократическая концепция (Г. В. Мальцев); умеренный позитивизм (М. Н. Марченко); интегративное направление (В. В. Лазарев); коммуникативная теория права (А. В. Поляков); естественно-позитивная теория права (В. М. Шафиров); обменная теория (Л. С. Мамут) и др. Не останавливаясь подробно на освещении последних дискуссий¹, отметим, что в большинстве случаев проблемы правопонимания развиваются на базе естественного права, социологического подхода к праву и юридического позитивизма².

Считаем, что типы правопонимания³ обуславливают формирование разных моделей правовой ответственности. В соответствии с классическими направлениями можно выделить следующие базовые модели:

– идеальная, мысленная⁴, отражающая доктринальные научные представления, принципы правового государства, естественного права, верховенства права, социальной справедливости;

– реальная, объективно существующая как результат человеческой деятельности, формирующаяся и развивающаяся при взаимодействии всех форм и видов социальной ответственности;

– нормативная – продукт государственной воли, содержащейся в нормативных актах.

В зависимости от подходов, типов правопонимания, их сочетаний можно разработать разные варианты использования, модели, определения правовой ответственности. Так, ответственность выступает структурным элементом формирования понятия права. Право – это мера свободы и ответственности личности

¹ 13 февраля 2017 г. в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (ИЗиСП) состоялся круглый стол «Интегративное понимание права». Его участники затронули многие принципиальные вопросы правопонимания, результаты нашли отражение в научных публикациях. См., например: Сидоренко А. И., Ибрагимова Ю. Э. Интегративное понимание права // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 33–45.

² Эта точка зрения с разбором позиций представлена в статье Власенко Н. А. Правопонимание в свете категорий определенности и неопределенности // Журнал российского права. 2014. № 2. С. 37–44.

³ В юридической науке по проблеме правопонимания существует множество мнений. В связи с этим принято говорить о типах правопонимания (результат обобщения мнений о сущности права, его социальной роли в обществе) См.: Власенко Н. А. Указ. раб. С. 39. С. 37–44.

⁴ Определение ответственности как идеальной, мысленной модели представлено в работах Л. И. Глухаревой. См.: Глухарева Л. И. Юридическая ответственность как правовая конструкция // Вектор науки ТГУ. 2010. № 3 (3). 2010. С. 45.

(Н. И. Матузов). Суть права состоит в диалектическом сопряжении свободы – способности человека нести персональную ответственность за свои действия перед обществом (государством) и справедливости – способности человека требовать социальной ответственности общества (государства) за свое персональное благополучие. Сопряжение свободы и справедливости конституирует порядок (В. А. Носков).

Само понятие правовой ответственности базируется на том или ином направлении понимания права. Например, интегративный подход, сочетающий естественно-правовые, социологические, психологические, позитивистские аспекты¹, приводит к новому осмыслению категории «правовая ответственность». Нормы, закрепляющие ответственность, – устанавливаются в нормативных актах, договорах, уставах, судебных решениях, обычаях и т. д.; по своему содержанию отражают формальные требования равенства, справедливости, свободы; их легитимация идет через официальное закрепление и общественное признание; защита обеспечивается государственным принуждением и социальным контролем².

Автор, являясь сторонником интегративного подхода (плюрализм, интеграция – неизбежные процессы, общенаучные закономерности), не считает, что необходимо разрабатывать общие, универсальные, доктринальные определения. Как верно заметил О. В. Мартышин: «Не лучше ли... не искать универсальное понятие, а сочетать разные понятия и определения, имея в виду, что каждое из них в отдельности неполно и относительно, и лишь их совокупность дает разностороннее представление о праве?»³. Противостояние подходов ничего не дает, поскольку каждая сторона останется при «своем мнении», что будет множить неразрешимые противоречия. Задача – создать общее пространство коммуникации, взаимодействие различных научных школ, представлений на неких компромиссных, общепризнанных основаниях.

¹ В соответствии с интегративным направлением право – это совокупность признаваемых в данном обществе и обеспечиваемых официальной защитой нормативов равенства и справедливости, регулирующих борьбу и согласование свободных волей в их взаимоотношении друг с другом (В. В. Лазарев).

² См.: Сидоренко А. И., Ибрагимова Ю. Э. Интегративное понимание права // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 33–45; Лазарев В. В. Интеграция права и имплементация интегративных подходов к праву в решении суда // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 5–18.

³ Мартышин О. В. Совместимы ли основные типы понимания права? // Государство и право. 2003. № 6. С. 17.

Таким образом, правовая ответственность – это результат доктринальной творческой деятельности, который представляет собой различные научно обоснованные, авторитетные воззрения по поводу понятия, использования, роли, места категории «ответственность» в социальной, правовой системе и юридической деятельности, имеющий научно-прикладной характер. Например, идею берет на вооружение политическая власть, она находит отражение в законодательстве. Д. М. Кейс верно заметил, что теории – и когда они верны, и когда нет – более могущественны, чем это представляется большинству людей. На самом деле миром управляет не что иное, как идеи. Прагматики, облеченные властью, заражаются безумием от каких-нибудь академических писак, живших несколькими годами раньше¹.

Определяя соотношение правовой и юридической ответственности, следует воспользоваться идеей В. В. Лазарева иметь два определения права – для более глубокого познания права, где все определения, если они отражают хоть какую-то часть реалии, полезны; для практического использования, где уместно искать понимание права, связанное с нормативным аспектом². Аналогично следует использовать термин «правовая ответственность» – для более глубокого познания правовых явлений, термин «юридическая ответственность» – для практического использования.

Правовая ответственность – это форма социальной ответственности, структурный элемент права как социального института³, представленная в виде доктринальной модели, что позволяет решить задачу теоретического осмысления и глубокого познания ответственности на основе взаимодействия некой совокупности понятий и явлений, требований к результатам доктринальной творческой деятельности: а) с позиций субъекта права, его поведенческой составляющей; б) на основе взаимосвязей различных социальных регуляторов, форм и видов социаль-

¹ Цит. по: Саммерс Р. С. Господствующая правовая теория в США // Советское государство и право. 1989. № 7. С. 109.

² Лазарев В. В. Поиск права // Журнал российского права. 2004. № 7. С. 11 [и след.].

³ Социологи, наряду с экономикой, государством, семьей и т. д. определяют право как социальный институт. Понятие «институт» (от лат. institutum – установление, учреждение) заимствовано социологией из юриспруденции, приобрело более широкое толкование для обозначения некой модели устойчивой регламентации социальных связей и различных организационных форм социального регулирования поведения субъектов. См.: Беседина В. Функции права как социального института // Государственная служба. 2005. № 4 (36). С. 85–89.

ной ответственности; в) согласовывая видовое понятие правовой ответственности с родовым понятием социальной ответственности; г) понятия права, типа правового понимания; д) в соответствии с идеалами правового государства¹ как справедливого устройства общественной жизни, основанного на принципах естественного права, верховенства права (справедливые законы, ответственность каждого, взаимная ответственность личности, государства и т. д.).

Идея правовой ответственности приемлема при научных изысканиях, при правотворческом процессе, в том числе она ориентирует законодателя на принятие законов, устанавливающих справедливую, пропорциональную ответственность, использование широкого подхода к правовому пониманию, признание множественности источников, порождающих права, обязанности, ответственность субъектов права и т. д. Правовая ответственность выступает более широким понятием чем юридическая ответственность, в том числе включает в себя требования к формированию нормативной основы (справедливые законы, ценности естественного права, этики и т. д.), связана с общественными потребностями и ожиданиями, идеалами и их реализацией.

В отличие от правовой ответственности, юридическая ответственность – это нормативная модель, имеющая четко выраженную структуру, отличающаяся «жесткой сцепкой всех своих элементов»², получившая закрепление в официально установленных источниках права, выступающая составной частью профессиональной, практической юридической деятельности. В дальнейшем правовая и юридическая ответственность будут использоваться как тождественные понятия.

Юридическое закрепление ответственности должно быть увязано с системными свойствами права и законодательства. В правотворческом процессе учет системных свойств ведет к требованиям разрабатывать и принимать нормы об ответственности в комплексе, во взаимосвязи с другими нормами, при необходимости вносить изменения в нормативные акты, устранять противоречия, не при-

¹ По мнению М. Н. Марченко, концепция правового государства «выступает в качестве некоего государственно-правового идеала, своего рода законченного государственно-правового штампа, идеологизированного и идеализированного варианта развития того или иного государства, стремящегося к совершенству». Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права: учеб. М.: Проспект, 2009. С. 290.

² Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: Норма, 2001. С. 262.

мать произвольные решения и т. д., что накладывает ограничения на правотворческий процесс. В правоприменительном процессе учет системности означает возможность найти, эффективно и справедливо реализовать нормы, закрепляющие ответственность субъектов права.

Стремление создать четкие, непротиворечивые системы права и законодательства ведет к тому, что для практического использования уместно искать относительно общее понимание юридической ответственности. В таком контексте приобретает значение определение подходов к изучению этого явления, в рамках которых следует выделять и исследовать базовые характеристики. Между тем, отличительной чертой диссертационных работ по проблемам юридической ответственности, которых написано немало, является то, что каждый исследователь дает свое определение юридической ответственности, выделяет свои признаки, его подход встречает многочисленные возражения со стороны других авторов¹.

С одной стороны, эта тенденция носит негативный характер, так как разрушают основополагающие для общей теории государства и права понятия, системное восприятие права, что негативно сказывается на законодателе и правоприменителе. С другой стороны, стимулируется поиск общих определений и признаков, что помогает смоделировать относительно эффективную нормативную модель юридической ответственности, от применения которой зависит успех проводимых в стране преобразований.

Проблема понимания юридической ответственности не является однородной, имеет несколько аспектов (проблемы единого понятия юридической ответственности, понятий негативной, позитивной юридической ответственности, родового признака негативной юридической ответственности и т. д.²). Так, сегодня в юридической литературе предпринимаются попытки сконструировать единое понятие юридической ответственности, охватывающие своим содержанием или ретроспективный (негативный), или ретроспективный (негативный) и перспективный (позитивный) аспекты.

¹ См., например: Геворгян К. М. Принцип целесообразности в механизме реализации юридической ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Геворгян Карен Микаелович. Казань, 2012. С. 9 [и след.].

² Кузьмин И. А. Юридическая ответственность и ее реализация: учебное пособие. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. С. 9.

Представители первого направления (узкий подход) связывают понимание юридической ответственности с ретроспективным аспектом (противоправное поведение, правонарушение, государственное принуждение, наказание), не включают правомерные действия субъектов в понимание юридической ответственности (А. Б. Венгеров, Ю. А. Денисов, Р. Л. Иванов, О. С. Иоффе, О. Э. Лейст, В. В. Мальцев, М. Н. Марченко, Н. П. Колдаева, А. И. Петелин, И. С. Самощенко, М. Д. Шаргородский, Р. О. Халфина, Л. С. Явич и др.). Представители второго направления (широкий подход) определяют юридическую ответственность как явление негативное и позитивное (Р. И. Косолапов, Д. А. Липинский, Н. И. Матузов, П. Е. Недбайло, Г. А. Прокопович, В. А. Тархов, Р. Л. Хачатуров и др.).

И в первом и во втором случаях разрабатываются многочисленные понятия ретроспективный (негативный) и позитивной юридической ответственности. Например, для определения негативной ответственности выбираются разные подходы: мера государственного принуждения, основанная на юридическом и общественном осуждении поведения правонарушителя, выражающаяся в установлении для него определенных отрицательных последствий в виде ограничения личного или имущественного порядка (О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский); применение соответствующей санкции нарушенной правовой нормы (О. Э. Лейст, Л. С. Явич); принудительно исполненная обязанность, если лицо (гражданин или организация), на котором эта обязанность лежит, не исполняет ее добровольно (С. Н. Бра-тусь); правовое явление (последствие), которое существует и реализуется в рамках особого, охранительного правового отношения (С. С. Алексеев, Я. М. Брайнин); динамическое правоотношение, возникающее из факта правонарушения, между государством и правонарушителем (Б. Т. Базылев); это обязанность лица претерпеть применение к нему мер государственного принуждения за совершенное правонарушение (С. Н. Кожевников, А. Ф. Черданцев).

Выделяют многочисленные особенности позитивной юридической ответственности, самые распространенные из которых: правомерное поведение, добросовестное исполнение обязанностей; обязанность соблюдения и исполнения требований, предусмотренных нормой права; ответственное (сознательное) отноше-

ние лица к праву и закону; связана с правосознанием субъекта права; выражается в поощрительных (стимулирующих) санкциях и т. д. (Б. Т. Базылев, Н. В. Витрук, Т. Д. Зражевская, С. Н. Кожевников, В. Н. Кудрявцев, Д. А. Липинский, Н. И. Матузов, П. Е. Недбайло, В. А. Тархов, Р. Л. Хачатуров, А. П. Чирков и др.).

Основная критика звучит по поводу объективных проявлений позитивной ответственности, которые невозможно установить или проконтролировать с помощью правовых средств; отграничений позитивной ответственности, правомерного поведения от форм реализации права, законности, общеобязательности права и др.; установления юридических фактов, способных повлечь возникновение такой ответственности, так как мораль, осознание долга, свобода, честность таковыми не являются.

Автор разделяет позицию, в соответствии с которой ретроспективная ответственность без позитивной бессмысленна, а позитивная правовая ответственность без ретроспективной беззащитна¹. Чем выше уровень позитивной ответственности, тем ниже уровень негативной ответственности (Б. Л. Назаров, М. С. Строгович, В. А. Тархов).

Вместе с тем, полагаем, что единого подхода к пониманию юридической ответственности в науке сложиться не может, так как юридическую ответственность рассматривают с разных точек зрения – институт права, институт законодательства, правовую конструкцию, правовое средство, средство юридической техники, единицу мышления в рамках профессионального сознания, средство правового регулирования, признак права, структурный элемент правовой нормы, стимул правомерного поведения и т. д.²

В рамках каждого из подходов возможно построение своего непротиворечивого, подчиняющегося внутренней логике понятийного аппарата. Поэтому поиск ответа на вопрос, какое из определений верно, а какое нет, методологически бесперспективен. Важно определиться с выбором подхода.

¹ Хачатуров Р. Л. Позитивная и ретроспективная юридическая ответственность // Вектор науки ТГУ. 2014. № 1 (16). С. 108.

² См., например: Глухарева Л. И. Юридическая ответственность как правовая конструкция // Вектор науки ТГУ. 2010. № 3. С. 44–47.

Автор разделяет позицию тех исследователей, которые определяют юридическую ответственность как межотраслевой институт права (Б. Т. Базылев, С. Л. Кондратьева, Д. А. Липинский, М. А. Магамедов, С. А. Носков, Г. А. Прокопович, О. Е. Репетева, А. П. Чирков и др.). Но, как правило, данный подход применяется к ретроспективной (негативной) юридической ответственности,¹ для чего есть все основания – структурный элемент системы права; относительно самостоятельная группа норм, обеспечивающая функционирование системы права; комплекс правовых предписаний, регулирующих однородный вид или определенную сторону однородных общественных отношений; обладает системностью, состоит из субинститутов (конституционной, уголовной, гражданской, административной, дисциплинарной, материальной и других видов ответственности). В частности, Базылев Б. Т. верно пишет, что «нормы уголовной, гражданской, административной, дисциплинарной, семейно-правовой и других видов ответственности составляют структурные подразделения общего института юридической ответственности, его субинституты»².

Сложнее обстоит дело тогда, когда институт юридической ответственности включает в себя позитивные и негативные аспекты. Автор разделяет позицию тех ученых, которые в предмет регулирования этого института включают не только отношения, возникающие из правонарушений, конфликтные, негативные, деликтные отношения, но и позитивные отношения, которые государство закрепляет и развивает, отношения, не являющиеся конфликтными³.

В наиболее полном виде эта точка зрения представлена в работах С. А. Носкова. В частности, он дает определение института юридической ответственности – межотраслевой, функциональный, регулятивно-охранительный институт права, закрепляющий и (или) оказывающий динамическое воздействие на наиболее важные общественные отношения, а в случае их нарушения регулирующий отноше-

¹ См., например: Репетева О. Е. Юридическая ответственность за правонарушения - межотраслевой институт права: общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Репетева Олеся Евгеньевна. Тамбов, 2010. 26 с.

² Базылев Б. Т. Юридическая ответственность. Красноярск, 1985. С. 45.

³ Носков С. А. О понятии института юридической ответственности // Право и политика. 2007. № 3. С. 13; Ткаченко А. А. Юридическая ответственность – институт права // Право и государство: теория и практика. 2011. № 12. С. 21.

ния ответственности, возникающие из юридического факта правонарушения. Исследует проявление, последовательность развития юридической ответственности: а) позитивная – норма права (содержит правомочие, или запрет, или позитивную обязанность); осознание предписаний, содержащихся в норме права; правомерное поведение; оценка правомерного поведения; одобрение или применение мер поощрения; б) негативная – обязанность, вытекающая из юридического факта совершения правонарушения; осуждение правонарушителя; реализация санкции; претерпевание виновным правоограничений (лишений личного, имущественного или организационного характера)¹.

Во многом разделяя вышеизложенные взгляды, считаем, что основной критерий систематизации правового массива, деления на институты, отграничения одной группы норм от другой – предмет регулирования определен недостаточно четко. Например, С. А. Носков пишет, что это наиболее важные общественные отношения. Этот вопрос требует дополнительного изучения, поэтому будет исследован в следующем параграфе, наряду с другими составляющими, тенденциями развития института юридической ответственности.

На основании изложенного сделаем следующие выводы.

Социальная ответственность выступает всеобщей социально-философской категорией, состоит из двух компонентов (субъективного, объективного), имеет два значения (позитивное, негативное), в рамках которой существуют отраслевые формы, виды ответственности (обладают всеми признаками родового понятия, а также характерными для определенной формы, вида специфическими свойствами). Формы, виды ответственности, отличаясь друг от друга по разным основаниям, не противостоят, а взаимодействуют друг с другом, что в дальнейшем будет усиливаться.

Соотношение социальной и правовой ответственности – это род и вид, род определяет вид, а не наоборот, поэтому должно быть согласовано видовое понятие правовой ответственности с родовым понятием социальной ответственности,

¹ Носков С. А. Институт юридической ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Носков Сергей Александрович. Казань, 2007. С. 6.

исключено противостояние социальной и правовой ответственности (философы, социологи отдают приоритет субъекту, позитивной ответственности, юристы – нормам, ретроспективной (негативной) ответственности).

Выделены правовая и юридическая ответственность, определения которых зависят от выбранных приоритетов (субъект или норма, позитивная или негативная ответственность), подходов к пониманию права, типов правопонимания. Правовая ответственность – это доктринальная модель, которая имеет научно-прикладной характер, влияет на правотворческий процесс, формирование требований к содержанию нормативных актов, лежит в основе, обуславливает возникновение нормативной модели юридической ответственности, которая получает закрепление в системе и источниках права, имеет четко выраженную структуру, что накладывает ограничения на правотворческий процесс, является частью профессиональной, практической юридической деятельности.

Единого подхода к пониманию правовой (юридической) ответственности сложиться не может в связи с разнообразием типов правопонимания, точек зрения (институт права, институт законодательства, правовая конструкция, правовое средство, единица мышления в рамках профессионального сознания, средство правового регулирования, признак права, структурный элемент правовой нормы, стимул правомерного поведения и т. д.). В рамках каждого из подходов возможно построение своего непротиворечивого, подчиняющегося внутренней логике понятийного аппарата, поэтому методологически бесперспективен поиск ответа на вопрос – какое из определений верно, какое нет. Важно определиться с выбором подхода.¹

Автор разделяет позицию тех исследователей, которые определяют юридическую ответственность как межотраслевой, функциональный, регулятивно-охранительный институт права, в рамках которого позитивная юридическая от-

¹ См., подробнее: Котковский Л. Э. Проблемы понимания ответственности как социально-философской и правовой категории // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 1 (51). – С. 138–141.

ветственность может рассматриваться как признак (свойство) субъекта права. На этих моментах остановимся более подробно в следующем параграфе.

1.2. Юридическая ответственность как институт права и признак (свойство) субъекта права

В предыдущем параграфе обращалось внимание на то, что стремление создать четкие, непротиворечивые системы права и законодательства ведет к тому, что для практического использования надо выбрать подход, в соответствии с которым определяется нормативная модель юридической ответственности. Были проанализированы различные точки зрения по вопросам понимания юридической ответственности, сделан вывод, что перспективно рассматривать юридическую ответственность как межотраслевой, функциональный, регулятивно-охранительный, сложный институт права.

Общеизвестно, что в основе деления системы права на институты лежат два критерия: предмет и метод правового регулирования. Первый критерий (предмет правового регулирования) считается главным, имеет объективное содержание, предопределен самим характером общественных отношений. Второй (метод правового регулирования) – вспомогательный, дополнительный критерий, произведен от предмета и не имеет самостоятельного значения.

Поэтому важно определить предмет правового регулирования института юридической ответственности с помощью которого: во-первых, этот институт обособляется в системе, отрасли права, становится самостоятельным структурным элементом; во-вторых, обозначается совокупность однородных общественных отношений, определяется своеобразие и специфика их правового регулирования; в-третьи, четко и точно установленный предмет регулирования института, обусловленный характером общественных отношений, решает задачу по созданию непротиворечивой, согласованной, стабильной и динамичной системы права, обеспечивает эффективное применение законодательства.

Например, стремление использовать уголовно-правовые средства для решения любых социально-значимых проблем, привело к расширению границ предме-

та регулирования уголовного и уголовно-процессуального права, что породило многочисленные, хаотичные, бессистемные, противоречивые изменения законодательства. Так, председатель Верховного суда РФ В. М. Лебедев отметил, что в действующие УК и УПК внесено так много изменений, что появилось предложение запретить вносить изменения в УК и УПК чаще, чем один раз в год¹.

Как правило, предмет института юридической ответственности обозначается как правомерное и неправомерное поведение, в рамках которых исследуются проявления юридической ответственности², что требует корректировки в виду, во-первых, широкого признания и распространения других видов поведения (позитивное, негативное, отклоняющееся, социально-значимое, социально-вредное и т. д.)³, во-вторых, неоднородности, неоднозначности представлений о правомерном и неправомерном поведении.

По выделенным моментам отметим, что основанием наступления юридической ответственности могут быть не только норма и негативное отклонение от нормы, но и позитивное отклонение от нормы. Так, Я. И. Гилинский пишет, что нормы выступают неперемным условием человеческой деятельности и общественных связей. Развитие предполагает создание нового. Новое всегда выступает отклонением от нормы (стандарта, шаблона). Отклонения от нормы могут иметь двойкий характер: негативный – дисфункциональный, дезорганизирующий систему, и – позитивный, служащий средством прогрессивного развития системы, повышения ее организованности. Позитивное отклоняющееся поведение, преодолевая устаревшие нормы и заменяя их новыми, прогрессивными, содействует развитию общественных отношений (социальное творчество). Негативное отклоняющееся поведение – антипод социального творчества, другой полюс социальной активности – способствует сохранению или реставрации старых, консервативных или реакционных элементов общественных отношений. Граница между социально позитивным и негативным подвижна и изменяется в пространственно-временном кон-

¹ Вячеслав Лебедев считает, что необходимо принять новые УК и УПК. URL: <http://pravo.ru/news/view/134754> (дата обращения: 14.12.2017).

² Носков С. А. Институт юридической ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Носков Сергей Александрович. Казань, 2007. 21 с.

³ Например: Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. М.: Наука, 1982. С. 21–23.

тинууме социума, образуя полярные (дополнительные) противоположности (стороны) отклоняющегося поведения как системы¹.

Таким образом, норма (правило, образец, масштаб, эталон поведения) – это правомерное поведение (соответствует нормам права), есть два вида отклонений от нормы (позитивное и негативное). Перечисленное выступает основанием наступления юридической ответственности, сущность которого состоит в том, что, с одной стороны, это модель определенного поведения (желательная/нежелательная, полезная/бесполезная, допустимая/недопустимая для личности, общества, государства), закрепленная правовой нормой, выступающая элементом юридической ответственности. С другой стороны – это поведение самого лица, которое совершает действия (бездействия) в соответствии с закрепленной моделью или не в соответствии с ней. Выделенные стороны выступают единым правовым основанием юридической ответственности.

Взяв за основу позицию Я. И. Гилинского, некоторые элементы классификации В. Н. Кудрявцева², выделим три вида поведения:

1) позитивное поведение (совпадающее с нормативной системой, допустимое, одобряемое), влекущее наступление позитивной юридической ответственности в виде благоприятных последствий (достижение социально-полезных целей, получение благ, осуществление субъективных прав и т. д.);

2) негативное поведение (нарушающее нормативные правила, осуждаемое, наказуемое) влекущее наступление негативной юридической ответственности в виде неблагоприятных последствий (причинение вреда, прекращение правоотношений, ограничение прав, принудительность исполнения обязанностей, лишения личного или имущественного характера и т. д.);

– позитивное отклоняющееся поведение (выходит за рамки обычного правомерного, социально-активное поведение), влекущее наступление позитивной

¹ Гилинский Я. И. Социологическое исследование преступности и иных антиобщественных проявлений (вопросы теории и методики): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Гилинский Яков Ильич. М., 1985. С. 27–28.

² Оценка норм – позитивная, негативная; социальная значимость поведения – необходимое, желательное, допустимое; характер наступивших или возможных последствий – благоприятные, неблагоприятные, отрицательные, положительные; степень социальной активности субъекта – обыденное, активное.

юридической ответственности в виде преобразования, создания качественно новых форм и видов общественных отношений, правил поведения.

Рассмотрим их более подробно.

А. К позитивному поведению относится, прежде всего, правомерное поведение – поведение субъекта, соответствующее нормам права, социально-полезное, одобряемое государством и обществом, подконтрольное сознанию и воле лица, не выходящее за рамки дозволенного (исполнение юридических обязанностей, осуществление субъективных прав, соблюдение правовых запретов), поддерживаемое возможностью государственной защиты. Есть и более широкие определения, включающие правоприменение, меры юридической ответственности в отношении правонарушителя, меры государственного принуждения, не являющиеся ответственностью¹, с чем можно согласиться.

Проблема заключается в том, что, с одной стороны, в юридической литературе преобладает позиция, в соответствии с которой правомерное поведение всегда является необходимым и желательным, субъект, поступающий правомерно не может причинить вред другим участникам общественных отношений, не может быть привлечен к юридической ответственности. С другой – в целом ряде случаев поведение формально не нарушает правовых норм, но является социально вредным, может причинять вред другим лицам, имеет сомнительную общественную или индивидуальную пользу (сутяжничество, необоснованные притязания), но не запрещается государством, то есть является юридически допустимым. Определённая часть такого рода отношений одновременно подпадает под категорию злоупотребления субъективным правом.

Классификация злоупотребления субъективным правом как негативного или позитивного поведения остается проблемой, что связано с сопоставлением,

¹ Правомерное поведение – это деятельность индивидуальных и коллективных субъектов, соответствующая нормам права, осуществляемая в форме соблюдения правовых запретов, исполнения юридических обязанностей, использования субъективных прав, правоприменения, гарантированная и охраняемая государством. В качестве правомерных расцениваются меры юридической ответственности в отношении правонарушителя и меры государственного принуждения, не являющиеся ответственностью. См: Тюрина Н. И. Правомерное поведение как объект юридического исследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Тюрина Наталья Ивановна. Саратов, 2003. С. 13, 16.

разграничением с правомерным и неправомерным поведением¹. Одни авторы рассматривают злоупотребление субъективным правом как разновидность противоправных действий (И. С. Самощенко, Н. И. Тюрина), другие – как феномен, который представляет собой правомерное, но социально вредное поведение (Л. Д. Чулюкин, Р. Крусс), третьи пишут, что злоупотребление правом необходимо относить к самостоятельному виду правового поведения, наряду с правомерным поведением и правонарушением (А. С. Шабуров).

Автор присоединяется к мнению тех авторов, которые считают, что злоупотребление правом не является ни самостоятельным видом правового поведения, ни разновидностью исключительно противоправного либо только правомерного поведения. Злоупотребления субъективными правами могут быть правомерными (легальными) и противоправными. Основанием деления является критерий оценки вреда (причиненного зла). Если причинение вреда участникам общественным отношениям противозаконно, то это противоправное злоупотребление правом, если нет – правомерное².

Социально вредным и юридически допустимым может быть правомерное злоупотребление правом (субъект осуществляет свои права и свободы в установленных границах, причиняя вред другим лицам, но нет запрета, нет охраны государством)³. Например, злоупотребление субъектом избирательным правом (избирается депутатом с целью получить неприкосновенность, избежать привлечения к уголовной ответственности), злоупотребление правом в обход закона (достижение

¹ В юридической литературе неоднократно проводились исследования по сопоставлению правомерного и неправомерного поведения, поэтому нет необходимости останавливаться на этих вопросах подробно. Отметим лишь наиболее принципиальные моменты. Объект правонарушения претерпевает неблагоприятное воздействие, объект правомерного поведения нет. Между объективной стороной состава правомерного поведения и состава правонарушения выстраиваются корреляционные зависимости: запрет – воздержание от совершения действий (правомерное поведение); запрет – совершение запрещенных действий (правонарушение); позитивное обязывание – совершение указанного в норме деяния (правомерное поведение); позитивное обязывание – воздержание от указанного в норме действия (правонарушение); дозволение – использование права (правомерное поведение); дозволение – использование права не в соответствии с его целевым предназначением или выход за пределы полномочий (правонарушение или злоупотребление правом). См.: Великосельская И. Г. Состав правонарушения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Великосельская Ирина Геннадьевна. Казань, 2010. С. 9–10.

² Дурново Н. А. Злоупотребление правом как особый вид правового поведения: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Дурново Наталья Александровна. Нижний Новгород, 2006. С. 25; Малиновский А. А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Малиновский Алексей Александрович. М., 2009. С. 12.

³ Дурново Н. А. Указ. раб. С. 24.

цели, противоречащей цели закона, таким путем, что правило поведения, сформулированное в обходимом законе, считается ненарушенным)¹.

Отдельная тема, заслуживающая внимания – это правомерные действия, повлекшие причинение вреда. В уголовном праве совершение правомерных действий, причиняющих вред, относится к обстоятельствам, исключающим преступность деяния, применение мер ответственности (например, необходимая оборона), в гражданском праве совершение правомерных действий, причиняющих вред, является частью гражданско-правовой ответственности (действует принцип генерального деликта – любой вред признается противоправным и должен быть возмещен кем бы он ни был причинен).

Выделяются группы правомерных действий, причиняющих вред: а) правомерные действия, причиняющие вред, но не влекущие компенсацию вреда (необходимая оборона; задержание лица, совершившего преступление; исполнение приказа, распоряжения; причинение вреда вследствие психического или физического принуждения; согласие потерпевшего; в пределах правомерного причинения вреда; б) правомерные действия, причиняющие вред и влекущие его компенсацию (крайняя необходимость; общая авария; обоснованный риск; причинение вреда при пресечении террористического акта; реквизиция)².

Основанием деления правомерности и неправомерности причинения вреда выступает нормативное закрепление перечня ситуаций, при наступлении которых вред, причиненный правомерными действиями, подлежит компенсации. В противном случае изначальное рассмотрение вреда как результата противоправного поведения может повлечь необоснованные претензии лиц, которым вред причинен правомерными действиями. Негативная юридическая ответственность наступает если причинение вреда повлекло компенсацию вреда, не наступает – если за-

¹ Оценка действий по обходу закона на протяжении десятилетий вызывало споры, поведение рассматривалось и как правомерное, и как противоправное. Сегодня в Гражданском Кодексе РФ установлен запрет на совершение такого рода действий (бездействий).

² Карманова Е. В. Обязательства вследствие причинения вреда правомерными действиями в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Карманова Екатерина Васильевна. М., 2012. 25 с.

конодательством не предусмотрено компенсации вреда, поскольку с правовой точки зрения нет неблагоприятных последствий¹.

В зависимости от позиций, компенсация может быть отнесена как к мерам защиты, так и к мерам ответственности. Автор поддерживает мнение тех ученых, которые не разделяют меры защиты и меры ответственности – то, что для обязанного лица является ответственностью, для уполномоченного – мерой защиты (С. Н. Братусь), отмечают, что меры защиты поглощаются мерами ответственности – применение мер ответственности осуществляется в результате действия мер защиты (Н. В. Витрук). В качестве дополнительного обоснования приведем также следующие аргументы.

Во-первых, законодатель не разграничивает меры защиты и меры ответственности, например, любой способ защиты, закрепленный в ст. 12 ГК РФ, может быть и мерой защиты, и мерой ответственности, но в плане объективности лучше использовать меры ответственности (например, истец требует возмещения убытков, суд исходит из того, что это мера ответственности, поэтому истцу необходимо доказать наличие полного состава правонарушения). Во-вторых, в законодательстве зарубежных стран чаще всего присутствует единая трактовка мер защиты (например, принудительного исполнения обязательства) как мер ответственности. Главное – восстановить правовое положение лица, чьи права были нарушены, компенсировать его потери, способами, квалифицируемыми как ответственность. В-третьих, опасность подхода, разграничивающего меры защиты и меры ответственности, в том, что суды и другие правоприменительные органы начинают произвольно толковать нормы закона, предусматривающие применение этих норм². Например, отмечается, что действующая Конституция РФ не закрепляет большинства мер конституционно-правовой ответственности, но интерпре-

¹ Например, ст. 16.1. ГК РФ закрепляет, что в случаях и в порядке, которые предусмотрены законом, ущерб, причиненный личности или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица правомерными действиями государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, а также иных лиц, которым государством делегированы властные полномочия, подлежит компенсации.

² Кархалев Д. Н. Соотношение мер защиты и мер ответственности в гражданском праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Кархалев Денис Николаевич. Екатеринбург, 2003. 22 с.; Кравченко А. А. Соотношение мер защиты и мер ответственности как способов защиты субъективных гражданских прав // Российский юридический журнал. 2015. № 2. С. 94–104; Кондрашев А. А. Теория конституционно-правовой ответственности в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02 / Кондрашев Андрей Александрович. М., 2011. 56 с.

тационные акты Конституционного Суда РФ предоставляют возможность необоснованно широкого, вариативного законодательного закрепления конституционных санкций в федеральном законодательстве, что недопустимо в демократическом государстве¹.

Таким образом, к одобряемому, допустимому поведению, которое не влечет наступление негативной юридической ответственности относится: правомерное поведение; поведение, которое хотя и считается социально вредным, но формально не нарушает правовых норм; правомерное злоупотребление субъективным правом, не выходящее за установленные нормами пределы, но причиняющее вред другим лицам и неохрряемое государством; правомерное причинение вреда, не влекущее компенсацию вреда. Выделенные виды поведения неоднородны, в том числе, одни и те же действия (бездействия) могут рассматриваться как правомерные и неправомерные, порождать благоприятные и неблагоприятные последствия.

На основании изложенного для определения оснований позитивной ответственности целесообразно воспользоваться термином «квази» (близок по своей правовой природе к позитивной ответственности, но содержит элементы, не характерные для позитивной ответственности, осложненный элементами, выходящими за пределы позитивной ответственности)² и квалифицировать основания позитивной ответственности на:

– базовые – это правомерное поведение субъекта, который не привлекается к негативной ответственности, не причиняет вред, не порождает других юридически значимых неблагоприятных последствий;

– квази-основания («как бы», «якобы», «почти») – поведение субъекта не является социально-полезным, но формально не нарушает правовых норм или является социально-полезным, но причиняет вред, при этом негативная юридическая ответственность не наступает, так как нет соответствующей нормы.

Б. Негативное поведение, которое влечет наступление негативной юридической ответственности – это, прежде всего, неправомерное поведение (обществен-

¹ Кондрашев А. А. Указ. соч. С. 15.

² В римском праве термин «квази» использовался для выделения квази-контрактов и квази-деликтов (от лат. quasi – как будто; англ. quasi-contracts and quasi-delicts) – оснований возникновения обязательств, не основанных ни на контракте, ни на деликте, а лишь подобных тому или другому.

но-вредное, не соответствующее правовым нормам, негативно оцениваемое государством и обществом), его основная разновидность – правонарушение (преступления, проступки, деликты). Нет единого подхода к пониманию преступления, проступка, деликта, к выявлению их соотношения, но никто не спорит с тем, что все они влекут наступление негативной юридической ответственности.

Проблемы заключаются в том, что нет ясного представления какие еще виды поведения следует отнести к негативному, влекущему наступление негативной юридической ответственности. В частности, это вопросы разграничения объективно-противоправного деяния, безвиновной ответственности, правомерного деяния, причиняющего вред, влекущего его компенсацию, противоправного злоупотребления субъективным правом.

Прежде всего отметим, что многие авторы пытаются связать объективно-противоправное деяние с безвиновной ответственностью (гражданско-правовой конструкцией ответственности без вины), рассматривая их как тождественные понятия, что неправильно и требует разъяснений.¹ Так, первая конструкция (объективно-противоправные деяния) представляют собой акты поведения, которые противоречат нормам позитивного права, но, в отличие от правонарушений, не содержат в своем составе одного или всех субъективных элементов, т.е. субъекта, субъективной стороны. Вторая конструкция (безвиновная ответственность) в гражданском праве представляет собой специфическую форму компенсации вреда, восстановления нарушенного права.

Это разные конструкции по целям, условиям, основным элементам и т. д.: первая действует в публичном праве, позволяя освобождать от ответственности недееспособных лиц, лиц, совершивших безвиновное действие, вторая действует в сфере частного права, позволяя привлекать к ответственности лицо, причинившее вред; главным элементом в первой выступает наличие вины, состава правонарушения, во второй – наличие вреда; первая вводит ограничения для привлечения к ответственности субъекта, совершившего противоправные действия (воз-

¹ Особо настораживает, что эти мысли излагаются в учебном пособии, то есть обучающиеся воспринимают в корне неверный материал. См.: Кузьмин И. А. Объективно-противоправное деяние как основание объективной (безвиновной) ответственности // Вестник Омского университета. Омск, 2011. № 1 (26). С. 39–44; Кузьмин И. А. Юридическая ответственность и ее реализация: учебное пособие. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. С. 152–161.

раст, психическое состояние, вина), вторая снимает любые ограничения, закрепляя обязанность возместить вред кем бы он ни был причинен (генеральный деликт).

Соотношение ответственности «за вину» и ответственности «без вины» имеет многовековую историю, меняется в зависимости от временного периода, общественного развития, что характерно и для разработанных по этой проблематике концепций (принцип причинения и принцип вины). Сегодня, несмотря на то, что ответственность без вина считается исключением из правил, основной чертой современного гражданско-правового регулирования выступает тенденция к постепенному убыванию значения вины как субъективного условия ответственности, сужение сферы ответственности «за вину» и расширение сферы ответственности «без вины» (предпринимательство, экология, государственное управление, например, установлена безвиновная ответственность представителей органов государственной власти, предпринимателей, владельцев источников повышенной опасности)¹.

Вместе с тем, в публичном праве продолжает доказываться несостоятельность, социальная несправедливость и порочность безвиновной ответственности, что далеко от действительности. Самая распространенная ситуация – не деликтоспособное лицо, совершая преступление, причиняет вред имуществу потерпевшего. Не деликтоспособное лицо освобождается от уголовной ответственности, но гражданско-правовая ответственность остается, к ней привлекаются его законные представители, возмещая причиненный вред. Иными словами, деяние может быть признано невиновным с точки зрения публичного права, но противоправным – с позиций частного права.

В определенной мере эту проблему создал сам законодатель, который не смог отойти от традиционных категорий, заимствованных из уголовного права, поэтому в ГК РФ нет единого подхода к определению вины². По аналогии с уголовным правом, где доминирует субъективный характер вины (субъекты – физи-

¹ См., подробнее: Дмитриева О. В. Ответственность без вины в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Дмитриева Ольга Викторовна. СПб., 1996. 21 с.

² То, что вина в уголовном праве существенно отличается от вины в гражданском праве отмечается во многих работах (М. И. Брагинский, В. В. Витрянский, Б. И. Путинский, Е. А. Суханов и др.)

ческие лица, обладают сознанием и волей, важно установить психическое отношение к совершенному деянию, последствиям), в гражданском законодательстве вина также носит субъективный характер, разделяется на формы (умысел или неосторожность – п. 1 ст. 401 ГК РФ). В уголовном праве это оправдано, так как от формы вины зависит квалификация преступления и назначения наказания. В гражданском праве в большинстве случаев формы вины не имеют значения, главное – наличие вреда, вина предполагается, определяется через категорию невиновности, вина не носит субъективного характера, а устанавливается путем оценки действий субъекта – степень заботливости и осмотрительности (п. 2 ст. 401 ГК РФ¹). По гражданским делам судебные органы в первую очередь устанавливают причинную связь (действия (бездействия), повлекшие причинения вреда), размер вреда, при необходимости наличие/отсутствие вины, которая при наличии вреда презюмируется, а невиновность доказывается не органами государственной власти, потерпевшим, а лицом, не исполнившим обязательства, причинившим вред.

В ГК РФ достаточно одного факта наличия негативных последствий, основанием выступает не вина, а, например, риск как опасность возникновения неблагоприятных последствий (имущественного или личного характера), относительно которых не известно, наступят они или нет². К ответственности «без вины» привлекаются субъекты, которые, обладая необходимыми знаниями и навыками, добровольно принимают на себя безусловную (повышенную) ответственность за последствия осуществления деятельности, характер которой предполагает возможность наступления неблагоприятных последствий (например, предприниматели). Повышенная ответственность устанавливается с целью стимулировать субъекта вести себя заботливо и осмотрительно, избегать неоправданных рисков, приводящих к причинению вреда, искать пути предотвращения ущерба. Центральной проблемой в деликтном праве является выяснение вопроса о том, бази-

¹ Лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства.

² См., подробнее: Поводова Е. В., Савельева О. Е. Вина и ответственность «без вины» в гражданском праве // Молодежь и наука: реальность и будущее: материалы III междунар. науч. конф. Том II: Филологические и юридические науки. Невинномысск: НИЭУП, 2010. С. 468–470.

руется ли главный критерий ответственности на индивидуальной вине или на широком распространении риска.

В цивилистике и судебной практике возникают проблемы из-за общепринятого отождествления противоправности с виной, поэтому целесообразно или отказаться от понимания вины как психического отношения к содеянному, последствиям, закрепить презумпцию противоправности (лицо несет ответственность, если не докажет, что приняло все возможные от него меры заботливости и осмотрительности для исполнения обязательства, предотвращения причинения вреда), или рассматривать вину в широком смысле, как виновность, включающую в себя: а) вину в традиционном ее понимании – непринятие необходимых (умысел) либо разумных с учетом конкретной ситуации (неосторожность) мер по устранению или недопущению наступления неблагоприятных последствий; б) иные основания ответственности – риск, интересы, цели.

Таким образом, объективно-противоправное деяние и безвиновная ответственность – это разные категории, нельзя отождествлять вину в уголовном (носит субъективный характер) и гражданском праве (состоит из оценки действий субъекта), основания гражданско-правовой ответственности шире, помимо вины, включают риски, интересы, цели, что находит отражение в правовых нормах, договорах.

Проблема разграничения объективно-противоправного деяния, безвиновной ответственности и правомерного деяния, причиняющего вред, подлежащий компенсации связана, прежде всего с оценкой поведения субъекта с позиций правомерности/противоправности поведения.

Объективно-противоправное деяние – это поведение, которое противоречит нормам позитивного права, но не содержит всех необходимых элементов правонарушения (субъекта, субъективной стороны), поэтому выступает основанием освобождения от уголовной ответственности. Безвиновная ответственность в гражданском праве наступает при отсутствии вины, но наличии вреда, основания – риск, интерес, цели, устанавливается в отношении субъекта, который, занимаясь определенной деятельностью, добровольно принимает на себя повышенную от-

ветственность за возможность наступления неблагоприятных последствий. Таким образом и в том и в другом случае речь идет о презумпции противоправности поведения (нарушение норм, наличие вреда).

Правомерные действия, причиняющие вред, подлежащей компенсации – это допустимое законом, социально-полезное поведение, влекущие одобрение со стороны личности, общества и государства. Противоречие в том, что, с одной стороны, его затруднительно рассматривать с позиций презумпции противоправности, с другой стороны, есть вред, который изначально рассматривается как результат противоправного поведения. Поэтому это обязательство включает в себя только вред, причиненный по прямому разрешению (дозволению) правовой нормы. Юридическая ответственность наступает в силу наличия вреда, подлежащего компенсации, обязанность по возмещению вреда, как правило, не возлагается на непосредственного причинителя вреда.

Многочисленные споры вызывает отнесение к основанию негативной юридической ответственности злоупотребление правом. Ранее отмечалось, что злоупотребление правом классифицируется на правомерное и неправомерное. В свою очередь неправомерное делится на: а) противоправное злоупотребление правом, не являющееся правонарушением (например, есть запрещающая норма, но нет санкции, невозможно привлечь к юридической ответственности); б) противоправное злоупотребление, являющееся правонарушением (субъект нарушает норму, реализует субъективное право в противоречии с его назначением, причиняя вред охраняемым законом отношениям, есть причинно-следственная связь между противоправным деянием и социально вредными последствиями, можно применить меры юридической ответственности, среди которых: лишение права; возложение на лицо, злоупотребляющее процессуальными правами, судебных расходов; ликвидация общественного объединения, религиозной организации, члены которой злоупотребляют конституционными правами и свободами; отказ в судебной защите субъективного права, которым злоупотребляет управомоченное лицо и др.).

Отличие противоправного злоупотребления правом от «обычного» правонарушения, в том числе служебных (должностных) проступков, преступлений, заключается в том, что субъект противоправного злоупотребления правом – управомоченное лицо, которое злоупотребляя правом не присваивает не принадлежащие ему права (полномочия) и не превышает их.¹

Таким образом, грань, которая отделяет противоправное поведение от иных видов негативного поведения – это нарушение правовых норм, причинение вреда (причинение вреда изначально противоправно), наличие/отсутствие неблагоприятных последствий, возможность/невозможность применения мер негативной юридической ответственности. По этим критериям в предмет правового регулирования института негативной юридической ответственности входят: правонарушение (преступление, проступок, деликт); объективно-противоправное деяние; деяние без вины, влекущее причинение вреда; правомерное причинение вреда, влекущее его компенсацию; противоправное злоупотребление правом, являющееся правонарушением.

По аналогии с позитивной юридической ответственностью можно выделить следующие основания негативной юридической ответственности:

- базовые – это правонарушение (преступление, проступок, деликт);
- квази-основания («как бы», «якобы», «почти», которое близко по своей правовой природе к базовому основанию, но содержит элементы, не характерные для негативной ответственности, осложненные элементами, выходящими за пределы негативной ответственности) – объективно-противоправное деяние; деяние без вины, повлекшее причинение вреда; правомерное причинение вреда, влекущее его компенсацию; противоправное злоупотребление правом, являющееся правонарушением.

При этом нельзя не обратить внимание на то, что постоянно идет поиск родовых признаков негативной юридической ответственности, так как отмечаются существенные отличия различных отраслевых видов ответственности, прежде всего, гражданской ответственности от уголовной, административной, дисципли-

¹ Малиновский А. А. Указ. соч. С. 40 [и след.].

нарной по основаниям возникновения, порядку осуществления, функциям и т. д., утверждается, что нецелесообразно распространять черты ответственности при-сущие уголовному и административному праву на те общественные отношения, которые регулируются гражданским, трудовым, семейным правом (С. С. Алексеев, С. Н. Братусь, С. В. Курылев и др.). Например, ясно, что гражданско-правовая ответственность не всегда содержит выделяемые родовые признаки (принудительность, отрицательные последствия). Так, неустойка или убытки могут быть предметом добровольной уплаты, а не принудительного взыскания, отсутствие в действиях ответственного лица вины автоматически снимает вопрос об осуждении.

Считаем, что в качестве родовых, единых для всех видов ретроспективной юридической ответственности признаков следует выделить следующие: основанием возникновения выступает противоправное поведение – нарушение норм или вред; есть неблагоприятные последствия и нормы, предусматривающие наступление ответственности.¹

В. В позитивном отклоняющемся поведении социальная ценность и правомерность являются предпосылками, исходными (первоначальными) требованиями, но оно становится позитивно отклоняющимся только при превышении уровня обычных (общих) показателей.

Иными словами, это поведение не входит в круг обязанностей субъекта (исполнение юридических обязанностей, соблюдение правовых запретов), посредством его субъект вовлекается в сферу регулирования общественных отношений, создает «правила справедливого поведения» (Ф. А. фон Хайек), которые возникают спонтанно, не с заранее обдуманым намерением, регулируют общественные отношения независимо от того, санкционированы они государством или нет².

¹ Котковский Л. Э. Негативное поведение как основание юридической ответственности // История государства и права. – 2018. – № 6. – С. 43–48.

² Долгополова М. В. Актуальные проблемы предмета и метода правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Долгополова Мария Владимировна. СПб., 2009. С. 15. Кроме того, М. В. Долгополова отмечая, что сегодня не только государство создает нормы, справедливо подчеркивает, что не исследуется проблема реализации спонтанно формирующихся норм права в качестве составной части процесса правового регулирования, в том числе ни в одном из исследований суд не рассматривается в качестве самостоятельного субъекта правового регулирования, тогда как немецкие ученые ставят даже вопрос – вправе ли суды вообще игнорировать действующее законодательство.

Но данные правила носят правовой характер, так как у субъекта имеется юридически признанная свобода по своему усмотрению осуществлять предоставленные ему права и свободы (субъективное право), количество которых увеличивается, так как раздвигаются юридически признанные и гарантированные государством пределы свободы усмотрения субъекта.

Для современного периода развития права характерны нормативный (государственный) и спонтанный (локальный, индивидуальный) порядки регулирования. Первый имеет позитивистскую основу, отражается в нормативных актах. Второй с помощью стихийных механизмов создает правила спонтанного порядка, которые являются открытыми, абстрактными, существуют во многом в виде ценностей и общих принципов. Так, В. Д. Зорькин отмечает, что следует в полной мере осознать, насколько глубока и естественна социальная инерция существующих в нашем обществе неформальных институтов. Тех самых, которые Фридрих фон Хайек называет спонтанными социальными порядками. Тем, кто плывал на корабле в бурю, знакомо ощущение того, как маленький, хрупкий мир порядка атакует гигантский, несоизмеримый этому порядку хаос. Спонтанные социальные порядки – это и есть океаническая толща традиций, обычаев, не до конца вербализованных и не сводимых к рациональности норм, толща социальной инерции. Не надо ужасаться тому, насколько велика эта толща. Корабли порядка, корабли рациональности плывут по ней – и, как мы знаем, не всегда тонут. Но в России в этой толще утонуло уже несколько государственных кораблей. И если мы не хотим, чтобы утонул и этот корабль, то нужно дать себе отчет в том, что мы осуществляем правоприменение в условиях необходимости сосуществования двух правовых систем – формальной и неформальной¹.

Нормальное функционирование «правил справедливого поведения», «спонтанных правил», возникших в пределах осуществления субъективных прав, обеспечивается позитивной юридической ответственностью, в случае нарушения – негативной юридической ответственностью. Так, в соответствии со свободой договора субъект права может заключить вид договор, не закрепленный в законода-

¹ Зорькин В. Д. Правоприменение как стратегическая проблема // Право и правоприменение в России: междисциплинарные исследования / под ред. В. В. Волкова. М., 2011. С. 23.

тельстве, предусмотреть любые права и обязанности, не предусмотренные, но не противоречащие правовым нормам, исполнение договора – его прямой долг перед контрагентом, ненадлежащее исполнение влечет применение мер негативной юридической ответственности, например, возмещение убытков.

Таким образом, позитивное отклоняющееся поведение – это квази-основание позитивной юридической ответственности, так как содержит критерии (свободу усмотрения, неограниченный круг дозволений, разрешено всё то, что прямо не запрещено) превышающие уровень, выходящие за пределы правомерного поведения. Проявляется в следующей последовательности: а) первичные требования (социальная ценность, правомерность, совершаемые действия не входят в круг обязанностей субъекта) создают предпосылки для осуществления уполномоченным лицом действий (бездействий) своей волей и в своем интересе; б) позитивное отклоняющееся поведение субъекта права приводит к созданию качественно новых правил поведения, содержащихся в договорах, корпоративных, локальных актах и т. д. которые в соответствии с предоставленной ему юридической свободой считаются правовыми; в) в качестве оценочных показателей выступают – развитие общественных отношений, общественное и государственное одобрение, применение мер поощрения.

На основании изложенного, в предмет правового регулирования института юридической ответственности входят три группы общественных отношений, связанных с: а) позитивным поведением, которое влечет наступление позитивной юридической ответственности (правомерное поведение; поведение, которое хотя и считается социально вредным, но формально не нарушает правовых норм; правомерное злоупотребление субъективным правом, не выходящее за установленные нормами пределы, но причиняющее вред другим лицам и не охраняемое государством; правомерное действие, причиняющее вред, но не влекущее его компенсацию); б) негативным поведением, которое влечет наступление негативной юридической ответственности (правонарушение (преступление, проступок, деликт); объективно-противоправное деяние; деяние без вины, повлекшее причинение вреда; правомерное действие, причиняющее вред и влекущее его компенсацию;

противоправное злоупотребление правом, являющееся правонарушением); в) позитивным отклоняющимся поведением, которое является социально-активным, превышает уровень обычных (общих) показателей, выходит за рамки обычного правомерного поведения, основано на свободе усмотрения субъекта, что позволяет субъекту вовлекаться в сферу регулирования общественных отношений, преобразования, создания, развития качественно новых форм и видов общественных отношений.

На основе проведенного анализа выделены базовые основания и квази-основания («как бы», «якобы», «почти»), которые близки по своей природе к своим аналогам, но содержат элементы, выходящие за пределы, не характерные для того вида ответственности, к которому они принадлежат, или имеют смешанную природу.

Институт юридической ответственности регулирует позитивное, позитивное отклоняющееся поведение путем одобрения и поощрения; негативное поведение путем осуждения и наказания. По проблемам их соотношения и взаимодействия автор присоединяется к позиции А. В. Малько. Поощрение – это закрепленная в праве форма и мера одобрения правомерного и позитивного отклоняющегося поведения, в результате чего субъект вознаграждается, для него наступают благоприятные последствия. Наказание – это закрепленная в праве форма и мера осуждения (порицания) противоправного поведения, в результате чего субъект в чем-то ограничивается, чего-то лишается. Поощрение, наказание – парные категории, выступают в качестве соответствующих санкций (позитивных, положительных; негативных, отрицательных), являются составными частями, главными опорами более общих парных категорий (правовых стимулов и правовых ограничений). Поощрение, наказание – это доведенные до противоположности (крайности) виды стимулов и ограничений, между ними располагаются, с одной стороны, льготы, привилегии, иммунитеты, субъективные права, свободы, законные инте-

ресы и др., с другой – запреты, обязанности, приостановления, лимиты, меры ответственности и др.¹

Структура института юридической ответственности состоит из трех блоков: система правовых и иных (не запрещенных государством) норм; совокупность позитивных, негативных, позитивно отклоняющихся действий (бездействий) субъектов права; система взаимодействия юридических средств (одобрение, поощрение, осуждение, наказание). Такой подход позволяет выделить нормативные, поведенческие, оценочные стороны, связать в единое целое структурные элементы института.

Юридическая ответственность – сложный институт, состоит из подинститутов (позитивная, негативная ответственности), субинститутов (правомерное, позитивное отклоняющееся поведение, отраслевые виды ответственности, злоупотребление правом, институт причинения вреда и т. д.). Внутривидовое деление, а также употребление терминов «институт» «подинститут», «субинститут» зависит от уровня и критериев обобщения. Каждый из подинститутов, субинститутов обладает относительной самостоятельностью и обособленностью (предмет, метод, цели, функции, принципы), в тоже время они взаимодействуют между собой, обеспечивая целостность, единство института, системы права.

Системное изучение юридической ответственности как межотраслевого института права позволяет выработать общие начала регулирования отдельных групп общественных отношений, дифференцировать принципы, нормы права по отраслям, установить правильное соотношение между поведением субъекта (правомерным, противоправным, позитивным, негативным поведением) и реакцией на него со стороны общества, государства (одобрение, осуждение, поощрение, наказание), что приводит к согласованности, эффективному применению нормативных актов. К общим принципам регулирования относятся: центральная категория – субъект права, его права и свободы, по объему и реальному использованию которых можно судить о состоянии института, системы права; сочетание централи-

¹ Малько А. В. Правовые поощрения и правовые наказания: проблемы соотношения и взаимодействия // Современное право. 2011. № 9. С. 12–14; Нырков В. В. Поощрение и наказание как парные юридические категории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Нырков Владимир Владимирович. Саратов, 2003. С. 30.

зованного и децентрализованного, национального и международного правового регулирования, частноправовых и публично-правовых начал, что обеспечивает единство института, связанность норм права общими целями и задачами; взаимная ответственность государства и личности¹.

Институт ответственности имеет объективный характер, выступает предпосылкой внешнего проявления позитивного, негативного аспектов реализации юридической ответственности, находит отражение в правовых нормах, практической юридической деятельности. Вопрос об объективных проявлениях негативной юридической ответственности не стоит (нет нормы – нет ответственности), чего не скажешь о позитивной юридической ответственности.

Как видно из приведенного ранее анализа, позитивной юридической ответственности стремятся придать нормативный характер, увязать с нормами права, правомерным поведением, диспозицией правовой нормы, поощрительными (стимулирующими) санкциями и т. д. Не оспаривая важность этого направления в аспекте, например, правоприменительной деятельности, считаем, что сегодня во многих сферах невозможно, да и не нужно регламентировать все варианты правомерного поведения. Более того, общеизвестно, что излишнее регулирование вредит общественному развитию, основой которого выступает свобода совершения активных социально-полезных действий, позитивное отклоняющееся поведение выводит общество на новые уровни развития.

В таком аспекте негативная и позитивная юридическая ответственность различаются тем, что первая основное значение придает форме (правовым предписаниям), главная идея – соответствовать юридическим нормам и правилам, нарушение которых влечет осуждение, наказание, что правильно, вторая – субъекту права, его поведенческой составляющей, в том числе субъект не только следует правовым предписаниям, но и может выбирать варианты поведения, само-

¹ Принцип взаимной ответственности раскрывается в нескольких аспектах: взаимное правомерное поведение государства и личности, гарантированное осуществление предоставленных прав и свобод; единство требований в установлении оснований (составов правонарушений), пределов, принципов, целей, функций юридической ответственности личности и государственных органов, их должностных лиц, а также возмещение причиненного личности вреда в результате событий, действий, не связанных с противоправным поведением представителей государства. См.: Бабаджанян К. А. Взаимная ответственность личности и государства как основа гармонизации взаимоотношений между ними (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Бабаджанян Кристина Аваковна. Саратов, 2013. 22 с.

стоятельно создавать нормы (правила поведения), которые в соответствии с предоставленной ему юридической свободой будут считаться правовыми.

Поэтому позитивная юридическая ответственность может рассматриваться как признак (свойство) субъекта права (А. Ю. Бондарев, Ю. И. Гревцов). Во-первых, позитивная ответственность связывается с психическим отношением личности к содеянному в настоящем и в будущем, с его осознанием долга, совести, моральных обязательств и т. д. То есть, по сути, сближается с социальной ответственностью¹. Во-вторых, позитивная ответственность понимается как мера, условие свободы (ограниченная или неограниченная), субъект права в целях достижения свободы должен контролировать свое поведение, действовать ответственно, свобода – это ответственная и осознанная деятельность².

Вместе с тем, автор не разделяет позицию А. Ю. Бондарева, что юридическая ответственность – это «правовое свойство (качество) самого субъекта права, содержательно выраженное в знаниях им своих статусных правовых обязанностей, умении распознавать момент их конкретного возникновения в процессе своей правовой жизни, осмыслении ценности их для собственных и общественных интересов, положительной эмоционально-чувственной оценки и волевого воплощения их в своем правомерном поведении»³.

Действительно, многие авторы включают в структуру правового статуса (помимо традиционных прав и обязанностей) многочисленные элементы – правовые нормы, правоотношения общего (статусного) характера, принципы правового положения, гражданство, юридические гарантии, ответственность (Л. Д. Воеводин, В. М. Горшенев, Н. И. Матузов и др.). Однако правовой статус – это категория статики, попытки придать ей динамический характер (вводили новые термины «правовое состояние», «правовое положение» и т. д.), успехом не увенчались.

В позитивной ответственности главную роль играет субъект, его деятельность, а не статус, что наиболее точно охарактеризовал Ю. И. Гревцов. Субъект

¹ Липинский Д. А. Концепции позитивной юридической ответственности в отечественной юриспруденции // Журнал российского права. 2014. № 6. С. 37–51. Аналогичные выводы содержатся в монографии А. В. Чепуса. Чепус А. В. Теория позитивной юридической ответственности: монография. М.: Проспект, 2016. 160 с.

² Базылев Б. Т. Сущность позитивной юридической ответственности // Правоведение. 1979. № 4. С. 17.

³ Бондарев А. С. Юридическая ответственность – исключительно позитивное свойство субъектов права // Правоведение. 2008. № 1. С. 136.

права – это живой человек, являющийся носителем нравственно-культурных начал, обладающий правосознанием, той или иной мерой свободы, ответственности, имеющий определенный жизненный и профессиональный опыт. Названные свойства усваиваются, обретаются, вырабатываются каждым человеком, а не «вкладываются» в каждого в равной мере. Субъекты права являются величинами разными, степень различия также величина не постоянная. Ю. И. Гревцов, ссылаясь на М. К. Треушникова, пишет: процессуальный кодекс – как ноты, по которым один судья сыграет так, что заслушаешься, а другой – так, что уши заткнешь.¹

Проанализировав различные точки зрения, приходим к выводу, что центральная категория – субъект права требует переосмысления. Автор разделяет позицию ученых Санкт-Петербургского государственного университета (Ю. И. Гревцова, И. Ю. Козлихина, А. В. Полякова и др.):

– законодательство, теория государства и права закрепляют, изучают «пассивную» конструкцию (статическое положение) субъекта права (правоспособность и дееспособность), что не может сегодня удовлетворить ни науку, ни практику;

– некорректность использования «пассивной» конструкции субъекта права связано с исключением активного, деятельного начала, присутствующего как в человеческой деятельности, так и в праве (субъект сам создает, изменяет нормы, следует им или нарушает)².

Юридический характер позитивной ответственности состоит в том, что носителями такой ответственности являются субъекты права, но не находящиеся в состоянии покоя, а действующие³. С точки зрения правовой формы все субъекты и права одинаковы (все правоспособны и дееспособны), но как действующие субъекты права – отличаются друг от друга. Таким образом, позитивная юридиче-

¹ Гревцов Ю. И. Субъект права // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. Серия 14. 2014. № 1. С. 34.

² См., например: Поляков А. В. К понятию субъекта права // Постклассическая онтология права: монография / под ред. И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2016. С. 305–310.

³ В наиболее полном виде эта позиция представлена в работах Ю. И. Гревцова. См.: Гревцов Ю. И. Субъект права // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. Серия 14. 2014. № 1. С. 33–39; Гревцов Ю. И. Проблемы юридических конструкций ответственности // Юридическая техника. 2013. № 7-2. С. 200–203; Гревцов Ю. И. О хронических «болезнях» теории государства и права // Теория государства и права в науке, образовании, практике: монография / пред. ред. совета Т. Я. Хабриева. М.: ИД Юриспруденция, 2016. С. 318–326.

ская ответственность – это признак (свойство) действующих субъектов права, различающихся по степени усвоения нравственно-этических ценностей, правосознанию, состоянию (меры) свободы, ответственности, жизненному и профессиональному опыту и т. д. Субъект права активен всегда (активность – атрибут человеческой деятельности¹, деятельность – сущность субъективного права²).

С позиций действующих, активных субъектов ни нормы, ни их производные уже не могут рассматриваться как самодостаточные элементы концепта под названием право (А. В. Поляков)³. При революционной предпосылке, согласно которой по праву дозволено все, что эксплицитно не запрещено, – уже не обязанности, а субъективные права образуют первоначало для конструкции правовой системы (Ю. Хабермас)⁴. Субъективное право по природе своей не есть нечто приписываемое другому, а внутреннее осознание (и эмоциональное переживание) самим субъектом, принадлежащей ему возможности действовать определенным образом⁵, мера дозволенного (возможного) поведения⁶. Для современного права главным является равное правомочие всех лиц, считающихся с законом, хотеть и делать все, что им нравится. Перед людьми вырисовывается иная перспектива, если они, вместо того чтобы следовать обязанностям, вводят свои права в поле притязаний. В правовом сообществе обязанности одной личности возникают лишь вследствие притязаний, которые может предъявить ей другая личность. Право есть только там, где кто-то совершает какие-то действия, признаваемые другими как действия необходимые и определяющие в свою очередь поведение других людей (Ю. Хабермас, А. В. Поляков).

¹ Деятельность – это процесс активного отношения человека к действительности, в ходе которого происходит достижение субъектом поставленных ранее целей, удовлетворение разнообразных потребностей и освоение общественного опыта. Рубинштейн С. Л. О мышлении и путях его исследования. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 347 с.

² Тезис: деятельность – сущность субъективного права наиболее полно обоснован у А. Тона. См., например: Тон А. Правовая норма и субъективное право. Исследования по общей теории права (часть третья) // Вестник гражданского права. 2012. № 3. С. 271–294.

³ Поляков А. В. Связь человеческой личности, права и государства с понятием суверенитета // Постклассическая онтология права: монография / под ред. И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2016. С. 299.

⁴ Хабермас Ю. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека // Вопросы философии. 2012. № 2. URL: http://vphil.ru/index.php?id=474&option=com_content&task=view (дата обращения: 01.10.2017).

⁵ Поляков А. В. Указ. раб. С. 303.

⁶ Это наиболее распространенное определение. При этом есть множество подходов к субъективному праву: теория воли, теория интереса, теория противопоставления субъективному праву обязанности, теория положительных действий, нормативистская теория.

Таким образом, есть все основания связать позитивную юридическую ответственность с субъективным правом. Этот аспект затрагивался в юридической литературе, но целостного представления не сложилось. Так, Д. А. Липинский и А. Г. Шишкин определяют субъективное право и юридическую обязанность как меры позитивной юридической ответственности в контексте теории правоотношений¹. Ю. И. Гревцов пишет, что существо позитивной ответственности не в том, что делает субъект, а в том, как он делает это самое что (добросовестно, честно, рационально, осмотрительно, заботливо)². В целом, анализ показывает, что позитивная юридическая ответственность связывается с субъективным правом или в аспекте поведения обязанного лица, или требований к поведению управомоченного лица, что требует корректировки.

Принимая во внимание ранее изложенные позиции (Ю. Хабермаса, А. В. Полякова), полагаем:

- субъективное право осуществляется в двух вариантах: через правоотношения и вне них, не сводится только к правоотношениям, выступает необходимым элементом всех юридических связей;
- субъект права изначально обладает возможностями, без которых его существование бессмысленно – это признание за ним необходимого набора прав и свобод, права совершения свободных действий (правомочий);
- субъективное право шире правомерного поведения, исполнения обязанности, выражается в возможности субъекта права осуществлять свои права (правомочия), пользоваться результатами действий (бездействий) других лиц, не прибегая к требованию, притязанию, принуждению;
- содержание субъективного права отражает конкретные возможности субъекта (право совершения действий, право требования, право притязания), реализуемые посредством поведения, первооснова – право совершения действий, остальные осуществляются по мере необходимости.

¹ Липинский Д. А. Шишкин А. Г. Субъективное право и юридическая обязанность как меры позитивной юридической ответственности // Государство и право. 2014. № 10. С. 5–14.

² Гревцов Ю. И. Субъект права. С. 39.

Рассмотрение проблем позитивной юридической ответственности с позиций осуществления субъективных прав¹ соответствует современным тенденциям.

Во-первых, сегодня права, обязанности, ответственность, правила поведения определяются, устанавливаются не только правовыми нормами, но и в соответствии с волей и интересами субъектов права (договором, уставом, локальным актом, обычаем), обеспечиваются не только государственным принуждением, но и социальным контролем, нет возможности и необходимости детально регулировать все варианты правомерного и позитивного поведения. Поэтому позитивную юридическую ответственность не всегда целесообразно связывать со структурными нормативными элементами.

Так, связь с диспозицией, поощрительной (стимулирующей) санкцией правовой нормы достаточно условна, так как они не должны содержать точного перечня и объема прав, обязанностей, ответственности, которые во многих случаях определяются, например, договором (в соответствии с п. 2. ст. 1, п. 4 ст. 421 ГК РФ субъекты права приобретают и осуществляют свои права своей волей и в своем интересе, они свободны в установлении своих прав и обязанностей, в определении любых не противоречащих законодательству условий договора).

Во-вторых, субъективное право выступает тем мостом, который соединяет социальную и юридическую ответственность: находится на стыке правовой и социальной сферы, балансируя между правовыми и неправовыми условиями своего существования; содержание субъективного права определяется не государством, а его носителем (свобода воли, наличие интересов); при осуществлении субъективного права используются ценностные суждения, что дает возможность соединить нормы права и морали. Субъективное право соприкасается с волей, интересами, свободой и жизнью человека и общества, сближается с позитивной ответственностью в социальном смысле².

¹ Такой подход разработали советские ученые, но в большинстве случаев они связывали субъективное право с позитивизмом и теорией правоотношений, что характерно и для современных исследований. См.: Липинский Д. А., Шишкин А. Г. Указ. раб.

² Гаврилов В. Н. Категория субъективного права в отечественном правоведении: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Гаврилов Виктор Николаевич. Казань, 2006. 18 с.

В-третьих, развитие общества в значительной степени определяется уровнем социальной активности его граждан, что имеет значение для сохранения политической стабильности, обеспечения экономического роста и процветания. Социально-активное поведение нельзя связывать только с уровнем правомерного поведения, правосознания, правовой культуры¹. Любой субъект права активен, осуществляет социально-полезные действия своей волей и в своем интересе в соответствии с правовыми нормами, но может использовать предоставленную юридическую свободу и выходить за пределы правовых норм. Позитивная юридическая ответственность обеспечивает осуществление субъективных прав в соответствии с волей и интересами субъекта права посредством его позитивного и позитивного отклоняющегося поведения.

На основании изложенного, считаем целесообразным рассматривать позитивную юридическую ответственность как надлежащее осуществление субъективных прав. Субъект самостоятельно, своей волей решает действовать в плане реализации собственных и чужих интересов, принимает собственные решения под собственную ответственность, может воспользоваться или не воспользоваться правом, выбрать способ осуществления, защиты права и т. д.

Конечно, предоставляемая человеку свобода состоит в возможности делать все, что не наносит вреда другому, но она не может быть безграничной. Поэтому появляется такая категория как мера дозволенного (возможного) поведения человека, его субъективное право, что официально признается и легализуется. То есть, субъективное право, с одной стороны, стимулирует активность субъекта права, создает предпосылки расширения его свободы, с другой – осуществляется в определенных пределах и ограничениях.

В одних случаях границы осуществления субъективных прав определяются достаточно точно путем установления правил поведения, пределов и ограничений в форме запретов, что находит отражение в законодательстве, договорах, в других – в виду нецелесообразности, а во многих случаях невозможности нормативного

¹ Этой точки зрения придерживаются С. Г. Дробязко, Р. Т. Жеругов, В. С. Козлов, В. В. Оксамытный и др.

закрепления точных границ субъективных прав разрабатываются критерии правомерности осуществления действий.

В последнем варианте законодатель определяет «плавающую» меру или ориентиры позитивного, позитивно отклоняющегося поведения, что состоит из оценочных категорий – добросовестно, честно, справедливо, разумно, осмотрительно, заботливо. Например, гражданское, гражданско-процессуальное законодательство закрепляет, что не допускается принуждение к реализации субъективных прав, можно и нужно осуществлять права своей волей и в своем интересе, устанавливает требования к осуществлению – добросовестно, осмотрительно, разумно и т. д. В отсутствие правовых норм субъективное право – это не только способ удовлетворения потребностей и интересов, но и способ регулирования взаимоотношений участников.

Таким образом, позитивная юридическая ответственность – это осуществление субъективных прав своей волей и в своем интересе в соответствии с правовыми нормами, критериями правомерности осуществления действий (как надо осуществлять право), установленными пределами, ограничениями (как не следует поступать)¹. Добросовестность, разумность, справедливость, честность, заботливость, осмотрительность – это ориентиры позитивного и позитивно отклоняющегося поведения, оценочные категории², которые позволяют субъектам права регулировать свои взаимоотношения по своему усмотрению, предполагают оценку поведения субъектов права с позиций существующих в данном обществе представлений о честности, порядочности и других моральных ценностях, устанавливаются законодателем в нормативных актах, учитываются правоприменительной практикой при принятии решения по конкретным ситуациям.

Проявления позитивной юридической ответственности надо искать не в нормах-декларациях, на чем настаивают многие авторы³ (например, осуществле-

¹ Дерюгина Т. В. Теоретические проблемы в сфере осуществления субъективных гражданских прав: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Дерюгина Татьяна Викторовна. Волгоград, 2010. 437 с. Дерюгина Т. В. разграничивает пределы и ограничения. Ограничения права должны быть строго предусмотрены федеральным законом, пределы осуществления возникают не только из законов, но и из договоров и иных сделок.

² Эти категории наиболее полно разработаны в цивилистике, но остаются спорными, в судебной практике также отсутствует единообразие по вопросам их применения.

³ См., например: Липинский Д. А., Шишкин А. Г. Указ. раб.

ние прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (ч. 3. ст. 17 Конституции))¹, а в том, что законодатель включает в нормативные акты абстрактные, обобщающие, морально-этические, неконкретизированные ценностные категории, устанавливает критерии, которым поведение участников должно соответствовать, а также определенные границы, за рамки которых субъект права выйти не может (оценочные категории)².

Оценочные категории выступают в качестве ориентира определения меры свободы усмотрения при осуществлении субъективных прав, при разрешении спора правоприменителем. Ю. И. Гревцов верно отмечает, что судебная практика являет все больше примеров того, что суды, обосновывая и вынося решения, используют такие неюридические понятия, как «добросовестность», «заботливость», «осмысленность», «осмотрительность» и др. Судьи имеют дело с людьми, состоявшимися событиями, поступками. Все больше выносятся судебных решений, в которых назначается наказание за недобросовестные решения или действия (не за заботливость, осмотрительность, недобросовестность), то есть безответственное поведение. Тем самым в юридическое поле вводится позитивная ответственность в праве. Судебная практика в этом направлении оказывается на шаг впереди правоведов³.

На основании изложенного сделаем следующие выводы.

Институт юридической ответственности включает следующие структурные элементы: нормативный (система правовых и иных (не запрещенных государством) норм), поведенческий (совокупность позитивных, негативных, позитивно отклоняющихся действий (бездействий) субъектов права), оценочный (система

¹ Интересно, что в Федеральном законе РФ «Об основах государственной службы в Российской Федерации» от 31 июля 1995 г. № 119-ФЗ (утратил силу) в качестве принципа государственной службы была закреплена ответственность государственных служащих за подготавливаемые и принимаемые решения, неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих должностных обязанностей. В действующем Федеральном законе от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» это положение исчезло, появилось другое – защищенность гражданских служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность.

² Конституционный Суд РФ обращал внимание, что использование законодателем оценочной характеристики преследует цель эффективного применения нормы к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций. Постановление Конституционного Суда от 30 июня 2011 г. № 14-П; определения Конституционного Суда от 21 февр. 2008 г. № 120-О-О; от 19 марта 2009 г. № 231-О-О; от 2 апр. 2009 г. № 484-О-П.

³ Гревцов Ю. И. О хронических «болезнях» теории государства и права // Теория государства и права в науке, образовании, практике: монография / пред. ред. совета Т. Я. Хабриева. М.: ИД Юриспруденция, 2016. С. 325.

взаимодействия юридических средств – одобрение, поощрение, осуждение, наказание). Их совокупное функционирование свидетельствуют о правовой однородности обособленных общественных отношений, самостоятельности института, специфики правового регулирования.

Юридическая ответственность – это сложный институт, состоящий из подинститутов (позитивная, негативная ответственность), субинститутов (правомерное поведение, правонарушение, злоупотребление правом, действия без вины и т. д.), внутривидовое деление которых, а также употребление терминов зависит от уровня и критериев обобщения. Каждый из подинститутов, субинститутов обладает относительной самостоятельностью и обособленностью (предмет, метод, цели, функции, принципы), в тоже время они взаимодействуют между собой, обеспечивая целостность, единство института, системы права.

Для создания непротиворечивой и согласованной, стабильной и динамичной системы права и системы законодательства важно четко определить предмет правового регулирования института юридической ответственности, который отличается известной неполнотой (включает правомерное поведение и правонарушение, представления о которых остаются противоречивыми и неоднозначными), рассматривается изолированно, вне связи с другими видами поведения, широко используемыми в юридической литературе и социальной практике (позитивное, негативное, отклоняющееся и т. д.). Проведенный анализ позволил уточнить и детализировать предмет правового регулирования, включить в него три группы общественных отношений, связанных с позитивным, негативным и позитивным отклоняющимся поведением, выделить базовые основания (правомерное поведение, правонарушение) и квази-основания («как бы», «якобы», «почти»).

Объективные проявления негативной и позитивной юридической ответственности имеют общие черты: отражаются в правовых нормах (правомерное поведение, правонарушение, диспозиция, санкция); основное значение придается форме (правовой норме как образцу, стандарту поведения); главная идея – поведение субъекта права должно соответствовать правовым нормам. Различия обу-

словлены возможностями правового регулирования, выбором центральной категории – норма права или субъект права.

Существо позитивной юридической ответственности как признака (свойства) субъекта права состоит в том, что, во-первых, за субъектом права изначально признается необходимый набор прав и свобод, право совершения свободных действий (правомочий), без которых его существование невозможно и бессмысленно; во-вторых, субъект права осуществляет действия (бездействия) в соответствии с правовыми нормами и критериями правомерности осуществления действий (бездействий) – добросовестно, разумно, справедливо, честно, заботливо, осмотрительно (как надо осуществлять право), установленными пределами, ограничениями (как не следует поступать).¹

В заключение отметим, что в российской юридической науке доминирует односторонний подход, в соответствии с которым ответственность изучается через правовые нормы, преобладает мнение, что все проблемы в стране можно решить с помощью введения новых видов и норм негативной юридической ответственности. Субъект права не затрагивается вовсе или освещаются лишь его определенные качества (дееспособность, деликтоспособность), необходимые для привлечения к негативной ответственности, тогда как нет права как некой самостоятельной сущности, есть отношение человека к праву (В. А. Лекторский, А. В. Поляков, Ю. Хабермас). Поэтому в следующем параграфе осветим вопросы субъектов публичного права чтобы в дальнейшем рассмотреть проблемы заявленной темы.

1.3. Субъекты публичного права: понятие и классификация

Субъект права выступает одной из основных категорий теории государства и права. Без него нет права, правоотношений, ответственности и т. д. Разнообразные подходы к его определению, роль и место в правовой системе зависят как от позиций ученых, так и от политических, экономических, социальных, культурных условий развития конкретного общества, государства. Например, С. И. Архипов,

¹ См., подробнее: Котковский Л. Э. Позитивная юридическая ответственность как признак (свойство) субъекта права // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2018. – № 2. – С. 32 - 38.

критикуя советское наследие, пишет: «Здесь холодная безучастность юридического позитивизма к проблеме субъекта права смешивается с презрительно-снисходительным взглядом на человека как субъекта права со стороны приверженцев правового большевизма»¹.

Сегодня можно выделить два подхода к определению категории «субъект права». Первый подход – классический, базируется на позитивизме. Второй подход – постклассический, опирается на разные направления (коммуникативный подход, концепцию идентичности, диалогическую теорию и т. д.)

В рамках классического подхода нельзя утверждать, что теория субъекта права разработана в полном объеме. Не одно десятилетие идут споры вокруг понятия «субъект права», его соотношения с другими категориями. Так, Н. В. Витрук выделяет в понятии «субъект права» такие основные элементы как способность осознавать свои действия и руководить ими, правосубъектность². Г. В. Мальцев акцентирует внимание на социально-юридических качествах, получаемых индивидом от общества и государства³. О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский пишут, что субъект права – это лицо, способное быть участником правоотношений, способное выступать в качестве носителя прав и обязанностей⁴.

В большинстве случаев категория «субъект права» рассматривается в совокупности с правоспособностью, дееспособностью, правосубъектностью, правовым статусом. Самое распространённое определение – субъект права – это лицо (индивидуальное, коллективное), способное осознавать свои действия и руководить ими, за которым государство признает способность быть носителем субъективных прав и юридических обязанностей.

В рамках классического подхода не прекращаются дискуссии вокруг соотношения понятий «субъект права» и «субъект правоотношения». Одни авторы используют их как синонимы (Н. А. Власенко, М. Н. Марченко, М. Н. Матузов). Другие их разграничивают (С. С. Алексеев, Р. О. Халфина, С. А. Якубов). В част-

¹ Архипов С. И. Субъект права: теоретическое исследование. СПб., 2004. С. 10.

² Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе / отв. ред. В. А. Патюлин. М., 1979. С. 81.

³ Мальцев Г. В. Социалистическое право и свобода личности: (Теоретические вопросы). М., 1968. С. 33–34.

⁴ Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 208.

ности, С. С. Алексеев считает, что субъект права – это лицо, обладающее правосубъектностью, т.е. лицо, потенциально (вообще) способное быть участником правоотношений, а субъект правоотношения – это реальный участник данных правоотношений¹. В большинстве работ вышеприведенные понятия используются как тождественные категории.

Автор считает, что в одних случаях категории «субъект права» и «субъект правоотношения» могут использоваться как тождественные понятия, в других нет. В большинстве ситуаций логично использовать категорию «субъект права» как общую, а категорию «субъект правоотношения» как производную от нее. В частности, трудно представить себе субъекта, который не участвует в правоотношениях. Здесь начальным звеном является «субъект права» (обозначающий наличие правоспособности лица), средним звеном – «субъект правоотношения» (наличие дееспособности лица), заключительным звеном – «участник правоотношения» (после непосредственно принятого волевого решения лица, вступить в данные правоотношения для удовлетворения своих интересов)².

Однако в сфере публичного права категория «субъект правоотношения» по своему объему шире, чем «субъект публичного права», так как субъектами публично-правовых отношений могут быть любые лица, включая физических и юридических лиц частного права, например, участвующих в процессе в качестве истцов, ответчиков, свидетелей, экспертов и т. д.

Представители постклассического подхода справедливо отмечают, что позитивизм не учитывает человека, его личные качества, его способность воспринимать и изменять реальность и т. д. Так, А.В. Поляков пишет, что «и классический юснатурализм, и классический позитивизм опирались и опираются на «бессубъектную» схему понимания права, основанную на представлении о том, что право есть некая независимая от субъекта объективная данность, которая «есть» в

¹ Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1982. Т. 2. С. 40.

² См.: по этим вопросам: Затулина Т. Н. Конституционно-правовой статус участников налоговых правоотношений // Современное право. 2007. № 4. С. 57–59.

силу некоего «внешнего» факта – закона природы, законов человеческого разума или рационального установления государства»¹.

И. Л. Честнов утверждает, что «догматический подход, низводящий субъекта права к юридической фикции, не дает возможности показать обусловленность законодательного решения, а следовательно – решить вопрос о формировании субъекта права. С другой стороны, при этом не учитываются личностные характеристики субъекта, без которых, в принципе, социальное (юридически значимое в том числе) действие невозможно»².

В. И. Павлов отмечает, что научная речь о человеке, в том числе «правовом человеке» («субъекте права») в гуманитарном дискурсе остается классической. В общей теории права, например, субъект права рассматривается в парадигме отношения (юридически значимого отношения) и включается в соответствующие блоки в качестве элемента правомерного поведения, правоотношения и правонарушения. Однако современный опыт подсказывает нам, что ввиду происходящих с человеком и его сознанием процессов (формирование деструктивных субкультур в молодежной среде, утрата половой идентичности, попытка вторгнуться в саму природу человека, в его генокод (клонирование, использование эмбриональных стволовых клеток для омолаживания, искусственного продления жизни и т. д.) для юриспруденции главным объектом внимания должны стать не сами по себе государственно-правовые структуры (государство, политическая система общества, правовой порядок, законность и т. д.), а правовое бытие человека в них или разворачивание его сознания как правового сознания в этих структурах³.

Постклассический подход не является однородным, но все исследователи признают необходимость рассмотрения проблем человека и его коллективных образований в рамках новой научной парадигмы, что включает следующие направления: а) междисциплинарный характер изучения субъектов права; б) понимание

¹ Поляков А. В. Прощание с классикой, или Как возможна коммуникативная теория права // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. СПб.: Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2009. С. 9–42.

² Честнов И. Л. Проблема субъекта права в современной юридической науке // Юридическая мысль. 2007. Т. 41. № 3. С. 90–94.

³ Павлов В. И. Синергийно-антропологическая концепция правового сознания. URL: <http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2010/05/pavlovconcept.pdf> (дата обращения: 15.03.2017).

права как диалога, коммуникации субъектов права; в) не нормы, а субъекты права – первичные элементы системы права; г) субъект права – это живой, действующий человек, который выступает активной, движущей силой всех социальных процессов, а не объектом властного регулирующего воздействия; д) новое качество субъекта права – это правовая идентичность; е) субъект права обладает базисными и переменными характеристиками, его понятие меняется по мере изменения социума; ж) субъекты права с точки зрения правовой формы одинаковы (все правоспособны и дееспособны), действующие субъекты права – отличаются друг от друга¹.

По поводу взаимодействия «классического» и «постклассического» субъекта согласимся с Е. А. Козлачковой в том, что оно может быть описано следующим образом. «Классический» субъект права не отомрет, а будет использоваться в соответствующей немодернизированной части общественных отношений. И наоборот, «постклассический» субъект, развиваясь, будет работать в «верхней» (по времени) правовой надстройке. Но при этом следует с большой долей уверенности прогнозировать возникновение переходных норм, которые позволят выстраивать непротиворечивые связи между этими правовыми блоками².

Применительно к нашему исследованию отметим, что «классический» субъект – необходимый элемент негативной юридической ответственности, в том числе право-и дееспособность остаются обязательными условиями ее реализации, доминирует в публичном праве; «постклассический» субъект – атрибут позитивной юридической ответственности, за которым, как отмечалось в п. 1.2, изначально признается право совершения свободных действий (правомочий), без которых его существование невозможно и бессмысленно. «Постклассический» субъект выступает не только адресатом, но и творцом права, доминирует в частном праве, осуществляет действия (бездействия) своей волей и в своем интересе в соответствии с критериями добросовестности, разумности, справедливости, честности, заботливости, осмотрительности.

¹ См. работы: С. И. Архипова, Т. Л. Воротилиной, Ю. И. Гревцова, Н. В. Исаевой, Д. И. Луковской, А. И. Овчинникова, В. И. Павлова, А. В. Полякова, И. Л. Честнова и др.

² Козлачкова Е. А. Физическое лицо как субъект права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Козлачкова Екатерина Анатольевна. М., 2014. 31 с. С. 9.

Существует множество критериев классификации субъектов права: по критерию количественного состава, по отраслевому признаку, по аксиологическому критерию, по сферам деятельности др. Например, по критерию количественного состава субъектов права можно разделить на индивидуальных и коллективных. Общепринятой и традиционной для отечественной юриспруденции является классификация субъектов права по количественным характеристикам. Однако сегодня она признается не совсем удачной. Так, в административном праве спор об отнесении должностного лица к индивидуальным или коллективным субъектам привел к необходимости выделять субъектов публичного и частного права по характеру действий. В таком контексте действия должностных лиц, независимо от классификации их как индивидуальных или коллективных субъектов, носят публично-властный характер, влекут юридические последствия для организации. В гражданском праве количественный показатель может не работать, например, коллективный субъект (юридическое лицо) состоит только из одного участника – физического лица.

Отраслевой признак дает возможность установить особенности и условия правового регулирования, существования субъектов в той или иной сфере. Выделение субъектов публичного и частного права обусловлено разделением права на частное и публичное, что относится к фундаментальной проблеме теории государства и права, имеет решающее значение для правового регулирования, законодательного процесса, правоприменительной практики.

Уместно отметить, что в этой сфере разработано столько теорий, что появилась необходимость их классифицировать. В качестве критерия разграничения публичного и частного права материальные теории используют различия в содержании регулируемых отношений. Формальные теории исходят из различий процедуры защиты публичных и частных интересов, положения субъектов (подчинение, равенство), централизации или децентрализации правового регулирования. Смешанные теории, объединяющие материальный и формальный критерии, комбинируют различные элементы. Например, у Р. Иеринга – это частный интерес (материальный элемент) и критерий частной инициативы защиты (формаль-

ный момент). Представители теорий, отрицающих деление права на частное и публичное, не видят решения проблемы критерия разграничения публичного и частного права, не считают это необходимым (все действующее законодательство как форма выражения права является публичным), предлагают решать вопросы с позиций общих социально-философских подходов (личности и государства, свободы и зависимости)¹.

Авторы, являющиеся сторонниками той или иной теории, отмечают те или иные особенности реальной действительности, акцентируют внимание на недостатках существующих представлений, что, безусловно, развивает науку. Однако все чаще звучат предложения отказаться от разделения права на частное и публичное, отмечается их взаимное проникновение, невозможность четко выделить сферы правового регулирования, появление многочисленных комплексных отраслей, подотраслей, институтов, субинститутов права. Так, В. К. Андреев пишет: «Гражданское право не может быть только частным, поскольку политика Российской Федерации как социального государства направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, а не систематическое получение прибыли или дохода, как это определяется в ГК РФ»².

Для романо-германской правовой системы, к которой относится и российская правовая система, разделение права на частное и публичное – это объективно существующее явление, основа построения правовой системы. Правовые системы многих стран основываются на принципе разделения права на частное и публичное (ФРГ, Франция, Италия, Испания, Россия и др.). Представители юридической науки признают это деление в определенной мере условным, но необходимым. Так, С. С. Алексеев отмечает, что деление права на частное и публичное – явление не столько классификационного, сколько концептуального порядка³.

Это важно для правотворческой деятельности, правоприменительной практики, в том числе для квалификации действий субъектов публичного права, опре-

¹ См., более подробно: Маштаков К. М. Теоретические вопросы разграничения публичного и частного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Волгоград, 2001. 26 с.

² Андреев В. К. О сочетании частных и публичных начал в правовом регулировании предпринимательской деятельности // Журнал российского права. 2013. № 1. С. 21–25.

³ Алексеев С. С. Частное право. М., 1999. С. 26–27.

деления подсудности, привлечения к ответственности и т. д. Поэтому остается актуальной проблема поиска критериев разграничения публичного и частного права, где традиционно в качестве наиболее распространенных выступают такие категории как интерес, предмет и метод правового регулирования.

Для разграничения субъектов публичного и частного права используются как основные (интересы, предмет, метод правового регулирования), так и дополнительные критерии. В последнем, используемом как в правотворчестве, так и в правоприменительной деятельности, относятся: процедуры возникновения, прекращения (например, распорядительный или добровольный порядок); формы регистрации, собственности, организационного единства (например, требуется или нет государственная регистрация юридического лица, государственная или частная собственность, хозяйственное общество или учреждение); источник финансирования (бюджетные или частные средства); наличие (отсутствие) публичных власти, полномочий; функций; цели деятельности (осуществление властных полномочий или получение прибыли); характер действий (автономия, равенство, свобода воли или подчинение, субординация, воля публичного образования, его должностных лиц); правосубъектность или компетенция, полномочия (А. Б. Агапов, Д. В. Винницкий, А. А. Демин, Т. Б. Макарова, Э. В. Талапина, В. Ф. Яковлев, О. А. Ястребов и др.). В частности, одним из первых Д. В. Винницкий, критикуя классификацию административной и налоговой правосубъектности как «активной» и «пассивной», обосновал необходимость разделения субъектов права на частных и публичных, используя в качестве главного критерия наличие (или отсутствие) публичной власти у субъекта права¹.

Традиционно к частным субъектам относятся граждане, иностранцы, апатриды, частные организации, к публичным – государственные и муниципальные органы, общественно-территориальные образования (Российская Федерация, субъекты Федерации, муниципальные образования), государственные организации. Спорным является статус субъектов, осуществляющих публичные полномочия, общественных институтов, вовлеченных в процесс государственного управ-

¹ Винницкий Д. В. Субъекты налогового права. М., 2000. С. 18–20, 70–72.

ления, юридических лиц, осуществляющих общественно-значимую деятельность, финансируемых государством, государственных и негосударственных организаций и т. д. Одни авторы относят их к публичным субъектам, другие выделяют в особую категорию.

Вместе с тем, эта классификация нуждается в дополнительном теоретическом обосновании, так как разрозненные взгляды не дают целостного представления о необходимости ее применения.

Во-первых, в сфере правотворческой деятельности классификация публичных и частных субъектов права помогает уточнить, дополнить такие общепринятые отраслевые критерии деления права как интерес, предмет и метод правового регулирования, четко определить правовое положение субъекта, характер его действий, установить типы правового регулирования.

Во-вторых, разное положение субъектов публичного и частного права (подчинение или равенство, централизация или децентрализация и т. д.) позволяет выделить, установить сферы использования двух основных типов правового регулирования – главного для публичного права разрешительного (запрещено все, кроме прямо разрешенного¹), главного для частного права общедозволительного (дозволено все, кроме того, что запрещено)².

В-третьих, выделение субъектов публичного и частного права способствует воплощению в жизнь идеи подчинения государства праву, означает, что у государства в целом и у отдельных государственных органов нет какого-то своего особого «права» для себя, что государство, его органы и должностные лица подчиняются, как и остальные субъекты права (частные лица), требованиям единого права и должны действовать в соответствии с его общими правилами.

В-четвертых, усложнение механизма управления и регуляции требует закрепления за определенными лицами прав, обязанностей, ответственности, не

¹ Обеспечивает четкую регламентацию деятельности, введение властных полномочий в строгие рамки законодательных предписаний, существенно ограничивает возможность совершения произвольных действий и т.д.

² Дозволено все, кроме того, что запрещено – способствует проявлениям инициативности, активности, самостоятельности в решении тех или иных задач, связан с реализацией предоставленной свободой, с правом субъекта на выбор средств и способов достижения целей и т. д.

свойственных другим субъектам права, что, в свою очередь, ведет к выделению отличительных черт такой категории, как «субъект публичного права».

В-пятых, проблема классификации публичных и частных субъектов значительно обострилась в связи с участием частных субъектов в публичных правоотношениях, публичных субъектов – в частных правоотношениях, взаимопроникновением частных и публичных начал и т. д., например, с признанием органов власти юридическими лицами, с введением понятия «юридическое лицо публичного права», с закреплением в гражданском законодательстве градаций на унитарные и корпоративные, публичные и непубличные образования, с принятым в уголовном законодательстве делением должностных лиц, лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации, негосударственных служащих, выполняющих государственные функции и т. д.

В-шестых, классификация публичных и частных субъектов права важна в аспекте распределения ответственности, применения к ним норм об ответственности за злоупотребления, нарушения, связанные с осуществлением публичных функций, государственной службой, предоставлением государственных услуг и т. д.

В контексте настоящего исследования основная значимость классификации публичных и частных субъектов права состоит в том, что вопрос перешел из ряда теоретических, законодательных проблем в область правоприменительной практики, так как касается разрешения конкретных споров о распределении негативной юридической ответственности. Частный субъект – это тот, кто самостоятельно несет полную ответственность за свои действия (бездействия) при наличии или отсутствии вины. Общее правило – государство не может и не должно нести ответственность за поведение частных лиц. Поведение субъектов публичного права при определенных условиях может быть присвоено государству, которое несет полную, солидарную или субсидиарную ответственность за их действия (бездействия).

Можно выделить основную современную тенденцию – значительно расширяется круг субъектов публичного права. К публичным субъектам относят: госу-

дарство; органы публичной власти; организации, осуществляющие публичные полномочия; общественные институты, вовлеченные в процесс государственного управления; юридические лица, осуществляющие общественно-значимую деятельность, выполняющие общественно-значимые функции; юридические лица, деятельность которых финансируется государством, или государство получает более половины доходов этих юридических лиц и т. д.

Во многом появлению отмеченной тенденции способствовали принятые международные акты, касающиеся ответственности государств, международная судебная практика, практика Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). Так, по общему правилу ЕСПЧ компетентен рассматривать жалобы только на действия государства или лиц, которые его представляют, но в ряде случаев признал себя компетентным рассматривать жалобы на нарушения, допущенные негосударственными субъектами, отметив их исключительный характер, который заключается в наличии ряда факторов, позволяющих квалифицировать нарушение, допущенное негосударственным лицом, как действия, санкционированные государством или его должностными лицами.

Например, дело «Даниленков и другие (Danilenkov and Others) против РФ» касалось нарушения прав российских докеров – работников ОАО «Морской торговый порт Калининград», уволенных администрацией в связи с профсоюзной деятельностью, а также в связи с организацией забастовок и выдвижением требований экономического характера. Несмотря на то, что формально Калининградский порт являлся частной компанией, ЕСПЧ признал себя компетентным рассматривать жалобу поскольку констатировал, что данный порт находится под «эффективным контролем» государства. В частности, Суд констатировал, что 20% акций Калининградского порта контролировались «Региональным фондом развития Калининградской области», учредителем которого являлась администрация данного субъекта РФ. Кроме того, пять представителей Калининградской областной администрации во главе с губернатором вошли в состав совета фонда. Еще 35% акций контролировались заместителем руководителя администрации Калининградской области через принадлежащее ему юридическое лицо. Принимая к рассмотрению

данную жалобу, Суд констатировал факт «эффективного государственного контроля» за деятельностью Калининградского порта в связи с тем, что 55% акций фактически обеспечивали государству полный контроль в принятии решений руководством данного юридического лица. Аналогичные решения были приняты в отношении жалоб из других стран (Польша, Испания)¹.

Выработаны принципы, касающиеся ответственности государств за действия (бездействия) негосударственных, полугосударственных субъектов, так как в международной практике возникает немало вопросов относительно присвоения государству поведения компаний, находящихся в его собственности или под его контролем, использования частных лиц при осуществлении полицейских, военных функций и т. д.:

– поведение лиц, которых государство наделило публичными функциями, рассматривается как деяние этого государства;

– поведение лиц рассматривается как деяние государства, если эти лица фактически действуют по указаниям либо под руководством или контролем этого государства;

– поведение «под руководством или контролем» государства присваивается государству только в том случае, если это государство руководит или осуществляет контроль за конкретной операцией, частью которой является такое противоправное поведение².

Таким образом, по общему правилу поведение субъектов частного права не может быть присвоено государству, однако при наличии определенных условий они могут переходить в разряд субъектов публичного права, в этом случае их поведение может рассматриваться как поведение самого государства, для чего необходимо доказать наличие особой фактической связи между такими субъектами и государством (наделение элементами публичной власти, публичными функциями,

¹ Коннов В. А. Юрисдикция Европейского суда по правам человека в отношении жалоб на нарушения, допущенные негосударственными субъектами // Вестник экономической безопасности. 2017. № 3. С. 39–41.

² Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 2001 г. № 56/83 «Ответственность государств за международно-противоправные деяния» // Система ГАРАНТ: URL: <http://base.garant.ru/2565571/2/#ixzz4z9oMosjV> (дата обращения: 01.05.2017).

полномочиями; действия (бездействия) такого субъекта осуществляются по указанию, под руководством или контролем государства).

Проблемой для Российской Федерации является то, что законодатель, Конституционный суд РФ наделяют определенных субъектов публичными полномочиями, публичными функциями, но в вопросах привлечения к ответственности относят их к разряду субъектов частного права (аудиторы, нотариусы, конкурсные управляющие, саморегулируемые организации и т. д.). Тогда как в соответствии с международными документами, международной практикой – реальный общий признак для возложения ответственности на государство за действия (бездействия) субъектов права – субъект уполномочен хотя бы в ограниченных пределах или в конкретном контексте, осуществлять определенные элементы публичных полномочий. Не являются решающими критериями для возложения ответственности на государство за действия (бездействия) субъектов права следующие обстоятельства: как субъект квалифицируется данной правовой системой (публичный, частный), наличие большего или меньшего государственного участия в его капитале, праве собственности, распределении прибыли, наличие контроля со стороны органов публичной власти.

Указанная проблема особо ярко проявилась на примере арбитражных управляющих в практике ЕСПЧ и Конституционного суда РФ¹. Конституционный суд РФ констатировал, что соответствующая деятельность граждан подконтрольна государству, наделил арбитражных управляющих публично-правовым статусом, подтвердил право законодателя предъявлять к ним специальные требования, отметил, что федеральный законодатель должен исходить из необходимости обеспечения непротиворечивого регулирования отношений в этой сфере и, устанавливая элементы правового статуса арбитражного управляющего, учитывать, что публичные функции, возложенные на арбитражного управляющего, выступа-

¹ Постановление ЕСПЧ от 03.04.2012 «Дело "Котов (Kotov) против Российской Федерации"» (жалоба № 54522/00). Власти Российской Федерации оспаривали вывод Палаты о том, что конкурсный управляющий являлся представителем «государственной власти» в значении статьи 34 Конвенции, доказывали, что конкурсный управляющий не являлся представителем государства, являлся специалистом, нанимаемым кредиторским органом. Его кандидатура одобрялась арбитражным судом, но задача суда ограничивалась проверкой соответствия конкурсного управляющего квалификационным требованиям закона. Конкурсный управляющий назначался по инициативе кредиторского органа, который представлял кандидатуру конкурсного управляющего суду и контролировал его работу. Поэтому и ответственность конкурсный управляющий должен нести как частное лицо.

ют в качестве своего рода пределов распространения на него статуса индивидуального предпринимателя¹.

По российскому законодательству, несмотря на то, что арбитражный управляющий наделяется публичными функциями, он несет ответственность как частное лицо – может быть отстранен от должности, привлечен к административной, уголовной, гражданско-правовой ответственности. Законодатель учел разъяснения Конституционного суда, внес изменения, сегодня деятельность арбитражного управляющего не является предпринимательской, поэтому для привлечения арбитражного управляющего к ответственности за убытки обязательным условием является наличие его вины.

Аналогичные проблемы (отвечает ли государство за действия (бездействия) субъектов, наделенных публичными функциями), возникли при разрешении дел, связанных с деятельностью унитарных предприятий².

Таким образом, для эффективного распределения ответственности необходимо решить проблему частных субъектов в публичном праве, публичных субъектов в частном праве, четко обозначив соотношение властной и экономической деятельности (основная или дополнительная), определив в каких случаях субъект выступает как частное лицо, подчиняется режиму частного права, несет ответственность как частное лицо, в каких – как властный субъект. К разрешению этого вопроса надо подходить дифференцированно. В сфере публичного права преобладает модель «государство и его представители», властная деятельность является основной, в частных отраслях доминирует модель «самостоятельные субъекты, выступающие от своего имени», экономическая деятельность является основной, в комплексных отраслях могут преобладать смешанные модели.

Поскольку действует общее правило – наделение субъекта публичными функциями, полномочиями или отнесение его к субъектам публичного права по другим основаниям влечет возможность привлечения к ответственности государ-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2005 № 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” в связи с жалобой гражданина А. Г. Меженцева».

² Постановление ЕСПЧ от 16.09.2014 «Дело “Михаил Витальевич Самсонов (Mikhail Vitalevich Samsonov) против Российской Федерации”» (жалоба № 2880/10).

ства за действия (бездействия) такого субъекта, необходимо с особой осторожностью подходить к вопросу о наделении субъектов публичными функциями, полномочиями или иными элементами публичной власти. Во избежание излишних споров целесообразно синхронизировать российскую и международную практику.

Анализ юридической литературы показал, что обосновывается или двухзвенная (публичные, частные) или трехзвенная (публичные, частные, особые) классификация субъектов. Последняя точка зрения более приемлема. Автор солидарен с В. Ф. Яковлевым и Э. В. Талапиной, что выделение только двух категорий субъектов (публичных и частных) основано исключительно на кибернетической модели управления. Сегодня процесс управления усложнился, государство уже не осуществляет одностороннее прямолинейное управление по вертикали сверху вниз, в нем задействовано множество субъектов и механизмов обратной связи. В этом плане становится яснее различие терминов «государственный» и «публичный», когда «публичный» охватывает не просто государственный и муниципальный уровни власти, но и другие формы представительства общественных интересов. Также в классификации необходимо учитывать возможность осуществления публичных функций негосударственными субъектами, так как к процессу осуществления государственного управления подключаются все новые негосударственные участники¹.

В плане обоснования трехзвенной (публичные, частные, особые) классификации субъектов отметим следующие моменты.

Во-первых, трехзвенная классификация субъектов права проводилась еще в советские годы², считалось, что если отойти от чисто формальных критериев и обратиться к сущностным признакам, то именно она адекватна реальному положению участников правовых отношений.

Во-вторых, сегодня происходит взаимопроникновение частного и публичного права, усложняется процесс государственного управления, поэтому образу-

¹ Яковлев В. Ф., Талапина Э. В. Юридические лица и субъекты публичного права: в поисках правового баланса // Журнал российского права. 2016. № 8. Система ГАРАНТ: URL: <http://base.garant.ru/57243217/#ixzz4z5Kaje2P> (дата обращения 17.05.2017).

² Ц. А. Ямпольская выделяла – органы государства и их агенты, общественные организации и их органы, граждане СССР.

ется особая группа субъектов, которых нельзя отнести ни к публичным, ни к частным (публичные юридические лица в форме акционерных обществ с преобладающим участием государства; государственные и муниципальные унитарные предприятия в форме оперативного управления и хозяйственного ведения; государственные корпорации; Центральный банк РФ; Российская академия наук; нотариальные палаты; аудиторские организации; самоуправляемые организации; общественные институты, вовлеченные в процесс государственного управления¹ и т. д.).

В-третьих, статус особых субъектов предполагает, что за свои действия (бездействия) они могут отвечать и как частные, и как публичные субъекты. В каждом случае это определяется по-разному, исходя из конкретной ситуации, позволяющей установить наличие / отсутствие особой фактической связи между такими субъектами и государством (наделение элементами публичной власти, публичными функциями, полномочиями; действия (бездействия) такого субъекта осуществляются по указанию, под руководством или контролем государства).

В-четвертых, судебная практика оперирует терминами «особые субъекты», «особый статус», «особая правосубъектность». Так, Конституционный суд РФ неоднократно в своих постановлениях выделял особых субъектов, которые не являются субъектами публичного права, но в силу закона наделяются публичными функциями, например, аудиторская организация – корпорация частного права, которая выступает как особый субъект, имеет особый статус, осуществляя обязательный аудит, выполняет публичную функцию, поскольку не частный, а публичный интерес лежит в основе этого процесса².

Что касается категории «субъект публичного права», то в теоретической юридической литературе она разработана не в полной мере, есть лишь немногочисленные работы по этой тематике. Так, А. В. Лавренюк под субъектами пуб-

¹ К общественным институтам, вовлеченным в процесс государственного управления, можно отнести Общественную палату Российской Федерации, Экспертный совет при Правительстве РФ; общественные советы при федеральных органах исполнительной власти и т. д., поскольку в законодательном порядке установлено, что ряд нормативных правовых актов на федеральном уровне не может быть принят без общественного обсуждения.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 апреля 2003 г. № 4-П по делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 7 Федерального Закона «Об аудиторской деятельности» в связи с жалобой гражданки И. В. Выставкиной.

личного права понимает лиц, созданных в установленном нормами публичного права порядке (или им признанных), целью деятельности и направленностью воли которых является выражение и обеспечение публичного интереса (реализация прав и свобод человека и гражданина, функционирование российского государства, общества в целом), обладающих компетенцией для создания норм права и (или) участия в публично-правовых отношениях, приданной им нормами публичного права¹.

В. В. Болгова оперирует понятиями «публичный субъект», «субъект публичного права», «субъект публичного правоотношения». В качестве публичного субъекта надлежит рассматривать образования, существование и деятельность которых порождают публичное право как объективную нормативную реальность. Таким субъектом выступает государство, а также любая первичная социальная общность (народ, нация, население части территории государства, культурно-этнические общности). Публичность в этом случае не является свойством, установленным или следующим из правовых предписаний, это качество самого субъекта, определяющее в конечном итоге специфику правового воздействия на соответствующую группу общественных отношений.

В качестве субъекта публичного правоотношения необходимо рассматривать любое лицо, которое вступает в отношения, урегулированное компетенционной нормой, т. е. с субъектом публичного права. При этом категория «субъект публичного правоотношения» по своему объему шире, нежели «субъект публичного права».

И наконец, по мнению В. В. Болговой, субъектом публичного права является лицо, правовое положение которого определено нормами действующего права с использованием компетенции как приема правового регулирования. Ключевыми особенностями такого приема правового регулирования являются: 1) установление системы правообязанностей субъектов; 2) установление процедурных правил

¹ Лавренюк А. В. Субъекты публичного права: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2007.

реализации соответствующих правообязанностей; 3) установление элементов правового статуса обязанных субъектов¹.

Автор считает, что термины «публичный субъект» и «субъект публичного права» надо использовать как тождественные, во-первых, они не различаются в большинстве работ, во-вторых, невозможно разграничить явления используя один и тот же термин (публичный), в-третьих, практической нагрузки такое разграничение не несет, государство не только порождает публичное право как объективную нормативную реальность, но и подчиняется этой реальности. По поводу соотношения категорий «субъект права» и «субъект правоотношений» автором ранее уже была высказана позиция, аналогичная мнению В. В. Болговой – в сфере публичного права категория «субъект правоотношения» по своему объему шире, чем «субъект публичного права».

Лавренюк А. В. отмечает, что правоспособность субъекта публичного права представляет собой установленную законодательством и гарантированную государством возможность вступать в публично-правовые отношения, приобретать права и исполнять обязанности, совершать действия и принимать юридически значимые решения. Дееспособность субъекта публичного права предполагает возможность самостоятельно реализовать принадлежащие ему субъективные публичные права, осуществлять установленную компетенцию, признавать, гарантировать и защищать права и свободы граждан. Правовые основания для приобретения субъектом публичного права дееспособности устанавливаются в нормативно-правовых актах. Деликтоспособность субъекта публичного права предполагает возможность претерпевать неблагоприятные последствия за совершенное правонарушение, либо ненадлежащее исполнение обязанностей, то есть нести юридическую ответственность².

Нельзя согласиться с этой точкой зрения, так как она представляет собой дублирование элементов, присущих субъекту как физическому лицу, тогда как субъект публичного права наделяется правами, обязанностями, ответственностью

¹ Болгова В. В. Публичное право: проблемы теории, методологии, практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Тамбов, 2009.

² Лавренюк А. В. Указ. соч.

и т. д., отражающими особенности его правового положения. В частности, вряд ли можно себе представить недееспособного государственного служащего. Поэтому для субъектов публичного права первостепенное значение приобретает правовой статус или правосубъектность в контексте осуществления функций, специальной правосубъектности, так как коллективные образования (органы, государство) не обладают дееспособностью в общетеоретическом смысле, они не имеют воли, сознания в обыденном понимании, что является обязательным признаком дееспособности. Сознание, воля и иные предпосылки дееспособности имеются, например, у государственного служащего.

Таким образом, категорию «субъект публичного права» необходимо рассматривать в совокупности с правовым статусом и правосубъектностью. Однозначных представлений по понятиям субъект права, правовой статус, правосубъектность нет. В отношении субъекта права уже отмечалось, что есть классическое определение, состоящее из правоспособности и дееспособности, в постклассическом направлении субъект права – это многоаспектное явление¹. Правосубъектность рассматривается как стадия правового регулирования, категория, раскрывающая правовой статус, свойство субъекта, субъективное право, предпосылка участия в правоотношениях. Например, С. С. Алексеев пишет, что правосубъектность представляет собой особое субъективное право, так как способность – это и есть возможность, а юридические возможности – не что иное, как субъективные права². Не прекращаются споры по понятию и содержанию правового статуса. С позиций узкого подхода в его содержание включают правосубъектность, основные права, обязанности, свободы, законные интересы. С позиций широкого подхода – законные интересы, гарантии, гражданство, правосубъектность, ответственность, правовые нормы, принципы, правоотношения общего (статусного) типа и т. д.³

Обобщая вышеизложенное констатируем, что субъект права – это лицо, за которым государство признает способность быть носителем субъективных прав и юридических обязанностей. Категория «субъект права» определяется через кате-

¹ См., например: Архипов С. И. Субъект права в центре правовой системы // Государство и право. 2005. № 7. С. 16.

² См.: Алексеев С. С. Общая теория права. Т. 2. С. 141.

³ Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. С. 191.

гории «правовой статус» (нормативное отражение положения лица в обществе, государстве), «правосубъектность» (совокупность свойств, позволяющих тому или иному лицу выступать в качестве субъекта права).

Субъекты публичного права обособляются от других субъектов с помощью терминов «специальный», «публичный», «публично-правовой». Субъект публичного права как специальный субъект права обладает специальными свойствами (правовым статусом, правосубъектностью). Специальная правосубъектность – это совокупность юридических свойств отдельного вида или обособленной группы субъектов права, специальный правовой статус – это совокупность специальных прав и обязанностей, характеризующих положение определенных категорий лиц¹.

Термины «публичный», «публично-правовой» отражают неразрывную связь с государством, государственным управлением, публичными интересами, публичными функциями, публичными полномочиями². Эти термины определяют роль и место субъекта в системе управления, организационно-правовой структуре; предполагают наличие особого порядка назначения, избрания, образования, прекращения деятельности субъекта, требований к характеристике компетенции, полномочий субъекта, а также способов их реализации, особенностей правового положения субъекта, позволяющих отличить его от других публичных субъектов и т. д.

В большинстве случаев отмечается, что субъект публичного права обладает следующими характерными особенностями, несвойственными субъекту частного права: наличие публичной власти, осуществление публичной функции; носитель публичных интересов; поведение базируется на подчинении, субординации, воле публичного образования, его должностных лиц; правосубъектность определяется компетенцией, полномочиями; цели создания, процедуры возникновения, прекращения деятельности четко определяются законом и не могут находиться вне юридической сферы; источник финансирования, как правило, бюджетные сред-

¹ Стремоухов А. А. Юридический статус специального субъекта права (теоретико-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Стремоухов Александр Алексеевич. СПб., 2002. С. 146.

² См.: По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А. Г. Меженцева: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.12.2005 № 12-П // Собрание законодательства РФ. 2006. № 3. Ст. 335; Определение от 01.06.2010 № 782-О // Вестник федеральной палаты адвокатов РФ. 2010. № 3; и др.

ства; поведение при определенных условиях может быть присвоено государству, которое несет полную, солидарную или субсидиарную ответственность за его действия (бездействия).

Субъекты публичного права рассматриваются с позиций целевых, компетенционных, гарантированных подходов (Б. М. Лазарев, В. М. Манохин, Д. Н. Бахрах и др.). Целевой обуславливает общественно полезную сферу деятельности субъектов публичного права и включает в себя положения о принципах, функциях, формах и методах их функционирования. Цели создания и деятельности субъекта публичного права четко определяются законом и не могут находиться вне юридической сферы. Компетенционный – включает в себя правовые нормы, определяющие и регулирующие совокупность полномочий субъекта публичного права в сфере его деятельности. Гарантийный блок направлен на обеспечение реализации субъектами публичного права субъективных прав и обязанностей, обеспечение законности их деятельности. Этот элемент и определяет порядок наступления неблагоприятных последствий (ответственности) для субъекта публичного права в случае неисполнения или нарушения правовых норм.

Однако представленные позиции не учитывают отдельные моменты – активное участие субъектов публичного права в гражданском обороте; передачу государством публичных полномочий, функций субъектам частного права, вследствие чего они переходят в разряд субъектов публичного права и их количество неуклонно растет. В частности, для Российской Федерации проблемой является приобретение субъектами публичного права статуса юридического лица. Автор солидарен с В. Ф. Яковлевым и Э. В. Талапиной, что для ее разрешения надо не только признать полезность деления юридических лиц на частные и публичные, но и внести законодательные изменения, определить перспективы правового регулирования¹.

В плане перспектив правового регулирования целесообразно законодательно установить особый характер участия субъектов публичного права в гражданском обороте. Первый вариант – установить, что частноправовые процедуры, ка-

¹ Яковлев В. Ф., Талапина Э. В. Указ. соч.

сающиеся создания и статуса юридического лица, не применяются к юридическим лицам публичного права, а обязательственное и вещное право применяются к ним с теми изъятиями, которые установлены законом. Второй вариант – по примеру ряда стран вывести отношения с участием юридических лиц публичного права из-под действия гражданского законодательства и из-под компетенции общих судов, создать специальное законодательство, передать эту категорию споров на разрешение административным судам.

Для некоторых категорий проблема определения в каком качестве действовал публичный субъект остается, так как он может в равной мере совершать и гражданско-правовые сделки, и осуществлять публичные функции (например, государственные корпорации), поэтому в сфере публичного права их статус следует моделировать в структуре «власти-подчинения», в сфере частного права – в структуре «равенства сторон».

Что касается субъектов частного права, которым передаются те или иные элементы публичной власти, вследствие чего они переходят в разряд субъектов публичного права, то, как уже ранее отмечалось, в каждом конкретном случае необходимо доказывать наличие особой фактической связи между такими субъектами и государством (наделение публичными функциями, полномочиями или иными элементами публичной власти; действия (бездействия) такого субъекта осуществляются по указанию, под руководством или контролем государства).

Таким образом, основные характерные черты субъекта публичного права: имеет непосредственные связи с государством, выраженные в различных формах (наделяется властными полномочиями, имуществом, бюджетными средствами; формирует и реализует функции государства; выступает носителем публичного интереса и т. д.); поведение субъекта публичного права при определенных условиях может быть присвоено государству, которое несет полную, солидарную или субсидиарную ответственность за его действия (бездействия).

Существует множество критериев классификации субъектов публичного права. Например, по аксиологическому (ценностному) критерию субъекты публичного права могут делиться на первичные (индивиды) и производные (осталь-

ные субъекты публичного права). Поскольку индивид как гражданин и как должностное лицо представляет правовую личность целиком как высшую правовую ценность, индивид и есть первичный субъект публичного права по отношению к любым иным – производным субъектам публичного права, включая публичные образования и органы публичной власти. По сферам публичной власти – субъекты публичного права, представляющие государственную власть (органы законодательной, исполнительной и судебной власти и государственные служащие) и субъекты публичной власти, представляющие местное самоуправление. В особую категорию выделяются субъекты публичного права, которые непосредственно не относятся ни к государственной власти, ни к местному самоуправлению, но наделяются компетенцией по ведению различного рода социальной, хозяйственной деятельности (медицинские, образовательные учреждения, унитарные предприятия и т. д.).

Традиционной выступает классификация субъектов публичного права по количественному критерию, с использованием понятия «компетенция». С этой точки зрения можно выделить следующие категории.

1. Индивидуальные субъекты публичного права:

а) должностные лица и представители публичной власти, не являющиеся таковыми (лица, замещающие государственные и муниципальные должности, государственные и муниципальные служащие). Представляется целесообразным использовать для их обозначения термин «публичные служащие»;

б) лица, осуществляющие деятельность, не относящуюся к государственной или муниципальной службе, но защищающие публичные интересы и к полномочиям которых относится делегированное законом совершение действий, имеющих публично-правовой характер (руководители унитарных предприятий, государственных корпораций, медицинских учреждений, адвокаты, нотариусы и др.). Для обозначения этой категории предлагается использовать выражение «публичные представители».

2. Коллективные субъекты публичного права:

а) органы публичной власти (органы государственной власти (законодательной, исполнительной, судебной власти и иные государственные органы) и органы местного самоуправления);

б) организации, имеющие нормативно закреплённую правосубъектность и государственную регистрацию (государственные и муниципальные предприятия; государственные и муниципальные учреждения; некоммерческие общественные организации).

Вместе с тем, представленные классификации субъектов публичного права важны с позиций демонстрации наличия многочисленных оснований, но они не дают целостную картину представлений о субъектах публичного права в связи с их многочисленностью и разнообразием деятельности. В том числе прием «компетенция», который трактуется широко, не только в привязке к властным публичным полномочиям, не позволяет четко выделить группу субъектов публичного права, провести их классификацию, так как применяется и к властвующим, и к хозяйствующим субъектам публичного и частного права. Например, в гражданском праве термины компетенция и полномочия закрепляются в законодательстве, применяются в отношении органов управления юридических лиц.

В целом надо отметить, что доминирует традиционная для отечественной юриспруденции классификация субъектов публичного права в основе которой лежат материалистическая природа, количественный фактор, использование понятия компетенция. Наличие многообразных классификаций говорит о сложности, многогранности, развитии категории «субъект публичного права», в том числе о появлении новых оснований.

Автор считает, что в настоящее время целесообразно предложить новое основание для классификации субъектов публичного права, связанное с субъектной систематикой, иерархией субъектов права, суверенитетом.

Во-первых, отраслевая систематика права выступает основной, но она должна быть дополнена субъектной систематикой, так как сущностное предназначение права заключается в регулировании общественных отношений путем

воздействия на поведение субъектов права (М. А. Аржанов, Д. М. Азми)¹. Соответственно, нельзя рассуждать о системе, свойствах права без учета основного элемента – субъекта права, исследуя проблемы надо всегда иметь в виду, что субъекты права – творцы и адресаты правовых норм.

Во-вторых, субъект является основным элементом, своего рода «несущей конструкцией» понятия права, которое в таком ракурсе, представляет собой не иерархию норм, и не аутопойетическую бессубъектную систему, а взаимосвязь и иерархию именно субъектов права, субъектов, связанных коррелятивными правами и обязанностями. Такая иерархия может представлять как «горизонтальные», так и «вертикальные» отношения (А. В. Поляков²).

В-третьих, государство не создает право, его создают субъекты права, но государство существует благодаря праву и оказывается «связанным» правом. Государство становится субъектом права тогда, когда получает суверенитет (правосубъектность) – правомочия, предусматривающие не только осуществление прав и обязанностей, но и устанавливающие способность самостоятельно принимать решения в пределах своей компетенции, определять права и обязанности всех субъектов права на своей территории. Государства как субъекты права обладают суверенитетом (правосубъектностью), но они могут обладать не одинаковыми правами и обязанностями, например, по причине наложения на них «внешних» санкций (А. В. Поляков, И. П. Антонов³).

В-четвертых, субъекты, представляющие государство, различны, обладают как общими, так и разными полномочиями, их иерархия может базироваться на таких признаках суверенитета как «верховенство» государственной власти и ее независимость», что означает способность определенных субъектов публичного права самостоятельно решать любые внутри – и внешнеполитические задачи,

¹ В 30-х годах XX в. вопрос о субъектах права исследовали в контексте отраслевой систематики права. Субъектов права неоднократно предлагали рассматривать как составляющую предметного или методологического основания или как самостоятельного основания выделения отрасли права. Разграничения проводилось по поведению субъектов, например, автономия, равенство, свобода воли и инициативность участников гражданских правоотношений. См.: Азми Д. М. О классификации субъектов права в контексте исследования вопросов отраслевой систематики права // Современное право. 2011. № 5. С. 3–7.

² Поляков А. В. Связь человеческой личности, права и государства с понятием суверенитета // Постклассическая онтология права: монография / под ред. И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2016. С. 295–324.

³ Антонов И. П. Немецкая концепция международного права: эволюция теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Антонов Игорь Петрович. М., 2008. 49 с.

обеспечивать реализацию своих властных полномочий в отношении всех субъектов права в пределах своей территориальной юрисдикции, включая возможность применения силы (власти) как в отношении граждан своей страны, так и в отношении любого другого государства (В. В. Красинский¹, А. В. Поляков)

На основании изложенного целесообразно воспользоваться принятой в международном праве генезисной классификацией, согласно которой выделяются первичные и вторичные субъекты права. К первичным относятся суверенные субъекты (государство и государствовподобные образования, в том числе народы и нации, борющиеся за свою независимость), ко вторичным – производные, характер которых предопределен тем, что они созданы первичными субъектами (суверенными)².

Для классификации субъектов публичного права на первичные и вторичные целесообразно использовать такие критерии как функции государства и организационно-структурные элементы (форма государства, механизм государства, аппарат государства, механизм реализации функций государства). Во-первых, субъекты публичного права всегда имеют непосредственные связи с государством, которые выражаются в различных формах (наделением властными полномочиями, имуществом, бюджетными средствами и т. д.). Во-вторых, государство формирует и реализует свои функции в ходе деятельности субъектов публичного права в рамках формы государства, механизма государства, аппарата государства, механизма реализации функций государства. В-третьих, назначение государства состоит в том, чтобы эффективно регулировать общественные отношения, управлять обществом, что предусматривает сбалансированное распределение функций, полномочий, ответственности между субъектами публичного права через организационно-структурные элементы. В-четвертых, правовое положение субъектов публичного права определяется через функции, полномочия, распределение ответственности, о чем свидетельствует судебная практика.

Рассмотрим эти моменты более подробно.

¹ Красинский В. В. Современные подходы к теоретическому обоснованию защиты государственного суверенитета // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 2 (3). С. 97.

² Попытки использовать эту классификацию предпринимались, но в аксиологическом аспекте. См.: Азми Д. М. Указ. соч. С. 5.

1. Вопрос о функциях государства остается дискуссионным, например, они рассматриваются как основные направления его деятельности, цели, формы, средства и методы ее осуществления (С. В. Бабаев, В. М. Сырых и др.), механизм государственного воздействия на общественные отношения, определяющий содержание и направления его деятельности по управлению обществом (А. Б. Венгеров, Л. А. Морозова и др.).

Автор считает, что все представленные определения ценны, но представления о функциях государства должны быть дополнены, во-первых, тем, что они определяются социальной сущностью государства и стоящими перед ним задачами, которые необходимо изучать как в статике, так и в динамике; во-вторых, сегодня важны ответы не только на вопросы – в каких направлениях, какими методами государство осуществляет свою деятельность, но и кто определяет эти направления, методы, их приоритеты, соотношение.

В юридической литературе основное внимание уделяется реализации функций государства, но не вопросу их формирования, определения содержания, приоритетов. Так, достаточно хорошо разработаны формы осуществления функций государства. Они рассматриваются как практическое выражение деятельности субъектов по реализации функций государства. Выделяют правовые и неправовые формы¹. Отмечается их тесное органическое взаимодействие, что находит отражение в различных взаимосвязях². Но не акцентируется внимание на субъектах, которые эти функции реализуют, тогда как формы реализации функций государства не существуют без субъектов, без механизма государства, способного привести их в движение.

Без субъектной составляющей рассматривается и формирование функций государства. Общеизвестно, что это естественный процесс, складывающийся в ходе становления, укрепления и развития государства, что хорошо просматривается в исторической ретроспективе – если приоритет отдается экономике, то значение приобретает экономическая функция государства, если политике, то центр

¹ Общая теория права и государства: учебник / под. ред. В. В. Лазарева. Юрист, 1994. С. 285.

² Марченко Ю. В. Правовые формы осуществления государственных функций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2008. 22 с.; Бухтерева М. А. Формы реализации функций государства : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2002. 202 с.

тяжести перемещается в сторону реализации политической функции государства. Но мировой истории известны многочисленные случаи, когда политика государства, складывающаяся из совокупности решений и действий (бездействия) субъектов публичного права, приводит к нестабильности или разрушению общества и государства. Функции государства превращаются в дисфункции. Поэтому значение приобретает ответ на вопрос – кто формирует содержание функций государства, определяет приоритеты, несет ответственность в случае наступления неблагоприятных последствий.

Таким образом, во всех представленных позициях формирование и реализация функций государства рассматриваются как что-то само по себе существующее, без учета субъектной составляющей. Исключение субъекта из теоретических конструкций – наследие советской юриспруденции.

По мнению автора, формируют основные направления деятельности государства, их содержание, реализуют функции государства субъекты публичного права, но им предоставляются разные возможности участия в государственной деятельности, объемы полномочий, поэтому они неоднородны. Их можно разделить на две группы: а) формируют цели, задачи, определяет стратегические направления развития деятельности, нормативно закрепляют, реализуют функции государства; б) участвуют в достижении поставленных государством целей, решении задач через реализацию функций государства в пределах предоставленных полномочий.

2. Нуждаются в уточнении организационно-структурные элементы через которые осуществляется реализация функций государства (форма государства, механизм государства, аппарат государства, механизм реализации функций государства).

Так, термин «механизм государства» в узком понимании включает реализацию функций государства как однородную деятельность органов государства (Н. И. Матузов, А. В. Малько), конкретные действия субъектов государственной власти (А. П. Герасимов, В. В. Лазарев). С другой – сегодня в большинстве случаев механизм государства рассматривается в широком смысле как система всех

государственных органов, организаций, предприятий и учреждений (В. А. Власов, С. Ф. Кечекьян, В. В. Копейчиков, Ю. М. Козлов, Ц. А. Ямпольская и др.).

Автор разделяет широкий подход к механизму государства, но он требует корректировки.

Сегодня на законодательном уровне органы власти в массовом порядке относятся к юридическим лицам, то есть организациям¹, формы участия государства, других публичных образований в экономическом обороте разнообразны, не исчерпываются лишь такой организационно-правовой формой как учреждение и предприятие. Соответственно, механизм государства – это система, представляющая собой объединение всех носителей властных полномочий, обеспечивающая реализацию функций государства.

Механизм государства включает аппарат государства и другие органы, организации, которые, непосредственно не связаны с властью, но с их помощью реализуются функции государства для чего они полностью или частично финансируются за счет средств бюджета, обладают имуществом, находящимся в собственности публичных образований (Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований).

Есть широкое и узкое понятие аппарата государства. В широком смысле это многоуровневая структура, включающая федеральный уровень, уровень субъектов Федерации, местный уровень, построенная на принципе разделения властей, состоящая из разнообразных органов и их должностных лиц (президент, парламент, правительство, суды, прокуратура, органы государственного контроля, министерства, органы субъектов федерации, местного самоуправления, «материальные придатки» государства – армия, полиция и др.) В узком – это система органов исполнительной власти, их должностные лица².

¹ Можно согласиться с Т. Я. Хабриевой, что эта тенденция представляется не совсем верной. Надо или признать, что многие нормативные акты Президента РФ, Правительства РФ о юридических лицах, выполняющих властные функции, с позиций цивилистической науки неверны и отменить их, либо согласиться с тем, что нужны иные общие понятия и классификации юридических лиц, отражающие современные реалии. Конечно, задача состоит, не в отмене такого массива законодательства, а в том, чтобы найти такие формулировки, которые помогли бы органично внести в общую канву новые формы юридических лиц. См.: Хабриева Т. Я. Современные подходы к классификации юридических лиц // Журнал российского права. 2014. № 10. С. 12 [и след.].

² Коновалов В. А. Совершенствование государственного аппарата в Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2001. 22 с.

Разделяя широкий подход к аппарату государства в его составе можно выделить субъектов публичного права, определяющих форму правления, форму государственного устройства и всех остальных, решающих стратегические, тактические, операционные задачи в четко обозначенных сферах деятельности в соответствии с предоставленной компетенцией.

Автор разделяет позицию, в соответствии с которой необходимо различать механизм государства и механизм реализации функций государства. Механизм реализации функций государства шире и включает в себя как субъектов, входящих в систему механизма государства, так и негосударственные структуры (общественные объединения, некоммерческие, коммерческие организации), которым государство делегирует часть своих полномочий¹.

Таким образом, субъекты публичного права осуществляют публичные функции через организационно-структурные элементы (форма государства, механизм государства, аппарат государства, механизм реализации функций государства), имеют нормативную (устанавливает статус, регулирует деятельность), институциональную (определяет организационно-правовую форму деятельности), материальную (источник финансирования, собственность) основы. Но они различаются. Отличия заключаются в степени вовлеченности в реализацию функций государства, в характере деятельности, принадлежности собственности, финансовой обособленности и т. д.

Первая группа субъектов является основным элементом, принадлежит к высшим органам государственной власти и их должностным лицам, отражая государственный суверенитет. Организация, структура, порядок образования, распределение компетенции, взаимоотношение с населением этих субъектов входит в категорию «форма правления», которая является основной в структуре элементов понятия «форма государства» (предшествует остальным, выражает суверенную государственную власть). Форма правления традиционно определяется как характеристика структуры и взаимоотношений высших органов государства, перечень которых ограничивается главой государства, парламентом, правитель-

¹ Ельцов Н. С. К вопросу о субъектном составе механизма реализации функций государства // Вестник ТГУ. 2015. Т. 20, вып. 10. С. 151.

ством, что верно, так как они играют ведущую роль в управлении государством¹. Условно субъектов публичного права этой категории можно обозначить как первичных субъектов, структура, деятельность, взаимоотношения которых определяет и отражает форму правления государства, государственный суверенитет.

Ко вторым относятся многочисленные субъекты (органы государственной власти, органы государственной власти субъекта РФ, местного самоуправления, их должностные лица, государственные и муниципальные служащие, унитарные предприятия и т. д.), которые так или иначе участвуют в осуществлении основных направлений деятельности государства, для чего наделяются полномочиями, граница, мера и объем которых определяется формой государства (формами правления, государственным устройством, политическим режимом). Условно их можно обозначить как вторичных субъектов публичного права, так как их полномочия производны от первичных субъектов публичного права, определяющих и отражающих форму правления, государственный суверенитет.

Вопрос ответственности этих двух категорий субъектов публичного права должен решаться по-разному во взаимосвязи с принадлежностью субъекта публичного права к тому или иному уровню власти, механизму государства и т. д. Рассмотреть ответственность субъектов публичного права под углом зрения функций, форм и механизмов государственной деятельности означает определить систему юридической ответственности в совокупности с другими социальными видами и правовыми категориями, установить их соотношение, объем (пределы) ответственности государства за действия своих представителей.

На основании изложенного, обозначим следующие выводы.

Выделены два подхода к определению категории «субъект права»: классический (право-и дееспособность), базируется на позитивизме, доминирует в публичном праве, выступает необходимым элементом, условием реализации негативной юридической ответственности; постклассический (субъект – центр правовой системы), опирается на разные направления, доминирует в частном праве, выступает атрибутом позитивной юридической ответственности (субъект дей-

¹ Грузинов В. А. Форма правления современного российского государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2008. 26 с. С. 10.

ствуется в соответствии со своей волей и в своем интересе руководствуясь критериями добросовестности, разумности, справедливости, честности, заботливости, осмотрительности).

Выделение публичных и частных субъектов актуально: а) для правотворческой деятельности в плане уточнения, дополнения общепринятых отраслевых критериев (интерес, предмет и метод правового регулирования), так как правовое положение субъекта, характер его действий, позволяет выделить, установить сферы использования двух основных типов правового регулирования – разрешительного (запрещено все, кроме прямо разрешенного), общедозволительного (дозволено все, кроме того, что запрещено); б) в правоприменительной деятельности при разрешении конкретных споров о распределении негативной юридической ответственности между субъектами публичного права (поведение может рассматриваться как поведение самого государства) и частного права (поведение не может рассматриваться как поведение самого государства).

Современная тенденция – значительно расширяется круг субъектов публичного права, за действия которых ответственность несет государство, чему способствовали принятые международные акты, международная судебная практика. Выработаны принципы, касающиеся ответственности государств за действия (бездействия) негосударственных, полугосударственных субъектов, в соответствии с которыми поведение таких субъектов может рассматриваться как поведение самого государства, для чего необходимо доказать наличие особой фактической связи между такими субъектами и государством (наделение элементами публичной власти, публичными функциями, публичными полномочиями; действия (бездействия) такого субъекта осуществляются по указанию, под руководством или контролем государства).

В Российской Федерации для эффективного распределения ответственности необходимо решить проблему частных субъектов в публичном праве, публичных субъектов в частном праве, четко обозначить соотношение властной и экономической деятельности (основная или дополнительная), определить в каких случаях субъект выступает как частное лицо, подчиняется режиму частного права, несет ответственность как частное лицо, в каких – как властный субъект, установить

особый характер участия субъектов публичного права в гражданском обороте. Например, по примеру ряда стран можно вывести отношения с участием юридических лиц публичного права из-под действия гражданского законодательства и из-под компетенции общих судов, создать специальное законодательство, передать эту категорию споров на разрешение административным судам.

Обосновывается трехзвенная (публичные, частные, особые) классификация субъектов, так как взаимопроникновение частного и публичного права, усложнение процесса государственного управления приводит к образованию особой группы субъектов, которых нельзя отнести ни к публичным, ни к частным, их ответственность определяется по-разному, исходя из конкретной ситуации, требует установления наличия/отсутствия особой фактической связи между такими субъектами и государством.

Выделены основные характерные черты субъекта публичного права: имеет непосредственные связи с государством, выраженные в различных формах (наделяется властными полномочиями, имуществом, бюджетными средствами; формирует и реализует функции государства; выступает носителем публичного интереса и т. д.); поведение субъекта публичного права при определенных условиях может быть присвоено государству, которое несет полную, солидарную или субсидиарную ответственность за его действия (бездействия).

Обосновывается необходимость введения новой классификации субъектов публичного права, что связано с особым положением и ролью субъекта права в современном праве: суть права – регулировать общественные отношения путем воздействия на поведение субъектов права, нельзя рассуждать о системе, свойствах права без учета основного элемента – субъекта права, поэтому отраслевую систематику необходимо дополнить субъектной систематикой; право представляет собой не иерархию норм, а иерархию субъектов права; субъекты публичного права различны, обладают как общими, так и разными полномочиями, их иерархия базируется на суверенитете, его основном признаке – верховенстве государственной власти и ее независимости.

Субъектная систематика, суверенитет, иерархия и различия субъектов публичного права дают основания для использования принятой в международном

праве генезисной классификацией, согласно которой выделяются первичные и вторичные субъекты права. К первичным относятся суверенные субъекты (государство и государствовподобные образования, в том числе народы и нации, борющиеся за свою независимость), ко вторичным – производные, характер которых предопределен тем, что они созданы первичными субъектами (суверенными).

Обосновывается использование для классификации субъектов публичного права на первичные и вторичные таких критериев как функции государства и организационно-структурные элементы (форма государства, механизм государства, аппарат государства, механизм реализации функций государства): назначение государства состоит в том, чтобы эффективно осуществлять функции путем их сбалансированного распределения между субъектами публичного права, реализация функций осуществляется через организационно-структурные элементы (форма государства, механизм государства, аппарат государства, механизм реализации функций государства), судебная практика определяет лиц как субъектов публичного права через функции, полномочия, распределение ответственности.

Структура, деятельность, взаимоотношения первичных субъектов публичного права (высших органов государства, перечень которых ограничивается главой государства, парламентом, правительством) определяют и отражают форму правления государства, государственный суверенитет. Вторичные субъекты публичного права производны от первичных субъектов публичного права (возникновение, прекращение, осуществление деятельности). Вопрос ответственности первичных и вторичных субъектов решаться по-разному во взаимосвязи с принадлежностью субъекта публичного права к тому или иному уровню власти, механизму государства и т. д.¹

Кардинальное изменение роли государства, превращение его в механизм защиты прав и свобод человека, инструмент служения обществу, требует новых подходов к формированию юридической ответственности субъектов публичного права, которая нуждается в нормативной унификации и системном применении.

¹ См., подробнее: Котковский Л. Э. К вопросу о классификации субъектов публичного права: проблема выбора критериев // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2016. – № 4. – С. 104–107.

Глава 2. СИСТЕМА И ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУБЪЕКТОВ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

2.1. Основы построения системы юридической ответственности субъектов публичного права

Ответственность субъектов публичного права, в первую очередь составляющих их значительную часть должностных лиц, довольно древний институт. Впервые в России на общегосударственном уровне это было закреплено в Судебнике 1497 г.¹ Особая группа норм собственно должностных преступлений появилась довольно поздно, так как существовавшая долгое время система кормлений, по сути, узаконила произвол исполнительной власти. По Соборному Уложению 1649 г.² субъектами первых таких деяний явились воеводы, дьяки и «всякие приказные люди» – прообраз должностных лиц.

Коренные изменения в государственной службе, начиная с эпохи Петра I, закрепили специальный статус субъекта публичного права – чиновник, должностное лицо (раздел V тома XV Свода законов 1832 г; раздел V Уложения о наказаниях уголовных и исправительных редакции 1845, 1866, 1885 гг.)³. Таким образом, впервые появившись в первой трети XIX века и подразумевая под собой лицо, состоявшее на службе государственной или общественной, понятие «должностное лицо» прочно закрепилось в законодательстве, лишь меняя время от времени свою сущность.

Для XIX – начала XX в. характерно было признание ответственности как обязанности субъекта отвечать за свои противоправные деяния. Однако, как доказательно утверждает в своей диссертации Н. В. Гущева, законы об ответственности должностных лиц являлись одной из самых слабых сторон законодательства императорской России. Институты гражданской и дисциплинарной ответственности чиновников и судей характеризовались хаотичностью, наличием многочисленных пробелов в их законодательном регулировании. Одним из главных недо-

¹ Судебник 1497 г. // Отечественное законодательство XI–XX веков. Часть 1 (XI–XIX вв.) / под ред. проф. О. И. Чистякова. М.: Юрист, 1999. С. 58–67.

² Соборное Уложение 1649 г. // Отечественное законодательство XI–XX веков. Часть 1 (XI–XIX вв.) / под ред. проф. О. И. Чистякова. М.: Юрист, 1999. С. 121–260.

³ Свод законов уголовных (Св. зак., Т. XV, изд. 1885г.) дополненный по всем Продолжениям и позднейшим узаконениям до 15 декабря 1912 г. / сост. Н. Озерецковский. СПб., 1913.

статков, мешавших поставить институт ответственности должностных лиц на должный уровень, являлась их зависимость от произвола начальствующих лиц. Наиболее полное законодательное оформление института ответственности должностных лиц за правонарушения по должности получил лишь во второй половине XIX века.

Сегодня, можно выделить две тенденции. Во-первых, по-прежнему должностные лица как основной элемент входят в круг субъектов публичного права, но сам круг значительно расширился за счет субъектов, которых государство наделяет властными полномочиями, имуществом, бюджетными средствами и т. д. и несет ответственность за их действия (бездействия). Этот аспект затрагивался в п. 1.3. настоящего исследования. Во-вторых, занимающиеся вопросами ответственности философы, политологи, социологи и другие представители гуманитарных наук отмечают тенденцию усиления ответственности субъектов публичного права перед обществом, государством, международным сообществом, обосновывают необходимость введения новых норм ответственности.

Так, в качестве наглядного примера приводят Южную Корею. В 1986 г. суд признал виновными двух бывших президентов (Чон Ду Хвана и Ро Дэ У) в осуществлении путча, государственной измене, коррупции и насилии над народом. Суд приговорил одного из бывших президентов к смертной казни, другого приговорил к лишению свободы на 22,5 г. Более 70% граждан одобрили приговор, а более 30% считают, что Ро Дэ У отделался слишком легко¹. В декабре 2016 года начался суд над Чхве Сун Силь, которая не занимала никаких государственных постов, но являлась подругой президента Южной Кореи Пак Кын Хе, использовала близкие связи для вмешательства в государственные дела для собственного обогащения. Коррупционный скандал привел к импичменту президента страны Пак Кын Хе и демонстрациям против коррумпированности власти.

Что касается юристов, то они пишут о возрастающей роли юридической ответственности публичной власти в условиях формирования правового государства и гражданского общества. Отмечают, что данный институт способен высту-

¹ Зеленко Б. И. О политической ответственности // Власть. 2016. № 4. С. 138–143.

пать важнейшим инструментом, ограничивающим произвол в деятельности органов публичной власти¹. Указывают, что приоритетное значение должны приобретать санкции негативной ответственности, содержащие вид и меры государственного принуждения и прежде всего наказания за нарушения права властвующими субъектами².

Практически в любом диссертационном исследовании или научной статье, обосновывается необходимость установления негативной юридической ответственности в отношении Президента, Правительства, депутатов Федерального Собрания, органов государственной власти, местного самоуправления и их должностных лиц и т. д. Разногласия касаются путей установления – специальными законами «О юридической ответственности», «Об ответственности субъектов публичной власти», «О конституционной ответственности Президента Российской Федерации», «О конституционно-правовой ответственности органов государственной власти Российской Федерации и органов местного самоуправления» и т. д. или введением новых норм в уже существующие виды юридической ответственности³.

Не отстают и граждане. На вопрос социологов: «Что нужно предпринять для того, чтобы власть в России стала лучше, 61% россиян отвечают: «усилить ответственность представителей власти за выполнение своих полномочий». По мнению 47% граждан, нужно усилить народный контроль за деятельностью представителей власти, 33% респондентов настаивают на необходимости обеспечить открытость и честность выборов⁴.

Подвергается критике законодательство, которое по мнению многих авторов содержит абстрактные и разрозненные нормы, усложняя их применение, тем

¹ Малько А. В., Маркунин Р. С. Место и роль юридической ответственности органов публичной власти в концепции правовой политики в сфере юридической ответственности // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2016. № 2 (25). С. 45–48.

² Кушхова Б. З. Юридическая ответственность публичной власти в современной России: общетеоретический аспект: дис ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Краснодар, 2009. 199 с.

³ Сергеев А. Л. Конституционная ответственность федеральных органов государственной власти Российской Федерации: автореф. дис ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2006. 33 с.; Маркунин Р. С. Юридическая ответственность депутатов и органов представительной власти: общетеоретический аспект: автореф. дис ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2013. 29 с.

⁴ Источник данных: «ФОМнибус» – опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 19 января 2017 г. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. Интервью по месту жительства. Стат. погрешность не превышает 3,6%. URL: <http://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/13239>.

самым способствуя повышению уровня безответственности и вседозволенности властных субъектов. Выход видят в создании системы юридической ответственности органов публичной власти, которая должна обладать четкими, с более высоким уровнем конкретизации мерами ответственности субъектов всех ветвей власти и должностных лиц¹.

Автор, разделяя эту идею, полагает, что, создавая систему, нельзя ограничиваться только субъектами, принадлежащими к той или иной ветви власти, речь должна идти обо всех субъектах публичного права, поведение которых можно рассматривать как поведение самого государства. Кроме того, само по себе наличие системы юридической ответственности не решит проблем, необходимо сочетать юридический анализ с другими формами социальной ответственности, реальными условиями жизни, включать субъектную составляющую и т. д.

В гуманитарных науках основополагающие научные концептуальные представления о системе сформировались в XIX–XX вв. Их дальнейшее развитие привело к тому, что эти идеи вышли на позиции методологических основ в естественных и в гуманитарных науках на основе взаимного влияния и проникновения. Использование системного подхода предполагает рассмотрение любых явлений как совокупности связанных с окружающей средой и между собой элементов, которыми могут выступать понятия, предметы, устройства, субъекты, объекты. Единого понятия системы нет, но есть несколько подходов к ее определению: а) любая совокупность выбираемых переменных, свойств, сущностей; б) множество элементов, связанных между собой; в) отображение входов и состояний объекта в выходных объекта; г) система как комплекс элементов, находящихся во взаимодействии².

Системный подход получил широкое признание и в юриспруденции³ По этому поводу Д. А. Керимов писал: «Применение категории системы, системный подход к познанию, в частности, правовых явлений имеют исключительно важное

¹ Маркунин Р. С. Указ. раб. С. 15.

² Аполов О. Г. Теория систем и системный анализ: курс лекций. Уфа, 2012. 274 с.

³ Системный подход к проблемам права используется в работах С. С. Алексеева, Г. В. Атаманчука, М. И. Байтина, Д. А. Керимова, В. М. Сырых, Ю. А. Тихомирова, Р. О. Халфиной, В. Ф. Яковлева, Д. А. Фурсова, М. М. Расолова, К. К. Лебедева, Протасова и др.

теоретическое значение, поскольку позволяют вскрыть внутреннее единство права, органическую взаимосвязь и гармоническое взаимодействие частей, его составляющих»¹. Г. В. Мальцев отмечал, что использование системного подхода явилось крупным прорывом в понимании природы права, заставило признать, что право, правовое регулирование – это не механизм, не конгломерат отдельных структур, не агрегат рационально соединенных элементов, приводимый в движение конструктором или инженером (законодателем или правоприменителем), но открытая динамическая система, обладающая качествами единства и целостности, активно взаимодействующая со средой, социальной и природной. Однако юристы воспользовались не всеми полезными уроками, которые дает общая теория систем². Использование системного подхода носит случайный характер, представляет собой простое заимствование новых терминов из других областей знаний³.

Последнее справедливо и по отношению к юридической ответственности. Так, А. И. Петелин под системой юридической ответственности понимает «совокупность и взаимодействие отдельных ее видов и мер, применение которых обеспечивает ее оптимальный эффект в преодолении правонарушений при наименьших затратах государственного принуждения»⁴. Н. В. Макарейко определяет систему юридической ответственности как совокупность видов и мер юридической ответственности, установленных действующим законодательством⁵. Р. Л. Хачатуров пишет, что система юридической ответственности – это совокупность и взаимодействие норм и институтов права, соблюдение которых обеспечивает правопорядок, а применение их при совершении правонарушения восстанавливает правопорядок. Системное единство юридической ответственности обеспечивается предметом и методом правового регулирования, и едиными принципами, а также функциями юридической ответственности⁶. Маркунин Р. С. рассматривает систему юридической ответственности как совокупность правовых норм, обладающих

¹ Керимов Д. А. Философские проблемы права. М.: Мысль, 1972. С. 274.

² Мальцев Г. В. Социальные основания права. М., 2007. С. 70.

³ Пугинский Б. И. Теория и практика договорного регулирования. М., 2008. С. 10.

⁴ Петелин А. И. Проблемы правовой ответственности в социалистическом обществе. Омск, 1976. С. 39.

⁵ Макарейко Н. В. Система юридической ответственности по действующему законодательству // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 4 (28). С. 56–62.

⁶ Хачатуров Р. Л. Системность юридической ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 3 (14). С. 47–49.

качеством упорядоченности, обеспечивающих относительную самостоятельность и единство этой совокупности, что выражается в их свойствах и функциях¹.

Представленные позиции акцентируют внимание на нормативном регулировании, поэтому в большинстве случаев система юридической ответственности рассматривается как соединение обособленных элементов, в качестве которых выступают отраслевые виды (подсистемы) ответственности. Например, по мнению В. М. Ягудиной система юридической ответственности представляет собой объективное объединение по содержательным признакам отраслевых видов юридической ответственности, обладающее относительной самостоятельностью и устойчивостью в праве².

В целом в общей теории права при классификации юридической ответственности выделяют различные критерии, основания подразделения на виды (по отраслевой принадлежности, функциональному, целевому, субъективному критериям, в зависимости от субъектного состава участников правоотношений ответственности, по видам правонарушений, по характеру применяемых санкций, по порядку их применения, по объекту правонарушения, по его субъекту, по характеру нарушения правопорядка, по способу возникновения и осуществления ответственности, в зависимости от вида органа государства, осуществляющего применение мер юридической ответственности)³. Но основным критерием классификации продолжает выступать отраслевой признак. Н. В. Витрук справедливо отмечал: «Наиболее распространенной в отечественном правоведении является классификация видов юридической ответственности по отраслевому признаку. Различие отраслевых видов ответственности обусловлено не только особенностями предмета и метода регулирования общественных отношений, но и характером правонарушений, последствиями»⁴.

Таким образом, в большинстве случаев система юридической ответственности рассматривается в узком смысле как совокупность отраслевых видов юриди-

¹ Маркунин Р. С. Система юридической ответственности органов публичной власти: постановка проблемы // Юридическая наука. 2015. № 4. С. 14–16.

² Ягудина, В. М. Юридическая ответственность: система и классификация: автореф. дис ... канд. юрид. наук. 12.00.01. М., 2010. 32 с. С. 13–14.

³ Там же. С. 24–25.

⁴ Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности: монография. М., 2008. С. 93.

ческой ответственности, основные споры разворачиваются вокруг введения новых видов ответственности, поиска критериев классификации, определения ее роли и места в соотношении с системой права и системой законодательства.

Предпринимаются попытки обосновать и более широкое понимание системы юридической ответственности. Так, Р. Л. Хачатуров пишет, что система юридической ответственности не может быть замкнутой в самой себе, она тесно связана с внешней средой, испытывает ее воздействие и оказывает на нее обратное влияние. Система юридической ответственности в качестве элемента (подсистемы) входит в систему общесоциальной ответственности. Состояние политического режима и экономики оказывает существенное влияние на общесоциальную ответственность, а последняя – на правовую¹. Но особого приближения юристов к новейшим трактовкам понятия «система» еще не случилось. После ритуальных сносок на философские установки, юристы пускаются в абсолютно автономное, почти противоположенное общенаучным взглядам, узкопрофессиональное обследование правовых явлений и их систем².

Попытки рассмотреть юридическую ответственность в качестве некоторой суммативной системы, слагаемыми элементами которой выступают отраслевые виды юридической ответственности позволяют определить объем (сферу распространения) этого явления³, что недостаточно для выявления ее качественных составляющих. В частности, прав Ю. С. Решетов, отмечая, что при трактовке реализации диспозиций запрещающих норм права через правоотношения практически нельзя определить отраслевую принадлежность таких правоотношений. Так, нельзя утверждать, что при воздержании от запрещенных нормами уголовного права деяний люди вступают в уголовно-правовые отношения⁴.

В настоящем исследовании логика изучения системы юридической ответственности субъектов публичного права включает следующие моменты:

¹ Хачатуров Р. Л. Указ. раб. С. 49.

² Бойко А. И. Система и структура уголовного права: в 3 т. Т. I. Системология и структурализм в современной познавательной культуре. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2007. С. 239–240.

³ Заднепровская М. В. Осуществление юридической ответственности и социалистическая законность: автореф. дис ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 1984. С. 7–17.

⁴ Решетов Ю. С. Правовое регулирование и реализация права // Вестник Пермского университета. Серия «Юридические науки». 2015. № 3. С. 24–29. С. 26.

– система представляет собой объективное, реальное, сложное социальное образование, ее нельзя искусственно построить или создать, законодатель может вводить новые виды, принимать новые нормы ответственности, но если они не согласуются с системой, то они или не работают, или их реализация неэффективна;

– элементы системы могут быть представлены совокупностью понятий, объектов, субъектов, включать только один из элементов, описание каждого элемента – это уяснение его места в системе, один и тот же элемент может обладать множеством свойств и функций, многогранность проявления которых связана с местом в системе, этапом развития;

– отношения между элементами системы могут быть непротиворечивыми, либо противоречивыми, исходя из существования трех вариантов взаимодействия – стремление элементов к ассоциации, стремление их к диссоциации и сохранению;

– развитие системы предполагает определение противоречивых сил, позволяющих ей развиваться и вариативности развития, в зависимости от внешних и внутренних факторов;

– в системе исследуются статические, структурные, динамические компоненты и свойства, их внутренние и внешние проявления, генетические и функциональные связи, взаимодействия между собой и окружающей средой¹.

Используя сделанные в первой главе выводы, выделим следующие основы построения системы юридической ответственности субъектов публичного права: базируется на взаимодействии, соотношении социальной и юридической ответственности, распределении ответственности между государством, предпринимателями, гражданским обществом; включает понимание юридической ответственности как разновидности социальной ответственности, института права и свойства субъекта права; отраслевая систематика должна быть дополнена субъектной систематикой в совокупности с функциями, формой, механизмом государства на

¹ См.: Богданов (Малиновский) А. А. Всеобщая организационная наука (тектология). 3-е изд. Л.; М., 1925. Ч. 1. С. 83–86; Садовский В. Н. Основания общей теории систем. М., 1974; Артюхов В. В. Указ. соч. С. 30; Артюхов В. В. Общая теория систем: Самоорганизация, устойчивость, разнообразие, кризисы. М., 2009.

основании чего определяются место и взаимосвязи субъектов публичного права в системе юридической ответственности, системе законодательства.

Рассмотрим более подробно эти и другие составляющие.

1. По поводу взаимодействия, соотношения социальной и юридической ответственности сошлемся на то, что отмечалось ранее – социальная ответственность как род определяет юридическую ответственность как вид. Видовое понятие юридической ответственности должно быть согласовано с родовым понятием социальной ответственности.

Поэтому, чтобы получить более полное представление о системе юридической ответственности субъектов публичного права целесообразно в контексте системного подхода использовать уровневый подход, который направлен на дополнение пространственных, количественных характеристик качественными составляющими. Так, понятие уровня используют, чтобы показать, как система входит в другие системы, какое место занимает в системе тот или иной элемент, который, в свое очередь также может рассматриваться как система.

В рамках темы исследования приемлемо использовать разработанную в других гуманитарных науках многоуровневую концепцию ответственности, определяющую ответственность через соответствующие ожидания (политические, экономические, правовые, этические), предъявляемые к субъектам публичного права¹. Ответственность представляется в виде пирамиды.

В основе лежит социальная ответственность, как общая категория, нацеленная на консолидацию, сохранение государственно-социального образования, его выживание, поступательное развитие в условиях современных вызовов. Второй уровень – базовые формы социальной ответственности и их взаимосвязи (политическая ответственность, определяется функцией государства – управление с целью сохранения и развития общества как социальной системы; правовая ответственность подразумевает необходимость издавать, соблюдать, применять законы в соответствии с ценностными ориентирами, принятыми в государственно-

¹ Многоуровневая концепция ответственности используется в экономике, политологии, социологии. См., например: Рощина И. В., Щадилов Г. А., Рощина Г. С. Многоуровневая социальная ответственность: содержание, необходимость, роль // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 323. С. 280–284.

правовом образовании; экономическая ответственность предусматривает удовлетворение потребностей участников рынка, потребителей и получение прибыли). Третий уровень – юридическая ответственность в позитивном и негативном смыслах.

Первые два уровня значимы для определения основных направлений деятельности государства, реализации всех его функций в совокупном единстве, третий – для реализации правотворческой, исполнительной, судебной функции государства, так как для юриспруденции они являются основными, закрепляются на законодательном уровне¹.

Все уровни базируются на основном приоритете – ценности социального назначения государства, которая состоит в том, чтобы регулировать общественные отношения, управлять обществом в соответствии с основными направлениями его деятельности (функциями). Функции государства – это понятие социальное, политическое, управленческое, юридическое, связывает воедино все стороны его жизнедеятельности, отражают то, чем занимается государство, его сущность, ценность, находит закрепление в программах, нормативных актах, межправительственных соглашениях, международных договорах, других официальных документах. Автор сторонник единой (осуществляются любым государством, независимо от его типа, сферы деятельности) классификации функций государства, которая включает в себя четыре функции: политическую, экономическую, социальную, идеологическую. При этом разделением государственных функций не может быть признано разложение их по отдельным областям управления².

Функции государства первичны по отношению к правотворческим, правоприменительным процессам, правоохранительной деятельности, структуре аппарата государства, выступают критериями структурирования механизма государства (А. Б. Венгеров, Л. И. Каск, В. И. Червонюк). Функция государства – это та

¹ Сегодня в некоторых исследованиях обосновывается, что классификация функций государства, базирующаяся на принципе разделения властей, не в полной мере отражает современный механизм реализации государственной власти (В. Е. Чиркин, Д. В. Пожарский). В тоже время для права и правовых исследований, в том числе для заявленной темы, важны правотворческая, исполнительная, судебная функции государства, так как именно при их взаимодействии проявляется нравственная, юридическая проблематика, они отражают сущность и социальное назначение правового государства (с помощью права управлять обществом, направлять общественное развитие).

² Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004. С. 578.

роль, которую субъекты публичного права исполняют по поручению государства для удовлетворения потребностей общества (отдельных социальных групп, индивидов) как системы более высокого порядка (уровня организации). Государственная власть через формирование и реализацию функций государства отражается в действиях (бездействиях) субъектов публичного права.

В таком контексте ответственность субъектов публичного права – это надлежащее, ненадлежащее исполнение, неисполнение обязанностей по формированию, определению содержания, приоритета, реализации функций государства. Их деятельность может приводить как к благоприятным (социально одобряемому поведению как цели государства и результату действия права), так и к неблагоприятным (реализации негативной ответственности) последствиям.

2. Сегодня повсеместное распространение получило требование соблюдать принцип ответственности сочетая экономическое развитие с политической и социальной стабильностью, что предполагает эффективную реализацию всех функций государства в их неразрывном единстве. Поэтому разрабатываются, применяются концепции ответственности, базирующиеся на междисциплинарных, межотраслевых основах, включающие политические, экономические, правовые, экологические и т. д. аспекты.

Например, концепция корпоративной социальной ответственности, основывается на взаимодействии многих социальных регуляторов (политике, экономике, праве, этике, экологии и т. д.), распространяется на широкий круг отношений, в том числе на сферу образования, проблемы окружающей среды, взаимоотношения работодателя и работника, противодействие коррупции и т. д.¹ В этой сфере разработаны и введены стандарты, применение которых дает преимущества – увеличивается доверие, поддерживается и повышается устойчивость развития, лояльность со стороны населения, снижается уровень противоправного поведения, затраты на содержание аппарата принуждения и контроля. Стандарты базируются на принципах, которые должны соблюдаться, учитываться в решениях и

¹ Вязова С. Ю. Стандарт социальной ответственности «SA 8000» как основа системы социальной ответственности // Актуальные проблемы управления: теория и практика: мат. междунар. (заоч.) науч.-практ. конф. Саратов: Академия управления, 2014. С. 57–59.

основной деятельности предпринимателей – подотчетность, прозрачность, этическое поведение, уважение к верховенству права, соблюдение правил поведения (ожидание социально ответственного поведения), уважение прав человека.

Например, в Международном стандарте ISO 26000 «Руководство по социальной ответственности», вышедшем в 2010 г. дается определение социальной ответственности как ответственности организации за воздействие ее решений и деятельности на общество и окружающую среду через прозрачное и этическое поведение, которое: содействует устойчивому развитию, включая здоровье и благосостояние общества; учитывает ожидания заинтересованных сторон; соответствует применяемому законодательству и согласуется с международными нормами поведения; введено во всей организации¹.

В России, по оценкам специалистов, корпоративной социальной ответственностью занимаются примерно 100 компаний, которые так или иначе связаны с международной деятельностью, что составляет малую долю среди общего количества предпринимателей.

Проблемы связаны: а) с высоким уровнем недоверия населения к предпринимателям (нарушение трудового законодательства, «серые» зарплаты, заключение гражданско-правовых, а не трудовых договоров и т. д.); б) с сохранением противоположных интересов: государства – контролировать и ограничивать деятельность предпринимателей; предпринимателей – любыми средствами получать прибыль, не заботясь о развитии общества, государства; в) с восприятием бизнесом корпоративной социальной ответственности как балласта, расходы на который необходимо минимизировать; г) с особенностями менталитета населения, корпоративного управления, политической ситуации (высокие социальные ожидания при низкой социальной активности населения; жесткие, иерархические традиции трудовых взаимоотношений; отсутствие опыта и государственной инфра-

¹ Международный стандарт ISO 26000 «Руководство по социальной ответственности» [Электронный ресурс]. URL: http://www.ksovok.com/doc/iso_fdis_26000_rus.pdf (дата обращения: 16.04.2016).

структуры для решения социальных проблем; коррупция на всех уровнях государственной власти и т. д.)¹.

Учитывая огромное значение и широкое распространение корпоративной социальной ответственности, необходимо по примеру многих стран формировать нормативные основы, где нормы и правила имеют не только рекомендательный, но и обязательный, стимулирующий характер. Например, европейская модель – это установленные государством юридические нормы, обязывающие компании следовать принципам социальной ответственности: социальная отчетность (законодательные требования к социальному учёту, аудиту и отчетности, например, Bilan Social во Франции); налоговые льготы, другие стимулы, мотивирующие компании следовать социально-ответственному поведению (например, льготы зависят от объема инвестированных средств); воспитание социально-ответственного потребителя (товары снабжаются специфическими унифицированными знаками и символами, по которым потребитель может получить информацию о социальной ответственности производителя)².

Таким образом, сегодня востребованы концепции, включающие разнообразные междисциплинарные и межотраслевые стандарты и нормы, принятые на международном и национальном уровнях. Например, корпоративная социальная ответственность регулируется в рамках международных и корпоративных стандартов, этических требований, трудового, экологического, налогового законодательства. Важно, чтобы эта модель не оказалось абстрактной или идеалистической³. Поэтому социально ответственное поведение предпринимателей государство должно не только регламентировать, но и поощрять.

3. Основная современная тенденция – распределение, разделение⁴ ответственности между субъектами, поэтому для построения эффективной системы отраслевую систематику надо дополнить субъектной систематикой, признать, что

¹ Авилова М. Г. Корпоративная социальная ответственность в России: тенденции, проблемы, решения // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 34. С. 1–5. URL: <http://e-koncept.ru/2016/56712.htm>.

² Бессонова И. С., Николаева И. В. Правовое регулирование корпоративной социальной ответственности: заграничный и Российский опыт // Актуальные проблемы права: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2014 г.). М.: Буки-Веди, 2014. С. 20–23.

³ Финогентова О. Е., Токарев В. А. Зарождение социологической теории права в СССР // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 35. С. 16–32. С. 17.

⁴ Мы будем использовать эти термины как тождественные.

юридическая ответственность не только институт права, но и свойство субъекта права, субъектам права присущи различия и иерархия (п. 1.3).

Так, в начале XXI в. в рамках научно-исследовательского проекта «Shared» в Центре международного права Амстердамского университета была разработана концепция «разделяемой ответственности». Основной тезис – существующее право международной ответственности рассматривает проблему ответственности государств, международных организаций, транснациональных корпораций отдельно, а не во взаимосвязи и взаимозависимости ответственности различных участников международных отношений. Необходимо учитывать целостный характер системы права международной ответственности, что позволит разработать концептуальные и нормативные механизмы распределения ответственности между несколькими субъектами международных отношений вне зависимости от их правовой природы и заинтересованности в том или ином вопросе¹.

В какой-то мере этот вопрос освещался в п. 1.3. в рамках распределения ответственности между субъектами публичного и частного права. В дополнение к ранее сделанным выводам, выделим несколько уровней распределения ответственности между субъектами публичного и частного права: международный (государства, международные организации, транснациональные корпорации, другие участники международного сотрудничества и экономического оборота); национальный (государство, предприниматели, гражданское общество); локальный (национальные субъекты публичного и частного права).

Международный уровень достаточно хорошо представлен в юридической литературе в рамках специальности 12.00.10 (международное право; европейское право), локальный уровень рассмотрен в п. 1.3 настоящего исследования. Интерес представляет национальный уровень, так как он практически не изучается, доминирует установка – за все отвечает государство, необходимо усилить ответственность субъектов, представляющих государство.

Учитывая мировые тенденции, в том числе возложение на предпринимателей обязанности быть социально ответственными, распределение ответственности

¹ Ключня А. Ю. Ответственность за нарушение обязательств, вытекающих из императивных норм международного права: автореф. дис ... канд. юрид. наук: 12.00.10. М., 2016. 28 с. С. 17–18.

между государством, предпринимателями, гражданским обществом становится приоритетной задачей для Российской Федерации.

Вопрос распределения ответственности между государством и предпринимателями затрагивался ранее при освещении конструкции «корпоративная социальная ответственность». Вопрос распределения ответственности между государством и гражданским обществом находится в стадии обсуждения. Преобладает позиция, в соответствии с которой гражданское общество осуществляет контроль за деятельностью государства и его представителей, в том числе в плане усиления ответственности представителей власти за выполнение своих полномочий. Представленная позиция не отражает современных реалий, требует уточнений.

Гражданское общество – это саморегулируемая структура, основными чертами которой выступают: реализация частного интереса, автономия социальных институтов, юридическая свобода субъектов, объединение индивидов на основе общепринятых ценностей и т. д. В этом ракурсе первостепенное значение имеет позитивная ответственность индивидов и их коллективных образований, которая состоит в том, что субъект права своей волей и в своем интересе осуществляет действия (бездействия) в соответствии с правовыми нормами и критериями правомерности осуществления действий (бездействий) – добросовестно, разумно, справедливо, честно, заботливо, осмотрительно (как надо осуществлять право), установленными пределами, ограничениями (как не следует поступать).

Модели распределения негативной юридической ответственности будет зависеть от типа взаимодействия государства и гражданского общества. Есть два типа – «социальный контракт», «социальное иждивенчество». Тип социальный контракт предполагает строгое разделение сфер деятельности между гражданским обществом (частные интересы) и государством (публичные интересы). Тип социального иждивенчества предполагает активную деятельность государства в большинстве областей общественных отношений, пассивное ожидание гражданами помощи от государства¹.

¹ Фетюков Ф. В. Взаимодействие государства и гражданского общества: теоретико-правовое исследование: автореф. дис ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Фетюков Федор Викторович. Екатеринбург, 2016. 25 с. С. 15.

В типе социальный контракт эффективность взаимодействия государства и гражданского общества достигается за счет четкого разделения ответственности между частными и публичными субъектами, в типе социальное иждивенчество вопрос распределения ответственности между частными и публичными субъектами остается не до конца разрешенным, так как нет четко установленных правил кто за что отвечает, правила могут меняться в целях обеспечения социальной защиты и т. д. Наглядный пример – проблема обманутых дольщиков в Российской Федерации. По общему правилу ответственность должны нести частные лица (застройщик и дольщик, дольщик в связи с тем, что риск выбора недобросовестного контрагента возлагается на него), однако дольщики получили возможность удовлетворить свои требования за счет государства¹.

Для Российской Федерации необходим переход от типа социального иждивенчества к типу социального контракта, от полной социальной ответственности главы государства (президента РФ) к созданию концептуальных основ и нормативных механизмов распределения ответственности между государством, предпринимателями, гражданским обществом.

По-разному будет решаться вопрос распределения ответственности между первичными и вторичными субъектами публичного права, что базируется на основном признаке суверенитета – верховенстве государственной власти и ее независимости. Это связано не только с принадлежностью субъекта публичного права к тому или иному уровню власти, но и потому, что по большей части деятельность первичных субъектов обусловлена свободой действий (необходимый элемент управленческой государственной деятельности), подчинена нравственным началам, основывается на нравственной ответственности, вторичных субъектов – жестко регламентирована, подчинена правовым и отчасти моральным нормам, основывается на юридической ответственности.

Проблема повышения ответственности первичных субъектов при более широком взгляде предстает как проблема выхода общества из системного духовного

¹ Приказ Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 12.08.2016 № 560/пр «Об утверждении критериев отнесения граждан, чьи денежные средства привлечены для строительства многоквартирных домов и чьи права нарушены, к числу пострадавших граждан и правил ведения реестра пострадавших граждан» // Система ГАРАНТ: URL: http://base.garant.ru/71580918/#block_3#ixzz4zYi0pvbE.

кризиса. Это связано с верой в возможность устройства власти и повышения ее эффективности исключительно на рациональных началах, в возможность ее механизации и обезличивания, что не соответствует традиционным свойствам российской государственности. Для русского сознания, согласно учению Филарета Московского, государство в идеале – это общество «семейного типа», когда нация представляет собой одно большое семейство, а власть несет моральную ответственность, думает не только о рациональном, но и о праведном и должном как истинный библейский отец. Для восточных государств, к которым ментально относится Россия, характерно образование государства-учреждения, где аппарат государства отождествляет себя с государством вообще идеологическими средствами.

Нравственность – это императив высшей государственной власти. Именно императивность нравственного начала власти является гарантом обеспечения социально-служебной функции власти. Императивность нравственного начала власти требует соответствия ее представителя моральным требованиям. Нравственная ответственность, образуя основу правосознания личности, является обязательным качеством. Данное утверждение можно проиллюстрировать словами выдающегося государственного деятеля П. А. Столыпина: «Для лиц, стоящих у власти, нет греха большего, чем малодушное уклонение от ответственности. И эта ответственность – величайшее счастье моей жизни»¹.

Сферой приложения нравственной ответственности власти выступает государственность. Фактическое каждодневное построение государственности, невозможно без веры власти в правильность своего решения, соединенной с нравственной ответственностью. Любая реформаторская деятельность, претворение в жизнь любой идеи в государственных масштабах представляют опасность для общества, если они не связаны нравственной ответственностью представителей власти.

¹ 29 апреля 1911 г.; Гос. Дума; ответ П. А. Столыпина на запрос Гос. Думы о введении западного земства. URL: <http://www.aphorisme.ru/by-authors/stolipin/?q=4245>.

Нравственная ответственность власти – обязательное условие в деле построения государственности¹.

Таким образом, основная задача – определить оптимальные соотношения ответственности государства, предпринимателей, гражданского общества, первичных и вторичных субъектов публичного права, создать систему постоянного контроля меры совместимости различных обязательств, инструменты недопущения дисфункциональных проявлений и т. д. Принимая во внимание, что государство и общество состоят из индивидов, целесообразно установить общее правило – их взаимодействие должно базироваться на готовности к ограничению взаимных притязаний, позитивной ответственности, в соответствии с постулатом – увеличение меры свободы ведет к возложению на себя индивидом большего круга обязанностей, большего объема ответственности.

4. Для построения системы юридической ответственности важно обдуманно подходить к введению новых норм ответственности в отношении той или иной категории субъектов публичного права, определяя их место и взаимосвязи в системе юридической ответственности, системе законодательства.

При этом законодатель, определяя правовой статус субъекта публичного права, вправе устанавливать для этой категории граждан особые требования, в том числе к их личным и деловым качествам, особые обязанности, ответственность, обусловленные специфическим характером их деятельности. В свою очередь субъект публичного права, приобретая соответствующий статус, должен осознавать, что от обычного гражданина его теперь отличает не только наличие властных полномочий и улучшенная система социальных гарантий, но и повышенная степень ответственности перед обществом и государством, что находит отражение в правовых нормах.

Так, в соответствии с п. «о» ч. 1 ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации, совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел является обстоятельством, отягчающим наказание. Этот пункт был введен Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 08.02.2011 № 18-ФЗ.

¹ Русанов А. В. Ответственность власти как нравственная и правовая категория: автореф. дис ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Белгород, 2009. С. 14 [и след.].

Федерации и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 22 июля 2010 года № 155-ФЗ. Такое нововведение явилось частью проводимой реформы МВД России, нацеленной на повышение эффективности деятельности органов внутренних дел, их авторитета и общественного доверия. Введенная норма вызвала в научном сообществе многочисленные дискуссии, которые остаются не разрешенными. Главный аргумент противников данного нововведения заключается в признании его неконституционным, поскольку налицо явное противоречие со ст. 19 Конституции Российской Федерации, которая декларирует равенство всех перед законом и судом, а также гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо каких-либо факторов, в том числе должностного положения. Однако, это противоречие было разрешено Конституционным Судом РФ, который справедливо указал, что «совершение сотрудниками органов внутренних дел, на которых возложена исключительная по своему объему и характеру... ответственность по защите жизни и здоровья граждан, противодействию преступности и охране общественного порядка, умышленного преступления свидетельствует об их осознанном... противопоставлении себя целям и задачам деятельности полиции, что способствует формированию негативного отношения к органам внутренних дел и институтам государственной власти в целом, деформирует нравственные основания взаимодействия личности, общества и государства, подрывает уважение к закону и необходимости его безусловного соблюдения»¹.

Действительно, при совершении преступления сотрудником органов внутренних дел, кроме отношений, характеризующих основной непосредственный объект, всегда страдают отношения, связанные с нормальным функционированием данных органов и всей правоохранительной системы в целом, то есть публичный интерес. Ключевым элементом, повышающим общественную опасность в случаях совершения преступления сотрудниками органов внутренних дел, является их служебное или должностное положение, профессиональный правовой долг.

¹ По запросу Лабытнангского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности пункта «2 части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации // Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 08.12.2011 № 1623-О-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.12.2015).

В то же время сотрудники иных правоохранительных органов (например, ФСБ, ФСИН, прокуратуры и др.), также наделенные рядом специальных полномочий и функций, не менее важных, чем у сотрудников органов внутренних дел, при совершении ими преступлений несут уголовную ответственность на общих основаниях, так как на них п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ не распространяется. При этом толкование Конституционного Суда РФ о последствиях совершения преступлений сотрудниками органов внутренних дел подходит и для характеристики социально негативных последствий преступлений, совершаемых сотрудниками всех правоохранительных органов и органов правосудия. В судебной практике достаточно примеров преступной деятельности таких лиц¹.

Когда правонарушение совершается субъектами публичного права, призванными защищать интересы общества, падает авторитет государственной власти, формируется общественное мнение о ее неспособности обеспечить состояние законности и правопорядка, что, безусловно, повышает общественную опасность как деяния, так и личности виновного по сравнению с совершением аналогичных деяний обычными гражданами. Поэтому, несмотря на сомнения некоторых авторов в правомерности усиления уголовной ответственности сотрудников органов внутренних дел, эта мера видится вполне оправданной. Но, в то же время, представляется справедливым и целесообразным расширение круга субъектов, подпадающих под действие п. «о» ст. 63 УК РФ и включение в него сотрудников всех правоохранительных органов и органов правосудия.

Еще одно явление, свидетельствующее об усилении ответственности субъектов публичного права – «утрата доверия», которая может явиться основанием для увольнения как государственного гражданского служащего (ст. 59.2 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»), сотрудника органов внутренних дел (ст. 82.1 Федерального закона от 30.11.2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»), сотрудника прокуратуры (ст. 41.9 Федерального закона от 17.01.1992 г. № 2202-1

¹ См.: Ларин В. Ю. Совершение преступления сотрудником органов внутренних дел как отягчающее наказание обстоятельство // Юридическая наука. 2013. № 4. С. 63, 64.

(ред. от 28.11.2015 г.) «О прокуратуре») и ряда других субъектов публичного права. Введение этой нормы связано с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции в России и также вызывает споры в научном сообществе¹.

В частности, встречается мнение о том, что понятие «утрата доверия» носит оценочный характер, и возможность применения последствий утраты доверительных отношений предполагает наличие значительной доли усмотрения работодателя.² Однако, анализ оснований, указанных в вышеперечисленных статьях, свидетельствует об их достаточно конкретном характере. Возможность расширительного толкования данных норм также не усматривается. Моделью здесь явилась статья 13.1. «Увольнение (освобождение от должности) лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, муниципальные должности, в связи с утратой доверия» Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 15.02.2016) «О противодействии коррупции». По нашему мнению, институт «утраты доверия» является характерным примером нормативной унификации и системного применения мер усиления ответственности субъектов публичного права.

Таким образом, основной целью субъектов публичного права является служение интересам общества и государства, в том числе охрана законности и правопорядка, защита прав и свобод человека. Служение интересам общества и государства предполагает не только юридическое закрепление прав, обязанностей, ответственности указанных субъектов, но и моральные критерии оценки их поведения, которые порождают юридические последствия. То есть государство предъявляет особые требования к их поведению, которое всегда и при любых обстоятельствах (на работе, вне работы) должно быть безупречным, соответствовать высоким стандартам профессионализма и нравственно-этическим принципам, не попортить деловую репутацию и авторитет.

¹ Чаннов С. Совершенствование антикоррупционного законодательства // ЭЖ-Юрист. 2012. № 10. С. 15; Сокрашкин Э. Г. Проблемы реализации института утраты доверия // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.01.2016).

² Избиенова Т. Утрата доверия как основание увольнения с государственной гражданской службы // Кадровик. Трудовое право для кадровика. 2013. № 3.

5. Для института юридической ответственности и построения системы важно определить предмет правового регулирования, который, как было показано в п. 1.2, отличается известной неполнотой (включает правомерное поведение и правонарушение, представления о которых остаются противоречивыми и неоднозначными), рассматривается изолированно, вне связи с другими видами поведения, широко используемыми в юридической литературе и социальной практике (позитивное, негативное, отклоняющееся и т. д.). На основе проведенного анализа предмет правового регулирования был существенно расширен, в него включены три группы общественных отношений, связанные с позитивным, негативным и позитивным отклоняющимся поведением.

Однако не все исследованные модели поведения входят в предмет правового регулирования института юридической ответственности субъектов публичного права. В частности, не входит в предмет правового регулирования этого института социально вредное и юридически допустимое правомерное злоупотребление правом (субъект осуществляет свои права и свободы в установленных границах, причиняя вред другим лицам, но нет запрета, нет охраны государством), так как к деятельности субъекта публичного права предъявляются повышенные требования по соблюдению правовых и моральных норм, его поведение всегда должно быть социально-полезным, нравственно-этичным.

Многие вполне справедливо возразят, что несмотря на наличие во многих сферах государственной службы кодексов этического поведения, количество нарушений прав и законных интересов частных лиц деяниями государственных органов и должностных лиц не уменьшается при все возрастающем объеме выплат из государственного бюджета сумм возмещения вреда, причиненного ими, появились и разрастаются такие явления, как «заказные» уголовные дела, административное преследование и «административный ресурс» как средства достижения должностными лицами государства и органов местного самоуправления собственных интересов, суд часто выступает не только защитником, но и нарушителем прав и законных интересов граждан и т. д. Особый статус некоторых государственных органов и должностных лиц, например прокуроров, сотрудников

Следственного комитета, судей и др., наличие у них правовых иммунитетов делает их ответственность неэффективным средством правовой защиты граждан от произвола¹.

Как правило, выход видят в введении новых видов негативной ответственности, ужесточении санкций. Например, С. Б. Поляков предлагает ввести так называемую «частноправовую ответственность», то есть установить штрафную имущественную ответственность государственных органов и их должностных лиц, в том числе прокуроров, следователей и судей, противоправно и виновно нарушающих права и законные интересы физических и юридических лиц, налагаемую судом непосредственно по заявлению потерпевшего от правонарушения частного лица и в его пользу².

Такого рода предложения носят не вполне обоснованный и взвешенный характер. В частности, законодательная неопределённость в вопросе – что представляет собой нарушение прав и законных интересов физических и юридических лиц приведет к злоупотреблению правом со стороны граждан. Поэтому следует сохранить принципы привлечения к гражданско-правовой ответственности субъектов публичного права – значение имеет наличие вреда, а не вины, при отсутствии вины за действия субъектов публичного права отвечает государство, при наличии вины государство имеет право регрессного иска к виновному лицу.

Полагаем, что с позиции долгосрочной перспективы и зрелого гражданского общества прав Ю. Хабермас, утверждая, что люди должны вводить свои права в поле притязаний, тем самым обеспечивая себе защиту: «Представим себе служащего полиции, который пытается выжать признание из подозреваемого под противоправной угрозой пытки. В качестве моральной личности он, прибегнув к такой угрозе, уже грешит против совести, даже если не причинил боли, и при любом поведении подозреваемого. Правовое отношение между служащим полиции, действующим незаконно, и допрашиваемым актуализируется лишь тогда, когда этот последний начнет защищаться и объявит свои права (или если прокурор от-

¹ Поляков С. Б. Принцип взаимной ответственности государства и личности: теоретико-правовые и прикладные аспекты: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. Пермь, 2011.

² Там же.

реагирует на правонарушение). Разумеется, угрожаемое лицо в обоих случаях является источником нормативного притязания, которое попирается пыткой. Но для феномена дурной совести достаточно уже того, что мораль нарушена по существу дела, тогда как объективное нарушение правоотношения остается латентным, пока оно не актуализировано через предъявление известной претензии»¹.

Спорным является вопрос – входит ли в предмет регулирования института юридической ответственности субъектов публичного права позитивное отклоняющееся поведение. На наш взгляд, входит по ряду причин, в том числе управление – это не только и не сколько государственное правовое регулирование общественных отношений с помощью нормативно-правовых актов, а особый вид творческой деятельности, искусство, способность поднять человеческое видение на уровень более широкого кругозора, вывести эффективность деятельности человека на уровень более высоких стандартов, выход за обычные рамки, что приводит к развитию общественных отношений, созданию качественно новых правил поведения (А. Н. Аверин, В. Г. Афанасьев, П. Друкер, Л. Н. Суворов и др.).

Однако, на наш взгляд, позитивно отклоняющееся поведение присуще в большей степени первичным субъектам (глава государства, парламент, правительство), которые определяют и отражают форму правления государства, государственный суверенитет, так как именно для этой категории управление – это творческая деятельность, требующая определенной свободы, во многом связанная с рисками, имеющая нравственную основу, опирающаяся на законы и творящая эти законы, что приводит к развитию общественных отношений, созданию качественно новых правил поведения. Вторичные субъекты права (возникновение, прекращение, осуществление деятельности производны от первичных субъектов) такой свободой действий не обладают, их деятельность строго регламентирована, в большинстве случаев построена на подчинении.

Таким образом, предмет правового регулирования института юридической ответственности субъектов публичного права уже, чем в целом института юриди-

¹ Хабермас Ю. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека // Вопросы философии. 2012. № 2. URL: http://vphil.ru/index.php?id=474&option=com_content&task=view (дата обращения: 01.06.2017).

ческой ответственности, так как имеет определённые изъятия. Так, не включает социально-вредное, но правомерное поведение, поскольку к субъектам публичного права предъявляются повышенные требования, их поведение всегда должно быть социально-полезным, нравственно-этичным. Позитивно отклоняющееся поведение присуще первичным субъектам, так как свобода действий – необходимый элемент управленческой деятельности, которая приводит к развитию общественных отношений, созданию качественно новых правил поведения, деятельность вторичных субъектов строго регламентирована, в большинстве случаев построена на подчинении.

6. Юридическая ответственность субъектов публичного права может выражаться как в позитивном, так и в негативном аспекте, которые взаимно дополняют друг друга, а применительно к субъектам публичного права выступают в качестве единой системы, обеспечивающей единство ее функционирования. Однако позитивная и негативная ответственность проявляются по-разному в связи с тем, что субъекты публичного права различны, их иерархия базируется на суверенитете, степени вовлеченности в реализацию функций государства, роли и месту в системе организационно-структурных элементов и т. д., на основании чего выделены первичные и вторичные субъекты публичного права (п. 1.3), в негативной ответственности центральной категорией выступают нормы права (нет нормы – нет ответственности), в позитивной ответственности – субъект права (п. 1.2).

Для первичных субъектов позитивная ответственность имеет большее значение чем негативная, к которой их привлечь чрезвычайно затруднительно в виду отсутствия реальных механизмов реализации, наличия иммунитетов. Поведение первичных субъектов может быть не только позитивным, но и позитивно отклоняющимся, поэтому для них характерно не только правомерное поведение, но и совершение свободных действий (правомочий) своей волей и в публичных интересах, без которых невозможно развитие государства, социума, общественных отношений. В этом случае при оценке поведения доминируют оценочные категории (добросовестность, разумность, справедливость, честность, заботливость, осмот-

рительность) как ориентиры надлежащего поведения с позиций существующих в данном обществе морально-этических норм.

Для вторичных субъектов позитивная и негативная ответственность имеют равное значение, связанное с нормативным аспектом, так как их деятельность строго регламентирована. Юридическую ответственность вторичных субъектов можно определить как их обязанность поступать строго в соответствии с требованиями нормативных правовых актов и морально-этических норм, действовать в интересах обеспечения и защиты прав и свобод личности, соблюдать установленные запреты и ограничения, а также всегда быть готовым отчитаться за исполнение своих обязанностей перед государством (позитивная ответственность), а в случае неисполнения (ненадлежащего исполнения) обязанностей, нарушения запретов или злоупотребления полномочиями претерпевать предусмотренные нормами права меры государственного принуждения и иные меры государственного воздействия, применяемые с целью предупреждения подобных правонарушений и возмещения причиненного ущерба (ретроспективная ответственность).

Позитивная ответственность субъектов публичного права имеет более сложную природу, является важнейшим стимулом надлежащего осуществления управленческих функций. Однако, на современном этапе развития России обостряется приоритетное значение негативной ответственности, государственного принуждения, наказания за нарушения права властвующими субъектами, тогда как, представляется, должно быть наоборот.

В отношении оценки поведения первичных субъектов целесообразно более широко использовать оценочные категории (добросовестно, разумно, справедливо, честно, заботливо, осмотрительно), закрепляя их в нормативных актах и применяя в судебной практике. Признак правового государства – ограничение государственной власти посредством права, правовых установлений, предписаний, определение правовых пределов. Поэтому, несмотря на творческий характер деятельности первичных субъектов, есть необходимость с помощью оценочных категорий устанавливать критерии, которым поведение первичных субъектов должно

соответствовать, а также определенные границы, за рамки которых они выйти не могут.

Для Российской Федерации этот вопрос приобретает особую актуальность в связи с тем, что политика в нашей стране отличается высокой степенью персонализации власти. Так, президентство, как никакой другой государственный институт, подвержено воздействию индивидуальных особенностей тех, кто руководит страной в тот или иной период. Многое зависит от того, как они трактуют события и играют свою роль, какими мотивами руководствуются, какой тип лидерства олицетворяют. Сложность конституционного правоприменения, значительный объем должностных полномочий главы государства, трудности развития политической системы, культурно-исторические традиции – все это – усиливает воздействие личностного компонента. Российское президентство зависит не только от конституционно-правовых рамок, но и в значительной степени от личностных особенностей политических деятелей, осуществляющих полномочия главы государства. Индивидуально-психологические качества лидера страны проявляются во внутривластном и международном контексте¹.

Для вторичных субъектов целесообразно дополнить систему законодательства, регламентирующего негативную ответственность, организационно-правовыми мерами по расширению позитивной ответственности. Эти меры должны стать альтернативой в отношении малоэффективных на практике правил поведения вторичных субъектов, в частности публичных служащих, закрепленных в кодексах этического поведения.

С этой целью видится необходимой разработка и принятие федерального закона «Об ответственности публичных служащих в Российской Федерации», концептуальными основами которого должно быть:

- установление повышенной ответственности для публичных служащих;
- закрепление единых морально-нравственных требований к поведению публичного служащего;

¹ Стрелец И. Э. Влияние личностных особенностей политических лидеров на исполнение роли президента России: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 19.00.12 / Стрелец Илья Эрнстович. М., 2014. 30 с.

– введение особого порядка привлечения таких лиц к юридической ответственности;

– установление единой системы обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание публичного служащего за совершение преступления, а также правонарушения, причиняющего вред охраняемым публичным интересам и подрывающего авторитет государства, государственной и муниципальной службы;

– установление необходимости одновременного применения дисциплинарной ответственности наряду с другими видами юридической ответственности к публичным служащим.

7. Для построения системы юридической ответственности приемлемо использовать разработанное в международном праве деление негативной юридической ответственности на материальную (возникает в двух случаях: когда правонарушение повлекло материальный ущерб, когда ущерб возник без нарушения нормы права, но его возмещение предусмотрено нормами международного права) и нематериальную (политическую, правовую). Такой подход помогает более четко построить систему юридической ответственности, в том числе определить конкретных субъектов, например, государство или иных лиц, через которых формируются и реализуются функции государства, объем и виды ответственности и т. д.

Нематериальная ответственность в юридическом плане – это обязанность субъекта публичного права претерпевать негативные последствия применения конституционных, уголовных, административных, дисциплинарных санкций. Материальная ответственность представлена институтами имущественной ответственности и возмещения вреда¹. Также целесообразно использовать применяемые в гражданском праве виды имущественной ответственности (солидарная, субсидиарная), так как ответственность индивидов и коллективных образований распределяется по-разному. Например, индивиды при наличии вины привлекаются к различным отраслевым видам ответственности, при отсутствии вины за их действия (бездействия) отвечают коллективные образования, государство.

¹ В теории права материальная ответственность рассматривается как самостоятельный вид в числе основных видов юридической ответственности, но понимается или с позиций гражданского, или трудового права. Цивилисты и представители трудового права концентрируют внимание на различиях имущественной и материальной ответственности.

Целесообразно в нематериальной и материальной ответственности выделить объемы – полная, ограниченная, повышенная как общее и исключения, носящие материальный и процессуальный характер. Полная ответственность – это установленные законодателем общие процедуры, основания привлечения лиц к ответственности, обязанность субъекта в полном объеме претерпеть предусмотренные законом меры негативного характера вследствие реализации уголовных, административных, дисциплинарных санкций, в полном объеме возместить причиненный вред. Ограниченная ответственность – это установленные законодателем процедуры, основания, затрудняющие привлечение лиц к ответственности, деятельность которых представляет ценность для государства, или установленные законодателем или фактическими обстоятельствами границы в отношении объема предусмотренных законом мер негативного характера, которые претерпевает субъект (освобождение от ответственности, минимальный объём)¹, а также в отношении размера причиненного вреда (размер причиненного вреда превышает размер возмещения).

Повышенная ответственность – это установленные законодателем процедуры, основания, упрощающие привлечение лиц, деятельность которых представляет ценность для государства, к ответственности. Объем предусмотренных законом мер негативного характера, которые претерпевает субъект, размер причиненного вреда превышает объем, установленный для полной ответственности.

Государственная политика, направленная на установление ограничений и мер повышенной ответственности базируется на исключениях из общих правил, основывается на особом положении лиц, привлекаемых к ответственности. По большей части ограничения устанавливаются с помощью иммунитетов или их наличие проявляется в отсутствии реальных механизмов привлечения к ответственности, базируются на нецелесообразности фактической реализации ответственности в отношении определенной категории субъектов публичного права, повышенным риске осуществляемой ими деятельности, невозможности с их сто-

¹ Ответственность субъекта как возможность претерпеть предусмотренные законом меры негативного характера рассматривается в автореферате Р. Р. Акбашева. См.: Акбашев Р. Р. Ограниченная юридическая ответственность в российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Казань, 2015. 23 с. С. 10, 13.

роны контролировать в полном объеме действия многочисленных субъектов, реализующих функции государства и т. д.¹

Повышенная ответственность субъектов публичного права наиболее ярко проявляется в уголовной, административной, дисциплинарной сфере (например, наличие специального правового регулирования и санкций за совершение проступков и преступлений коррупционной направленности, расширение оснований привлечения к ответственности (утрата доверия, конфликт интересов), наличие требований соблюдать моральные, этические нормы в служебное и неслужебное время и т. д.). В частности, дисциплинарные взыскания (замечание, выговор, строгий выговор для сотрудников ряда правоохранительных органов) применяется к государственным и муниципальным служащим за непринятие мер по урегулированию конфликта интересов, непредставление сведений о доходах и расходах служащего, осуществление предпринимательской деятельности и иные нарушения установленных законом запретов и ограничений². Возложение повышенной ответственности связано, прежде всего, с тем, что преступления и проступки в сфере государственного управления представляют значительную общественную опасность, подрывает престиж и авторитет власти, веру в социальную справедливость и т. д.

Законодатель должен тщательно взвешивать аргументы в пользу установления полной, ограниченной или повышенной ответственности в отношении субъектов публичного права. В частности, установление полной или повышенной юридической ответственности может привести к обесцениванию правового статуса субъектов публичного права, сделает малопривлекательным их положение, что приведет к трудностям кадрового характера, повсеместное распространение ограниченной ответственности может приводить к злоупотреблению особым (специальным) правовым статусом. И то и другое пагубно сказывается на развитии страны, состоянии правопорядка.

¹ Как юридический институт ограничения ответственности возник в мореплавании, иначе морской бизнес оказался бы слишком рискованным и невыгодным. Судовладелец хотел оградить себя от рисков, связанных с авариями по вине экипажа, причинивших ущерб третьим лицам. В 1734 г. английским парламентом был принят закон об ограничении ответственности судовладельца за погибший по вине экипажа груз.

² Федеральные законы «О государственной гражданской службе», «О муниципальной службе».

Таким образом, система юридической ответственности представляет собой объективное, реальное, сложное социальное образование, построение которой предполагает:

– использование уровневого подхода, с целью показать как система входит в другие системы, определить место того или иного элемента в системе, который, в свою очередь также может рассматриваться как система (социальная ответственность – базовые формы социальной ответственности – юридическая ответственность);

– разработку концепций ответственности, основанных на междисциплинарных, межотраслевых связях, включающих политические, экономические, экологические, правовые и другие аспекты, например, корпоративная социальная ответственность;

– создание концептуальных основ распределения ответственности, что требует: выделение уровней (международный, национальный, локальный); определение моделей (государство – предприниматели путем внедрения корпоративной социальной ответственности; государство – гражданское общество по типам социальный контракт (четкое распределение ответственности) или социальное иждивенчество (за все отвечает государство); учета различий и иерархии субъектов (в деятельности первичных субъектов доминирует свобода действий, нравственная ответственность, вторичных субъектов – подчинение правовым и моральным нормам, юридическая ответственность);

– определение предмета правового регулирования института юридической ответственности субъектов публичного права, который уже, чем в целом института юридической ответственности (не включает социально-вредное, но правомерное поведение, поскольку к субъектам публичного права предъявляются повышенные требования, их поведение всегда должно быть социально-полезным, нравственно-этичным; позитивно отклоняющееся поведение присуще по большей части первичным субъектам, обладающих свободой действий, выступающей необходимым элементом управления, представляющего особый вид творческой дея-

тельности, что влечет развитие общественных отношений, создание качественно новых правил поведения);

– применение дифференцированного подхода в отношении позитивной и негативной ответственности первичных и вторичных субъектов публичного права (для первичных субъектов позитивная ответственность имеет большее значение чем негативная, характерно совершение свободных действий (правомочий) своей волей и в публичных интересах, при оценке поведения значение имеют оценочные категории, сферу использования которых необходимо расширять; для вторичных субъектов позитивная и негативная ответственность имеют равное значение, связанное с нормативным аспектом (деятельность строго регламентирована), целесообразно вводить законодательные нормы, расширяющие и конкретизирующие позитивную ответственность в связи с тем, что основное значение придается негативной ответственности);

– законодательное определение, принятие новых видов, норм ответственности в отношении той или иной категории субъектов публичного права в соответствии с системой права и системой законодательства, выделяемыми нематериальными (обязанность субъекта публичного права претерпевать негативные последствия применения конституционных, уголовных, административных, дисциплинарных санкций) и материальными (имущественная ответственность, возмещение вреда) критериями, видами (солидарная, субсидиарная), объемами (полная, ограниченная, повышенная).

Подводя итог отметим следующие моменты.

В широком смысле ответственность субъектов публичного права – это надлежащее, ненадлежащее исполнение, неисполнение обязанностей по формированию, определению содержания, приоритета, реализации функций государства, то есть оценка их деятельности по удовлетворению потребностей общества (отдельных социальных групп, индивидов) как системы более высокого порядка (уровня организации).

Требование соблюдать принцип ответственности сочетая экономическое развитие с политической и социальной стабильностью, ведет к разработке, приня-

тию концепций, основанных на междисциплинарных, межотраслевых связях, предусматривающих разделение ответственности (созданию концептуальных основ, нормативных механизмов распределения ответственности между государством, предпринимателями, гражданским обществом). В том числе, к повсеместному использованию корпоративной социальной ответственности как регулируемой в рамках международных, корпоративных стандартов, этических требований, трудового, экологического, налогового законодательства социально полезной модели поведения корпораций путем воздействия специально установленных государством ограничений, стимулов и льгот.

Система юридической ответственности субъектов публичного права должна рассматриваться под углом зрения взаимодействия всех форм социальной ответственности, понимания юридической ответственности как разновидности социальной ответственности, института права и свойства субъекта права, с позиций отраслевой и субъектной систематики, различий и иерархии субъектов публичного права.

Изучение системы юридической ответственности как сложного социального образования позволяет на основе уровневого подхода определить ее место и роль в соотношении с социальной ответственностью и ее разновидностями (политической, корпоративной, нравственной и др.); разработать концепции ответственности, основанные на междисциплинарных, межотраслевых связях; создать концептуальные основы распределения ответственности по уровням, моделям, в зависимости от иерархии субъектов (первичные, вторичные); установить предмет правового регулирования, соотношение негативной и позитивной ответственности с учетом различий и иерархии субъектов; выделить виды (нематериальная, материальная, солидарная, субсидиарная), объем (полный, ограниченный, повышенный).

Юридическая ответственность субъектов публичного права является сложной, динамично развивающейся системой. Ее статическая составляющая представлена пространственным, количественным объединением относительно неизменных элементов (нормы, виды), системообразующие связи между которыми отражаются в отраслевой структуре (отраслевые виды ответственности). Динами-

ческая составляющая – это деятельность субъектов публичного права, процесс реализации позитивной и негативной ответственности.

Проблемами для Российской Федерации являются: наличие в законодательстве абстрактных, разрозненные норм ответственности, бессистемное введение новых видов и норм ответственности; негативная ответственность остается основной, имеет приоритетное значение как при разработке законодательных норм, так и при их реализации; отсутствует понимание того, что необходимо создавать нормативные основы распределения ответственности между государством, предпринимателями, гражданским обществом (ограниченное использование корпоративной социальной ответственности; доминирует тип социальное иждивенчество, поэтому нет четко установленных норм ответственности (кто за что отвечает), нормы могут меняться в целях обеспечения социальной защиты, например, проблемы обманутых дольщиков входят в зону ответственности частных лиц, но отвечает государство).

2.2. Нематериальная и материальная юридическая ответственность субъектов публичного права

Эффективность юридической ответственности определяется ее способностью обеспечивать необходимый уровень функционирования механизма правового регулирования, органов публичной власти и т. д., поэтому в этом параграфе рассмотрим более детально ее виды, с учетом проведенного в п. 2.1. исследования.

Вопрос о нематериальной ответственности первичных субъектов традиционно освещается в контексте соотношения политической и юридической ответственности, точнее ее разновидности – конституционно-правовой ответственности. Существующие мнения можно свести к пяти: конституционно-правовая ответственность не является политической, ее основания могут лежать вне сферы политики; конституционно-правовая ответственность имеет политическое содержание в силу специфики своей юридической природы и осуществляемых функций, есть нечто «промежуточное», «синтезированное», лишенное своего, особого

места среди видов юридической ответственности; конституционно-правовая ответственность есть политическая ответственность, но не любая, а та, которая приобретает конституционные формы¹; политическая ответственность – самостоятельный вид конституционной ответственности²; политическая ответственность – позитивная конституционная ответственность³.

Не возражая против введения категории «конституционно-правовая ответственность», уточнения требуют некоторые моменты. Так, вопрос о соотношении политической и юридической ответственности сложный. Есть разные позиции. Например, одни утверждают, что роль и значение политической ответственности в демократическом государстве постоянно снижается, что обуславливается стабильностью существования государственно-правовых институтов, четкими механизмами сдержек и противовесов в системе органов государственной власти, действенностью оснований и процедуры применения негативной конституционно-правовой ответственности. Увеличение числа мер политической ответственности расценивается как негативное явление⁴.

Другие констатируют, что в классической теории демократии политическая ответственность выше правовой, т. е. граждане в демократическом государстве свободны в использовании средств политического воздействия на органы государственной власти и должностных лиц, чьей деятельностью они недовольны, а правовые средства остаются на крайний случай. В России баланс между правовыми и политическими средствами воздействия превратился в асимметричную конструкцию, где правовые средства преобладают и являются более эффективными, прежде всего, с помощью судебной системы, что оценивается позитивно⁵.

Судебная система не панацея от всех бед, это дорогостоящий механизм защиты, находящейся под влиянием политических институтов. Например, поста-

¹ Виноградов В. А. Актуальные проблемы конституционно-правовой ответственности // Законодательство. 2002. № 10 // Гарант. Сайт Конституции РФ.

² Сапаргалиев Г. С., Салимбаева Ж. Ч. Проблемы конституционной ответственности. Алматы, 2001. С. 56.

³ Кондрашев А. А. Теория конституционно-правовой ответственности в Российской Федерации: дис ... д-ра юрид. наук: 12.00.02. М., 2011. 416 с. С. 14.

⁴ Кондрашев А. А. Теория конституционно-правовой ответственности в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02. М., 2011. 56 с. С. 14.

⁵ Смирнова М. В., Торнхилл К. Роль судов и международного права в процессе вторичной конституционализации в России // Журнал российского права. 2016. № 6. С. 40–48.

новления Конституционного суда РФ меняют смысл конституционных норм в пользу Президента РФ, его полномочия постоянно расширяются¹. По данным опроса фонда «Общественное мнение» (2017 г.) 45% россиян уверены: суды должны быть независимы от руководства страны (мнение значительно шире распространено в Москве и среди людей с высшим образованием). Ровно столько же считают: суды должны быть подконтрольны властям².

Сбалансированное сочетание политической и юридической ответственности требуется для реализации одного из основных принципов правового государства – принципа взаимной ответственности государства и личности, который сегодня в теоретических работах рассматривается односторонне – как способ ограничения государственной власти путем установления юридической ответственности. Например, отмечается, что решение проблемы взаимной ответственности государства и личности означает установление в дополнение к институтам юридической ответственности личности эффективных средств защиты от нарушений закона органов государства и местного самоуправления и их должностных лиц в виде санкций за точно определенные правонарушения и процедуры их применения, то есть в русле негативной юридической ответственности. Принцип взаимной ответственности государства и личности понимается как единство требований в установлении оснований (составов правонарушений), пределов, принципов, целей, функций негативной юридической ответственности личности и органов публичной власти и их должностных лиц³.

На взгляд автора, законодательное закрепление норм ответственности представителей власти носит односторонне властный характер (один субъект публичного права устанавливает ответственность в отношении другого субъекта публичного права), как правило, не содержит механизма фактической реализации нега-

¹ Захарцев С. И., Сальников В. П., Хабибудинов А. Г., Мурсалимов К. Р. *Философия права, добра, зла и преступности. Рецензия на книгу А. И. Александрова «Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса)»* // *Юридическая наука: история и современность*. 2016. № 2. С. 185–196.

² Источник данных: «ФОМнибус» – опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 19 января 2017 г. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. Интервью по месту жительства. Стат. погрешность не превышает 3,6%. URL: <http://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/13239>.

³ Поляков С. Б. *Принцип взаимной ответственности государства и личности: теоретико-правовые и прикладные аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01*. Нижний Новгород, 2011. 58 с. С. 12–13.

тивных мер, не отражает принципа взаимной ответственности. Напротив, политическая ответственность базируется на обратной реакции общества – сами граждане, проявляя активность, добиваются применения к нарушителю политических санкций. Механизм ее реализации содержит набор средств коммуникации и методов воздействия (подотчетности (accountability), отзывчивости (responsiveness) власти к запросам граждан) на государство со стороны общества, человека путем установления широкого доступа к различным формам политического участия (голосование, манифестации, участие в политических партиях, общественных организациях, свобода слова, письма, обращения в органы государственной власти, наказания депутатам, контроль за деятельностью государственных и муниципальных органов власти и т. д.).

По мнению автора, принцип взаимной ответственности личности и государства – это не только способ ограничения государственной власти, но и установление солидарной ответственности гражданина, общества и государства за состояние дел в стране¹. В том числе, неразрывная взаимосвязь таких понятий, как свобода и ответственность (свобода – не вседозволенность, за нарушение прав и свобод третьих лиц индивид несет ответственность в соответствии с принятыми социумом нормами) гарантирует построение гражданского общества, приводит к тому, что, реализуя свои политические права, прежде всего избирать и быть избранным, человек берет на себя ответственность за состояние дел в стране.

Выровнять асимметричную российскую конструкцию правовых и политических мер ответственности, обеспечить реализацию принципа взаимной ответственности личности и государства как солидарной ответственности можно путем установления юридической обязанности граждан участвовать в выборах (самой распространенной форме политического участия), что усилит в них чувство граждан-

¹ Как правило, в юридической литературе принцип взаимной ответственности – это устранение различий в ответственности индивида и органов государственной власти, отмечаются различия ответственности государства и личности, конституируется, что эти различия не соответствуют принципу взаимной юридической ответственности личности и государства и подлежат устранению в целях обеспечения правомерности государственной деятельности. По нашему мнению, различия устранить невозможно по объективным и субъективным причинам, в том числе должна сохраняться ограниченная юридическая ответственность для субъектов публичного права.

данской ответственности¹. Так, по данным опроса фонда «Общественное мнение» мнения респондентов разделились на две равные части: 41,6% опрошенных сказали о том, что они чувствуют ответственность за то, что происходит в стране, 41,2% отметили отсутствие чувства ответственности за происходящее. Ещё 17,2% затруднились ответить на вопрос². Несмотря на то, что эти данные говорят не о низком, а об относительно среднем уровне ответственности населения, формирование гражданской ответственности является важнейшим ориентиром и одной из центральных задач построения гражданского общества, развития России.

Таким образом, политическая ответственность более широкое явление, но юридическая и политическая ответственность максимально приближены друг к другу (политическая ответственность – позитивная конституционная ответственность). Проблема заключается не в том, что представляет собой политическая или юридическая ответственность, а в соотношении, объеме политической, юридической ответственности первичных субъектов публичного права, наличии или отсутствии фактических возможностей реализации ответственности. Соотношение юридической и политической ответственности – это отражение реального соотношения между правом и политикой в конкретно взятый исторический промежуток времени. Приоритет может отдаваться политике или праву, например, естественное право отдает приоритет праву, позитивистская традиция рассматривает право как инструмент политики, право вторично по отношению к политике. Более примечательным интегративный подход, который основывается на двухсторонней зависимости права и политики (не существуют друг без друга, между ними имеется функциональная связь)³.

¹ Сегодня обязательное голосование на выборах законодательно закреплено в 23 странах мира. Многие страны первоначально придерживались принципа обязательного голосования, но затем отменили его. За неявку на выборы наказывают в Австрии, Австралии, Бельгии, Болгарии, Бразилии, Греции, Египте, Люксембурге, Турции, Пакистане и других странах. Например, в Бельгии обязательное избирательное право (то есть голосование – обязательное) существует с 1893 года. Первая неявка на выборы без уважительной причины карается штрафом в 50 евро, в случае повторного нарушения сумма штрафа увеличивается до 125. После четвертого «прогула» гражданин лишается избирательных прав на десять лет, а также возможности получить должность на госслужбе. Попова Л. Е. Участие в выборах – право, долг, обязанность каждого гражданина // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 30. С. 201–205.

² Индекс «Гражданская ответственность». Опубликовано в рамках реализации проекта ФОМ-СОЦ Фонда «Общественное мнение». URL: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/11691>.

³ См. по этим вопросам: Никифорова Елена Александровна. Политическое влияние как фактор развития права в современной России: теоретико-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.01. Н. Новгород, 2006. 205 с.

В отношении конституционно-правовой ответственности надо сказать, что неоднократно поднимался и продолжает подниматься вопрос – надо ли и насколько детально надо регламентировать ответственность субъектов публичного права в основных законах, обладающих высшей юридической силой?

Каждая страна решает этот вопрос по-разному. Но можно выделить определенные группы стран, в которых преобладает та или иная позиция.

Есть страны, в которых ответственность государства, органов публичной власти, должностных лиц закрепляется в конституциях в качестве принципа. В частности, ст. 34 Основного закона Федеративной Республики Германии гласит: «Если какое-либо лицо при исполнении вверенной ему публичной должности нарушит свои служебные обязанности по отношению к третьему лицу, то в принципе ответственность несет государство или корпорация, на службе у которой он состоит. При наличии умысла или грубой неосторожности сохраняется право регрессного иска. Для требований о возмещении ущерба и для регрессного иска не может быть исключен общий судебный порядок». Если права какого-либо лица нарушены публичной властью, ему предоставляется возможность обратиться в суд (ч. 4 ст. 19). Конституция Испании закрепляет «принцип ответственности публичных властей за произвол» (ч. 3 ст. 9), гарантии его реализации: «суды осуществляют контроль за реализацией регламентарной власти, за законностью действий администрации, а также за подчинением ее деятельности оправдывающим ее целям (ч. 1 ст. 106)»; «частные лица во всех случаях имеют право в рамках закона на возмещение ущерба, причиненного их имуществу или правам, когда этот ущерб является следствием деятельности публичных служб, за исключением форс-мажорных обстоятельств» (ч. 2 ст. 106).

В конституциях второй группы стран ответственность публичных властей не называется в качестве принципа, но закрепляются основные обязанности и принципы их функционирования, включаются положения о правовом государстве, тем самым опосредованно закрепляется принцип ответственного поведения публичной власти перед гражданами. Например, в Конституции Швейцарской Конфедерации говорится, что «государственные действия должны совершаться в

публичных интересах и быть соразмерными», «государственные органы и частные лица действуют добросовестно» (ч. 2, ч. 3 ст. 5). Конституция Княжества Андорра закрепляет, что публичные власти должны создавать реальные и эффективные условия для равенства и свободы индивидов; публичная администрация является общественно полезной службой, действует в соответствии с принципами иерархии, эффективности, транспарентности, в полном подчинении Конституции, законам и общим принципам юридического порядка (ст. 62). Косвенное упоминание относительно ответственности публичных властей можно найти путем истолкования статьи 41 Конституции Венесуэлы: «Государственная власть осуществляется в соответствии с настоящей Конституцией и законами, определяющими ее полномочия и права. Любой акт, выходящий за рамки указанного определения, означает узурпацию полномочий».

В Конституциях третьей группы стран вопрос ответственности публичной власти урегулирован настолько детально, что закрепляются основы прохождения государственной службы, специальные нормы, определяющие ответственность, препятствующие коррупционному поведению публичных должностных лиц, нарушению ими правил о конфликте интересов, правил этических кодексов. Так, Конституция Народной Республики Бангладеш от 4 ноября 1972 года включает часть IX «Государственная служба в Бангладеш». Аналогичные разделы (главы) содержат конституции Малайзии, Сингапура, Брунея и т. д.

На азиатском континенте наиболее значительный объем специальных норм, регламентирующих поведение, ответственность представителей публичной власти и имеющих детальный характер, содержит Конституция Королевства Таиланд от 24 августа 2007 года. Глава XII «Контроль над осуществлением государственной власти» включает четыре части: «Часть 1. Контроль над активами» (ст.ст. 259–264), «Часть 2. Конфликт интересов» (ст.ст. 265–269), «Часть 3. Отстранение от должности» (ст.ст. 270–274) и «Часть 4. «Уголовное преследование в отношении лиц, занимающих политические посты» (ст.ст. 275–278). Глава XIII «Этика лиц, занимающих политические посты, и государственных служащих» (ст. 279).

Так, часть 4 главы XII «Уголовное преследование в отношении лиц, занимающих политические посты» включает основания, условия, специальные процедуры, санкции. Например, дела по обвинению премьер-министра, министра, парламентария или иного политического чиновника в необычном обогащении или совершении иного преступления, предусмотренного Уголовным кодексом, или в совершении бесчестных действий в рамках исполнения своих обязанностей или коррупции, предусмотренных иными законами, рассматривает Уголовная палата Верховного суда страны по обвинению, выдвинутому Национальной комиссией по противодействию коррупции (§ 1 и 3 ст. 275). Данная норма действует и в тех случаях, когда указанные лица являются организаторами, подстрекателями или пособниками, а также предоставляют, просят предоставить или обещают предоставить собственность или другие льготы в целях побуждения к совершению действия, бездействия или отсрочки действия, приводящих к совершению бесчестного действия при осуществлении полномочий (§ 2 ст. 275). Согласно § 2 статьи 263, такое лицо освобождается от должности «в день, когда такое решение было принято», и «в этом случае такому лицу запрещается занимать любой политический пост или любой пост в политической партии в течение пяти лет с даты принятия решения Уголовной палатой Верховного суда по делам лиц, занимающим политические посты».

Что касается европейских стран, то наиболее подробно деятельность государственной администрации регламентируется Конституцией Португалии 1976 года. В раздел IX «Публичная администрация» включена ст. 271. «Ответственность государственных служащих и представителей», в соответствии с которой государственные служащие, представители государства и других публичных учреждений при исполнении своих функций несут гражданскую, уголовную и дисциплинарную ответственность за свои действия или бездействие, которые привели к нарушению прав или интересов граждан, охраняемых законом, причем начало производства по делу или процессуальные действия на любой стадии не зависят от разрешения вышестоящих органов или должностных лиц (п. 1); не допускается привлечение к ответственности государственного служащего или пред-

ставителя, который действует согласно приказам или инструкциям, исходящим от законных вышестоящих инстанций, по вопросам службы, если до их исполнения он будет протестовать или требовать их передачи или подтверждения в письменном виде (п. 2); долг подчинения может быть нарушен в любом случае, когда исполнение приказов или инструкций ведет к совершению преступления (п. 3); закон устанавливает пределы, в которых государство и другие публичные учреждения имеют право регрессного иска к должностным лицам их органов, государственным служащим и представителям (п. 4)¹.

Российская Федерация относится ко второй группе стран. Так, исходя из конституционного принципа правового государства (ч. 1 ст. 1, ст. 2, 17, 18, 45), статья 53 закрепляет, что каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. То есть, вред подлежит возмещению независимо от того, каким органом или должностным лицом он был причинен, каждый пострадавший от незаконных действий (бездействий) наделяется правом требовать справедливого возмещения вреда от государства, причинение вреда влечет возникновение у государства обязанности этот вред возместить.

Одни авторы считают, что закрепленных в Конституции Российской Федерации положений об ответственности государства и его представителей явно недостаточно, предлагают на конституционном уровне внести изменения, детально регламентировать их деятельность и ответственность². Другие предлагают ввести в Конституцию РФ статьи, предусматривающие ответственность за невыполнение или ненадлежащее выполнение обязанностей определенных должностных лиц (Президента РФ, Председателя Правительства РФ)³. Третьи отмечают, что проблемы не в отсутствии норм, а в их реализации, а также в нежелании государства устанавливать для себя дополнительные меры ответственности. Так, констатиру-

¹ См.: Конституции государств Европы: в 3 т. / под общ. ред. и со вступ. ст. Л. А. Окунькова. М., 2001. Т. 3. С. 67. С. 238–239; Конституции зарубежных государств / под ред. В. В. Маклакова. М., 2007. С. 246; Конституции государств Азии: в 3 т. / под ред. Т. Я. Хабриевой. М., 2010.

² Шаханян В. А. Государственная администрация в странах Южной Европы: конституционно-правовые основы деятельности // Право: история, теория, практика: материалы IV междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, июль 2016 г.). СПб.: Свое издательство, 2016. С. 25–29.

³ Быкова Е. А. Особенности ответственности Президента Российской Федерации // Общество и право. 2011. № 4 (36). С. 94–96.

ется, что многие законоположения об ответственности государства и его органов носят декларативный характер, государство за свои просчеты не устанавливает юридическую ответственность, принцип неотвратимости юридической ответственности не распространяется на государство, существующая система иммунитетов некоторых категорий государственных служащих делает их ответственность декларативной и исключает их реальное привлечение к юридической ответственности¹.

На основании изложенного, сделаем некоторые выводы в отношении конституционного уровня закрепления ответственности субъектов публичного права:

– государства самостоятельно определяют наличие или отсутствие потребности в формировании на конституционном уровне института юридической ответственности, определяют его содержание;

– закрепление ответственности может осуществляться разными путями (прямо или косвенно), с разной степенью детализации;

– регулирование ответственности является прерогативой законодателя, который может вводить определенные основания ответственности или специально регулировать ответственность отдельных должностных лиц, устанавливать границы ответственности.

По мнению автора, на конституционном уровне наиболее приемлема регламентация, устанавливающая общие начала, идеи (принципы), так как конституционные нормы имеют абстрактный, общий характер, закрепляют и оформляют основные общественно-политические институты, каждый вид отраслевой ответственности имеет свою специфику, отразить которую в конституциях не представляется возможным.

Автор полагает, что вопрос о нематериальной ответственности субъектов публичного права необходимо решать с учетом особенностей Российской Федерации, международного опыта, функций государства и т. д.

¹ Романова В. В. Юридическая ответственность государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Казань, 2007. 26 с. С. 3–4; Вырлеева-Балаева О. С. Ответственность государства перед личностью как средство ограничения государственной власти // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. Оренбург, 2011. Вып. 13. С. 11–14.

Первичные субъекты публичного права (президент, парламент, правительство) структурируются и взаимодействуют в форме правления, что находит отражение в государственном суверенитете. Эта конструкция, несмотря на критическое отношение к ней конституционалистов¹, более пригодна для научных изысканий чем изучение конституционных положений. Поскольку всегда присутствуют формальные (юридические) и неформальные (фактические) отношения высших органов государственной власти, то и форму правления можно представить в виде их совокупности, где основную роль играют те институты, которые имеют особое значение. Именно форма правления демонстрирует различия между несовпадением юридических (конституционных) принципов организации высших органов государственной власти с их фактическим воплощением.

Ответственность, безответственность главы государства выступает критерием деления форм правления на монархии и республики. В свое время Н. М. Коркунов отмечал, что именно в этом различии ответственности и безответственности заключается различие президента республики и монарха, а не в объеме и характере их функций, как это иногда утверждается в литературе. В самом деле, президент США пользуется большей властью, нежели английская королева. Однако президент ответственен перед конгрессом и потому – не монарх. Английская же королева, напротив, безответственна и потому, несмотря на всю ограниченность своей власти, остается все же монархиней². Сегодня констатируется, что если глава государства не может быть привлечён к юридической ответственности, мы имеем дело с монархией, а если глава государства несёт юридическую ответственность, то такая форма правления является республикой³.

Доказывается, что в государственном строительстве Российской Федерации присутствует юридическая безответственность главы государства, например, нереальность осуществления процедуры отстранения Президента РФ от должности

¹ Утверждается, что изучение формы государства (форма правления, формы государственного устройства и политического режима) не имеет познавательного смысла, здесь отсутствует новый уровень знаний.

² Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. М.: Юрайт, 2016. С. 288–292.

³ Сухонос В. В. Юридическая ответственность главы государства как главный фактор разделения форм правления // Труды Международной научной конференции «Проблемы формы Российского государства: прошлое, настоящее, будущее» (8 февраля 2012 г.) / под ред. И. А. Иванникова; ФГБОУ ВПО РГУПС. Ростов н/Д., 2012. С. 86.

в случае совершения им государственной измены или иного тяжкого преступления из-за ее чрезвычайной сложности (ст.ст. 90, 93 Конституции РФ 1993 г.) и др. То есть используются монархические принципы построения верховной власти, что свидетельствует об устойчивой правовой рецепции, так как российское государство большую часть своей истории имела форму монархии¹.

Автор согласен с тем, что президент Российской Федерации занимает особое положение. Отличительной особенностью российской концепции президентства является то, что она включает в себе аналог «просвещенного абсолюта», основана на единстве понимания власти. Ее суть – сильная личная власть, самодержавие, авторитарные начала, основной тенденцией в управлении государством выступает централизация. Высокий уровень поддержки со стороны населения свидетельствует о закономерности и органичности для России сильной единой центральной власти в ее персонифицированном восприятии².

Должность президента РФ выступает основным элементом формы правления. Президент РФ представляет верховную власть в ее единстве, монолитности, нерасчлененности, несмотря на закреплённый принцип разделения властей, в восприятии общества считается главой государства, отражает государственный суверенитет, замыкает на себя весь аппарат государственного управления³. С учетом реалий под формой правления надо понимать исторически сложившуюся модель организации верховной государственной власти (а не высших органов государственной власти), что в российских условиях отражается в правовом положении главы государства, функционирующую в рамках и на основе особого вида правосознания и правового мышления населения страны⁴.

Верховная власть – высшая власть в государстве, источник полномочий всех его органов, основной признак государственного суверенитета. Она всегда едина, не может допустить конкуренции другой такой же власти в отношении тех

¹ Серегин А. В. Форма государственного правления (вопросы теории): автореф. дис ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Ростов-на-Дону, 2014. 56 с. С. 6.

² Зуйков Антон Владимирович. Эволюция института президентства Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2009. 343 с. С. 11–12.

³ Там же. С. 3.

⁴ Некоторые из элементов приводит в своем определении формы правления Серегин А. В. (правосознание, правовая культура). Указ. соч. С. 15.

же лиц, на одной и той же территории. Принцип разделения властей распространяется на государственные органы, подчинённые верховной власти, которая делегирует им соответствующие полномочия (законодательные, исполнительные, судебные). Она юридически ничем не ограничена. Это власть в юридической области полная и безусловная. Всякие ее ограничения могут быть только нравственные, а не юридические. Будучи юридически безграничной, верховная власть находит предел как в собственном нравственном сознании, так и в совести граждан¹.

Президент Российской Федерации, олицетворяя верховную власть, является фактически единственным ответственным лицом в нравственном и политическом смысле, что соответствует представлениям и ожиданиям россиян. Так, уровень поддержки президента В. В. Путина стабильно высок. Население не видит ему конструктивной альтернативы. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения более 61% россиян доверяют Путину, его работу одобряют почти 86%².

Предложения о введении норм, позволяющих реально привлекать к юридической ответственности Президента РФ, не вполне обоснованы, так как сомнительно, что юридическое решение вопроса (прописать основные процедуры ответственности, подробно регламентировать механизм отставки, процедуры импичмента Президента РФ т. д.) приведет к положительным результатам. В этом плане интересны рассуждения И. А. Ильина: «Какое политическое доктринерство нужно было для того, чтобы в 1917 году сочинять в России некую сверхдемократическую, сверхреспубликанскую, сверхфедеративную конституцию и повергать Россию с ее наиндивидуальнейшей историей, душой и природой в хаос бессмысленного и бестолкового распада, который только и мог закончиться тиранией бессовестных интернационалистов! Сколь прав был один из составителей избирательного закона в учредительное собрание, говоривший через три года (1920) с горем и ужасом:

¹ Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. С. 60; Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. С. 42.

² Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: wciom.ru.

«О чем мы тогда думали?! Что мы делали? Ведь это был просто психоз! Мы стремились превзойти в демократичности все известные конституции – и погубили все!»¹.

Таким образом, Президент РФ как представитель верховной власти, глава государства фактически несет полную политическую и нравственную ответственность, но отсутствуют реальные процедуры привлечения его к юридической ответственности, что отражает исторически сложившуюся российскую модель организации верховной государственной власти (форму правления), поддерживаемую населением страны.

В отношении нематериальной ответственности других первичных субъектов (федеральные парламент, правительство) отметим, что они несут полную ответственность перед Президентом РФ, ограниченную политическую перед населением страны, ограниченную юридическую ответственность в виде наличия правовых иммунитетов, особого порядка привлечения их к ответственности. Их недостающий объем ответственности восполняется ответственностью Президента РФ и государства.

При изучении ответственности этих субъектов авторы большинства юридических работ не только не проводят четкого разграничения политической и юридической ответственности, но и все конкретные меры, которые традиционно относятся к политической ответственности (отказ в доверии, вотум недоверия, роспуск парламента, отставка правительства) считают юридической, конституционно-правовой ответственностью².

Автор, на основе проведенного анализа полагает, что основанием применения мер конституционно-правовой ответственности является конституционный деликт, внешним его проявлением выступает нарушение конкретных норм конституционного законодательства, обеспеченных возможностью применения к нарушителю мер государственного принуждения при наличии специального института, способного фактически осуществлять принуждение. Отсутствие каких-

¹ Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 гг.: в 2 т. М., 1992. Т. 1. С. 47–48.

² Хугаева Р. Г. Конституционная ответственность высших органов государственной власти Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. Владикавказ, 2011. 21 с.

либо из перечисленных признаков свидетельствует о политической ответственности. Общим основанием политической, юридической ответственности выступает ненадлежащее или неэффективное осуществление, или неосуществление функций государства, специальными основаниями отраслевой юридической ответственности выступают конституционный деликт, проступок, преступление, вред.

В правовом регулировании привлечения к юридической ответственности первичных субъектов доминируют ограничения. Это продиктовано субъективными (например, правящая политическая партия всегда будет стремиться всеми доступными для нее средствами оградить себя от ответственности) и объективными причинами. К числу последних следует отнести прежде всего то, что деятельность этих субъектов отражает государственный суверенитет, обеспечивает стабильность и гарантирует развитие страны, представляет особую важность для государства и общества, они наделяются особым правовым статусом, иммунитетами, творческий характер управления предусматривает осуществление деятельности в условиях «социальных рисков», действует презумпция – государственные лица честно и добросовестно принимают решения в интересах общества и государства пока не доказано обратное.

При наличии соответствующей политической воли высшие органы государственной власти и их должностные лица могут привлекаться к любым отраслевым видам юридической ответственности так же как большинство граждан, юридических лиц. Проблема заключается не в отсутствии легитимной возможности (ее можно установить), а в том, что введение норм ответственности должно приводить к положительным результатам, соответствовать реальным условиям, учитывать неоднозначность процессов принятия решений в условиях неопределенности и т. д.

В сфере нематериальной ответственности первичных субъектов публичного права следует сохранять ограниченную ответственность в области уголовного, административного преследования, что выражается в предоставлении правовых иммунитетов, особом порядке привлечения их к ответственности, расширять сферу применения мер политической ответственности путем установления широкого

доступа граждан к различным формам политического участия, реализовывать принцип взаимной ответственности личности и государства как солидарной ответственности.

Сферу дисциплинарной ответственности следует расширять и более детально регламентировать. В частности, Государственная Дума РФ ввела в регламент нормы дисциплинарной ответственности (штрафы) за прогулы депутатами пленарных заседаний¹, что следует приветствовать, а также сохранить тенденцию увеличения перечня нарушений норм регламента, норм депутатской этики, выступающими основаниями для применения к депутатам мер дисциплинарного воздействия (например, за неучастие в голосовании, отсутствии на заседаниях комитетов, игнорировании работы с избирателями).

Необходимость совершенствования дисциплинарной ответственности особо остро проявляется в отношении федеральных министров из-за отсутствия в ФЗ «О правительстве РФ» оснований для их привлечения к дисциплинарной ответственности, перечня видов налагаемых дисциплинарных взысканий. Но есть сформировавшаяся правоприменительная практика по вынесению Президентом РФ дисциплинарных взысканий федеральным министрам, подотчетным Правительству РФ², что превышает его полномочия, так как особенность дисциплинарной ответственности состоит в том, что она применяется только в порядке подчиненности. Так, в 2012 году, Президент РФ за невыполнение «майских» указов президента, объявил выговор трем федеральным министрам, которые подотчетны правительству и дисциплинарное взыскание которым выносит Председатель Правительства РФ³. Вдохновленные такой практикой депутаты Государственной Думы РФ в начале 2016 г. пытались направить обращение к Президенту России с просьбой отправить в отставку министра образования, Законодательное собрание

¹ Госдума одобрила штрафы для депутатов-прогульщиков // Российская газета. 16.11.2016. URL: <https://rg.ru/2016/11/16/gosduma-odobrila-shtrafy-dlia-deputatov-progulshchikov.html>.

² Указ Президента от 21.05.2012 № 636 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» закрепляет, что федеральные министерства, осуществляющие свою деятельность в сфере здравоохранения, образования, культуры, промышленности, сельского хозяйства подотчетны правительству, дисциплинарное взыскание для этих министров выносит Председатель Правительства РФ. Президенту подотчетны министерства, осуществляющие деятельность в сфере юстиции, обороны и безопасности, иностранных дел, дисциплинарное взыскание для этих министров выносит Президент РФ.

³ Указом Президента от 19.09.2012 № 1304.

Санкт-Петербурга пыталось инициировать отставку министра культуры¹. Поэтому необходимо внести ясность в нормативные акты – определить основания, виды дисциплинарных взысканий, кто выносит дисциплинарные взыскания, распространяется ли особенность применения дисциплинарной ответственности (только в порядке подчиненности) на эти виды правоотношений.

Вопрос материальной ответственности первичных субъектов разделен на две составляющие. Первая связана с их участием в гражданских правоотношениях, в которых реализуется их гражданская правосубъектность. Они как полноценные субъекты гражданского права несут полную имущественную ответственность в случаях неисполнения или ненадлежащего исполнения принятых на себя обязательств. Вторая связана с их ответственностью как субъектов, наделенных властными полномочиями, причинивших вред в результате своей властно-распорядительной деятельности. Вред подлежит возмещению за счет казны Российской Федерации, прежде всего за счет бюджетных (денежных) средств, а при их отсутствии – за счет иного составляющего казну имущества, кроме имущества, изъятого из оборота. При наличии вины первичного субъекта публичного права государство вправе воспользоваться правом регресса (обратного требования).

Вторичные субъекты публичного права многочисленны и неоднородны, но их полномочия всегда производны от первичных субъектов, их деятельность направлена на реализацию функций государства и в соответствии с основными направлениями структурируется по видам и формам².

Положение одних из них отражает форму государственного устройства, то есть характер взаимоотношений между центральными (первичными субъектами) и региональными, местными властями (вторичными субъектами). К этой группе относятся субъекты РФ (глава, представительные, исполнительные органы) муниципальные образования (глава, представительные, исполнительные органы). В юридической литературе преобладает мнение, что форма государственного устройства охватывает исключительно государственную власть и не имеет отно-

¹ Грязнов С. Д. К вопросу о дисциплинарной ответственности федеральных министров // SCIENCE TIME. 2016. № 11 (35). С. 136–140.

² Функции выступают критериями структурирования механизма государства (А. Б. Венгеров, Л. И. Каск, В. И. Червонюк).

шения к местному самоуправлению¹. Автор согласен с мнением о том, что подход к содержанию ст. 12 Конституции Российской Федерации как закрепляющей полную автономию местного самоуправления является некорректным, так как местное самоуправление встроено в структуры государства и находится в зависимости от них. Сущность ст. 12 Конституции Российской Федерации состоит в том, что для муниципальных органов установлены свои определенные сферы деятельности, полномочия и функции в механизме функционирования государства. Пределы самостоятельности муниципальных властных институтов ограничены, являются относительными и находят свое выражение в разграничении предметов ведения и полномочий властей государственного и муниципального уровней, то есть в обособленности круга вопросов, предоставленных местному самоуправлению². Таким образом, следует использовать термин «форма государственного устройства» в широком смысле – это характеристика в целом государственного строя страны (территориальная организация публичной власти – государственной и муниципальной уровень, степень централизации власти – выборность или назначаемость, порядок разграничения компетенции – законом или договором, императивными или диспозитивными методами и т. д.).

Нематериальная ответственность этой категории во многом совпадает с ответственностью первичных субъектов (политическая и конституционно-правовая, полная перед первичными субъектами, ограниченная в политическом и юридическом смысле т. д.). Материальная ответственность также состоит из двух составляющих. Но принципиально важно, что субъекты РФ и муниципальные образования несут ее самостоятельно. Так, Российская Федерация не отвечает по обязательствам субъектов РФ и муниципальных образований, а субъекты РФ и муниципальные образования не отвечают по обязательствам друг друга, а также по обязательствам Российской Федерации (п. 3–5 ст. 126 ГК РФ). Вред, причиненный гражданам или юридическим лицам в результате властно-распорядительной деятельности, возмещается за счет казны субъекта Российской Федерации или

¹ Касаткина Н. А. Формы государственного устройства современности: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Белгород, 2015. 23 с. С. 8.

² Куличков А. С. Правовой статус муниципально-властных институтов в Российской Федерации: автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2013. 24 с. С. 10–11.

казны муниципального образования. На эти случаи не распространяется принцип иммунитета бюджетов, поэтому отсутствие в бюджете необходимых ассигнований на возмещение вреда не может служить основанием к отказу в иске (ст. 239 БК РФ).

Следующую группу вторичных субъектов составляют лица, которые входят в состав аппарата государства, решая стратегические, тактические, операционные задачи в строго обозначенных сферах деятельности (экономической, военной, финансовой, судебной, правоохранительной и т. д.), в соответствии с предоставленной компетенцией или входят в состав механизма государства (медицинские, образовательные учреждения, унитарные предприятия, государственные корпорации и т. д.).

В большинстве случаев нематериальная ответственность (уголовная, административная, дисциплинарная) этой категории субъектов публичного права носит исключительно юридический характер и реализуется в полном объеме или является повышенный. Но есть исключения, которые касаются отдельных лиц, занимающих государственные должности Российской Федерации¹, которые наделяются правом на иммунитет, что предусматривает особый порядок привлечения к ответственности. Например, должность федерального судьи относится к государственной, существуют особые процедуры привлечения его к уголовной, административной, дисциплинарной ответственности. Вопрос упрощения или ужесточения действующего порядка привлечения судей к ответственности остается дискуссионным². На наш взгляд, надо упрощать процедуры привлечения судей к уголовной, административной, дисциплинарной ответственности. Это приведет не к снижению степени защищенности судей от возможного давления, не к нарушению принципов неприкосновенности и независимости судей, а к повышению качества правосудия. В целом, целесообразно в контексте ответственности рассмат-

¹ Указ Президента РФ от 11.01.1995 N 32 (ред. от 26.01.2017) «О государственных должностях Российской Федерации».

² Кадровая комиссия при Президенте РФ не согласилась с СКК. В экономическую коллегию ВС попадут не все рекомендованные судьи // Правовая социальная сеть для юристов. URL: https://zakon.ru/discussion/2014/6/20/kadrovaya_komissiya_pri_prezidente_ne_soglasilas_s_skk_v_ekonomicheskuyu_kollegiyu_vs_popadut_ne_vs (дата обращения: 14.04.2016).

ривать вопрос предоставления иммунитетов, на чем мы остановимся в дальнейшем.

В отношении материальной ответственности этой категории отметим, то они, как все остальные, несут имущественную ответственность, выступая субъектами гражданского права. В сфере применения института возмещения вреда целесообразно выделить две группы – субъектов непосредственно и опосредованно участвующих в реализации функций государства, что влечет установление разного объема ответственности государства.

Первая группа – это субъекты публичного права, осуществляющие властные полномочия (например, органы государственной власти, их должностные лица). Индивиды привлекаются к отраслевым видам ответственности при наличии вины. Вред, причиненный индивидами и их коллективными образованиями, возмещается государством, в том числе при отсутствии вины конкретного лица. То есть за действия (бездействия) субъектов публичного права, повлекшие причинения вреда, государство несет полную материальную ответственность, так как они приобретают и реализуют предоставленные права и обязанности для государства, финансируются за счет средств государственного бюджета, собственником имущества выступает государство.

Вторая группа включает субъектов публичного права, не связанных с осуществлением властных полномочий (например, государственные, муниципальные медицинские, образовательные учреждения, унитарные предприятия). Индивиды привлекаются к отраслевым видам ответственности при наличии вины (за исключением конституционной). Вред, причиненный индивидами и их коллективными образованиями, возмещается государством в субсидиарном порядке, например, при недостаточности имущества, в том числе при отсутствии вины конкретного лица. То есть за действия (бездействия) субъектов публичного права, повлекшие причинения вреда, государство несет субсидиарную материальную ответственность, так как они приобретают права и принимают обязанности для себя, а не для государства, но государство остается собственником имущества, осуществляет их финансирование.

В особую группу выделяются субъекты, участвующие в реализации функций государства (например, адвокаты, нотариусы, оценщики и т. д.), что достигается путем передачи им отдельных полномочий, в соответствии с которыми они приобретают права и принимают обязанности для себя и под свою ответственность, их имущество и источник финансирования не связаны с государством, но оно может эпизодически выделять бюджетные средства для реализации, например, социальных программ.

Несмотря на важное значение нематериальной ответственности, в современном мире решающая роль принадлежит материальной ответственности. Она является основным видом ответственности государства в международном праве, в том числе появление термина «ответственность» в начале XX в. связано с обязанностью государства возместить причиненный вред¹.

В 2001 г. Комиссия международного права приняла Проект статей об ответственности государств за международно-противоправное деяние, а также подробный комментарий к ним. Его положения основаны на широкой правоприменительной практике международных судебных учреждений и фактически применяются ими после принятия Комиссией международного права проектов статей². В соответствии со ст. 31 «Возмещение» ответственное государство обязано предоставить полное возмещение вреда, причиненного международно-противоправным деянием. Вред включает любой ущерб, материальный или моральный, нанесенный международно-противоправным деянием государства. В документе «Ответственность государств за международно-противоправные деяния» к материальным формам ответственности относят реституцию, компенсацию, проценты на основную сумму, подлежащую выплате за период просрочки платежа³.

Международно-правовая материальная ответственность государства во многом схожа с институтом возмещения вреда, по вопросам регулирования которого продолжают дискуссии. В одних странах эта сфера регламентируется нор-

¹ Мелешников А. В. Международно-правовая ответственность: понятие, процессуальные вопросы реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. Л., 1985. С. 10.

² Ключня А. Ю. Ответственность за нарушение обязательств, вытекающих из императивных норм международного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. М., 2016. 28 с. С. 17–18.

³ Резолюция 56/83. Ответственность государств за международно-противоправные деяния.

мами гражданского законодательства, преобладает гражданско-правовая ответственность, в других – приняты специальные законы. Но и в том и в другом случае ответственность государства за причиненный вред провозглашена одним из столпов, на которых основывается правовое государство.

Доктрина ответственности ушла от презумпции законности государственных актов и действий государственных чиновников и пришла к признанию того, что любой вред кем бы он не был причинен должен быть возмещен как установлено в сфере частных правовых отношений, базирующихся на принципе равенства сторон. Этому способствовало коренное изменение правового положения гражданина, который в современном государстве не может рассматриваться в качестве объекта управления, как это было свойственно прежним представлениям о государстве как о суверене.

Правовое регулирование института возмещения вреда различно. Так, в ФРГ статья 34 Основного Закона закрепляет принятие государством на себя ответственности за действия должностных лиц. Основания установления ответственности определяются § 839 Германского гражданского уложения (ГГУ). Ответственность государства за действия его представителей возникает: если лицо, находясь при исполнении вверенной ему публичной должности, нарушило свои служебные обязанности; при установлении факта умышленных или небрежных действий; при наличии материального ущерба и причинной связи между действием (бездействием) и причиненным ущербом.

Во Франции также применяются положения Гражданского кодекса. В частности, предусматривается ответственность субъектов не только за собственные действия, но и за действия лиц, находящихся под их надзором (п. 1 ст. 1384 ГК Франции), на основании чего французская судебная практика установила ответственность учреждений «публичной службы» (государственного аппарата) за акты чиновников, причинивших ущерб третьим лицам. Аналогично образом регла-

ментируется этот вопрос во многих странах континентального права¹, в том числе в Российской Федерации.

Однако есть и другие примеры. Здесь интересен опыт Испании. Первоначально, как и в других странах, имущественная ответственность публичных органов власти подчинялась общегражданскому режиму и регламентировалась нормами о внедоговорной ответственности (ст.ст. 1902, 1903 Гражданского Кодекса). Однако Верховный Суд Испании путем толкования сузил понятие ответственности публичных органов власти, чрезмерно ограничил его понимание и применение (если ущерб причинен должностным лицом, ответственность должно нести непосредственно данное должностное лицо, при условии, что речь идет об ответственности частного характера и непосредственно Администрация не может быть призвана к ответственности)².

Сегодня специальное законодательство (Закон о принудительном взыскании (1957 г.) и Закон «О правовом режиме государственной администрации и основах административного судопроизводства» (1992 г.)) регламентирует право частных лиц на компенсацию со стороны государственной власти в отношении любого вреда, нанесенного их имуществу или правам, за исключением чрезвычайных обстоятельств. У Администрации сохраняется право регресса против своих глав и служащих.

По оценке испанских судей, специальное законодательство создает единую, прямую и объективную систему ответственности для всех органов и лиц, которые обладают властными полномочиями, вытекающими из суверенитета государства, обеспечивает целостность процедуры, судебной власти и правового режима. Целью его принятия являлась унификация материального (гражданского и административного), и процессуального (гражданского и административного) права, в результате ответственность становится всеобщей, охватывая и распространяясь на любое административное действие (бездействие).

¹ Основные институты гражданского права зарубежных стран / отв. ред. В. В. Залесский. М., 2009. С. 913 [и след.].

² Здесь и далее используется работа Доминго Белло Жанейро. Имущественная ответственность публичных органов власти в Испании / пер. с исп. И. П. Серебряков, А. А. Марцинковская, В. В. Давыдкин // Закон. 2007. № 6. С. 215–225.

В российской юридической литературе предпринимаются попытки рассматривать возмещение вреда как институт конституционного права¹, что неправильно, так как вопрос заключается не в отраслевой принадлежности института, а в создании эффективного механизма возмещения. Учитывая, что институт возмещение вреда носит комплексный, межотраслевой характер, затрагивая предметы регулирования финансового (налогового, бюджетного), гражданского, уголовного права, административного, уголовного процессуального права, исполнительного производства², трудности привлечения к ответственности должностных лиц, органов государственной и муниципальной власти, например, проблема «надлежащего ответчика», явным преобладанием публичных интересов и большей защитой интересов государства в частном праве, предпочтительнее регламентировать эти отношения с помощью специального закона. В том числе в законе следует предусмотреть, что государство отвечает за вред, причиненный при осуществлении любых функций государства, то есть расширить установленные в ГК РФ пределы деликтной ответственности государства (сегодня возмещается только вред, причиненный в результате осуществления распорядительно-административной деятельности)³.

Подводя итог, отметим некоторые положения.

Государственная политика в исследуемой сфере направлена на установление ограничений и мер повышенной ответственности, базируется на исключениях из общих правил, основывается на особом положении лиц, привлекаемых к ответственности. На основании критериев, характеризующих государство как политическое, территориальное, организационное образование (форма правления, форма государственного устройства, аппарат государства, механизм государства) выделены группы субъектов публичного права с разным соотношением (политиче-

¹ Андреева И. А. Возмещение вреда государством как конституционно-правовой институт: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2010. 27 с.

² Например, межотраслевой характер проявляется при решении вопроса кто должен выступать от имени казны Российской Федерации по искам из причинения вреда незаконными действиями (бездействием) государственных органов и их должностных лиц.

³ Например, во Франции, Германии, других странах государство отвечает за противоправные действия работников созданных ими учреждений (образования, медицина, социальная защита и т. д.).

ской, юридической), распределением (субсидиарная, солидарная) и объемом (полная, ограниченная, повышенная) ответственности.

Необходимо расширять применение мер политической ответственности путем установления широкого доступа граждан к различным формам политического участия, реализации принципа взаимной ответственности личности и государства как солидарной ответственности за состояние дел в стране.

В сфере нематериальной ответственности субъектов публичного права, отражающих форму правления, форму государственного устройства следует сохранять использование правовых иммунитетов, особый порядок привлечения к ответственности в области уголовного, административного преследования, что продиктовано субъективными (например, правящая политическая партия всегда будет стремиться оградить себя от ответственности) и объективными причинами (деятельность осуществляется в условиях «социальных рисков», действует презумпция – государственные лица честно и добросовестно принимают решения в наилучших интересах общества и государства пока не доказано обратное), расширять и детализировать дисциплинарную ответственность (например, увеличивать перечень нарушений норм регламента, норм депутатской этики).

Субъекты публичного права, отражающие форму правления и форму государственного устройства, несут полную или ограниченную политическую ответственность, функционирует особый порядок привлечения их к нематериальной юридической ответственности (конституционно-правовой, уголовной, административной, дисциплинарной), они несут полную имущественную ответственность как субъекты гражданского права, вред, причиненный их действиями (бездействиями) в результате властно-распорядительной деятельности возмещается за счет средств соответствующего бюджета.

Субъекты публичного права, входящие в состав аппарата государства (реализуют полномочия в строго обозначенных сферах военной, финансовой, судебной, правоохранительной и т. д. деятельности), в состав механизма государства (аппарат государства плюс медицинские, образовательные учреждения, унитарные предприятия, государственные корпорации и т. д.), за некоторым исключени-

ем (например, занимающие государственные должности судьи) несут полную или повышенную (представители аппарата государства) нематериальную юридическую ответственность (уголовную, административную, дисциплинарную), полную имущественную ответственность как субъекты гражданского права. В сфере применения института возмещения вреда их ответственность распределяется по-разному.

Материальная юридическая ответственность в сфере причинения вреда распределяется по-разному между субъектами непосредственно и опосредованно участвующими в реализации функций государства. Первые осуществляют властные полномочия (например, органы государственной власти, их должностные лица), за их действия (бездействия), повлекшие причинение вреда, государство несет полную материальную ответственность. Вторые не связаны с осуществлением властных полномочий (например, государственные, муниципальные медицинские, образовательные учреждения, унитарные предприятия), за их действия (бездействия), повлекшие причинения вреда, государство несет субсидиарную материальную ответственность. Особые субъекты (передаются отдельные функции государства), приобретают права и принимают обязанности для себя и под свою ответственность, соответственно, самостоятельно несут ответственность за причинённый вред (например, адвокаты, нотариусы, оценщики и т. д.).

Материальная ответственность является основным видом ответственности в международном и национальном праве, выступает одним из столпов, на который опирается концепция правового государства, эта сфера регулируется или нормами гражданского законодательства, или специальными законами. Поскольку институт возмещения вреда носит комплексный, межотраслевой характер, затрагивает предметы регулирования финансового (налогового, бюджетного), гражданского, уголовного права, административного, уголовного процессуального права, исполнительного производства, целесообразно принять специальный закон, регламентирующий эту сферу отношений.

2.3 Особенности юридической ответственности субъектов публичного права, обладающих правовым иммунитетом

Специфической особенностью механизма привлечения к юридической ответственности субъектов публичного права являются правовые иммунитеты, так как именно этим качеством указанные субъекты отличаются от субъектов частного права, все остальные качества (удовлетворение общественных потребностей, требование действовать не только в соответствии с правовыми, но и моральными нормами и др.) в той или иной мере присущи всем субъектам права, особенно с введением стандартов корпоративной социальной ответственности. Правовой иммунитет – это преимущество, которым обладают исключительно субъекты публичного права, либо бывшие субъекты публичного права (например, бывший Президент РФ). Это обусловлено целью установления правового иммунитета – повышенной правовой защитой определенного круга лиц для обеспечения эффективной деятельности по выполнению особо значимых функций¹.

Представляется, что в рамках данного исследования необходимо рассмотреть понятие правового иммунитета и его эволюцию в российской правовой системе, а также современные проблемы, связанные с его применением, поскольку правовой иммунитет непосредственно влияет на объем юридической ответственности, так как либо полностью освобождает от нее, либо устанавливает особые гарантии при привлечении к ней.

Анализ законодательства, научной литературы и правоприменительной практики показывает, что несовершенство и пробелы в правовом регулировании иммунитетов, отсутствие необходимых научных рекомендаций порождают в ходе правоприменительной практики труднопреодолимые проблемы и неразрешимые вопросы.

Иммунитет как освобождение отдельных лиц, выполняющих социально значимые функции, от некоторых обязанностей или ответственности представляет собой одну из древнейших традиций. Ранние упоминания о неприкосновенности вождей, старейшин встречаются в исторических источниках древних иудеев,

¹ См., например: Юшкова Ю. А. Иммунитет как правовая категория: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 13.

греков, римлян¹. Однако следует признать, что формирование иммунитета как политико-правовой категории, произошло в эпоху феодализма², когда его носителями являлись феодалы и священнослужители, на землях которых королевские чиновники не имели права вершить суд. Аналогичная ситуация сложилась и на Руси в период феодальной раздробленности. Бояре-вотчинники как основной слой класса феодалов имели права на крестьян, живших на их земле. Согласно иммунитетным (тарханским) грамотам в их руках находились управление и суд. Иммунитетами обладали также церковные феодалы. Типичный кодекс феодального права – Судебник 1497 года прямо определял иммунитеты господствующего класса и неравное положение зависимых людей³.

Дальнейшее расширение иммунитетов представителей привилегированных сословий, в частности дворян, произошло в период формирования в России абсолютной монархии. Наиболее важным актом здесь выступает «Грамота на права и преимущества благородного российского дворянства, 1785, апрель 21», которая освобождала дворян от обязательной службы, постоянной повинности и телесных наказаний, что в еще большей степени усиливало их влияние на местный государственный аппарат⁴. Также в этот период активно развиваются различные звенья государственного аппарата. В частности, для тайного надзора и контроля от имени царя над всеми учреждениями, в особенности за деятельностью судов и сохранностью казны, создается система фискалов. Какое-либо преследование в отношении них запрещалось под страхом наказания: «...фискалу в вину не ставить, ниже досадовать, под жестоким наказанием и разорением всего имения»⁵. Позднее, с созданием прокуратуры, специфика этой службы показала необходимость введения дополнительных гарантий их независимости от поднадзорных им госу-

¹ Лампадова С. С. Юридический иммунитет: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. С. 12.

² См.: Малько А. В. Правовые иммунитеты: понятие, признаки, виды // Вопросы теории государства и права. 2000. Вып. 2 (11). С. 42; Он же. Правовые иммунитеты: понятие, цели // Правоведение. 2000. № 6 (233). С. 11; Аннерс Э. история европейского права. М., 1996. С. 136; Берман Г. Д. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1994. С. 281–299.

³ История государства и права России: учебник / В. М. Клеандрова, Р. С. Мулукаев; под ред. Ю. П. Титова. 2-е изд., перераб и доп. М., 2008. С. 46–75.

⁴ См.: Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б. Н. Топорнин. М., 2001. С. 306.

⁵ О фискалах и о их должности и действии – именной Указ Петра I от 17 марта 1714 года // Российское законодательство X–XX веков. М., 1986. Т. 4. С. 173–176.

дарственных органов. Так, специальными нормами был введен институт иммунитета сотрудников прокуратуры, который устанавливал особый порядок привлечения к ответственности чинов прокурорского надзора, а также должностных лиц судебного ведомства. Например, в соответствии со ст. 1080 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. за совершение преступления секретари, помощники секретарей и прочие судебные чиновники, а также нотариусы могли быть преданы суду только по постановлению прокурора судебной палаты. В отношении обер-секретарей и их помощников, мировых судей, председателей и членов окружных судов и судебных следователей, а также прокуроров, обер-прокуроров и их товарищей предание суду было возможно лишь по постановлению Кассационного департамента Сената. В соответствии со ст. 1081 данного Устава к постановлениям о предании суду чинов прокурорского надзора Кассационный департамент Сената приступал только по представлению Министра юстиции¹.

Историко-правовой анализ происхождения иммунитета, позволил сделать вывод о том, что правовой иммунитет встречается уже в ранних государственно-правовых формах, его развитие проходило параллельно во внутригосударственных и международных отношениях, получая различное правовое обоснование.

Можно констатировать, что пройдя определенный путь развития от обычая родового строя и в дальнейшем формы феодальной и аристократической привилегии, в XVIII–XIX веках понимание правового иммунитета закрепилось в качестве неотъемлемого элемента функционирования государственной власти, создающего условия для дополнительной правовой защиты ее субъектов в целях выполнения ими социально значимых функций.

В современной юридической литературе понятие иммунитета толкуется неоднозначно. Проведенный анализ существующих по этому вопросу точек зрения² позволяет сделать вывод о том, что современные авторы нередко отождеств-

¹ Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // Российское законодательство X–XX веков. М., 1991. Т. 8. С. 118–251.

² Суменков С. Ю. Привилегии и иммунитеты как общеправовые категории: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002; Малько А. В., Суменков С. Ю. Правовой иммунитет: теоретические и практические аспекты // Журнал российского права. 2002. № 2. С. 16–23; Терехин В. А., Суменков С. Ю. Правовой иммунитет как необходимый элемент статуса судей // Вопросы теории государства и права. 2006. Вып. 5 (14). С. 37; Морозова И. С. Теория правовых льгот: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2007; Малько А. В., Морозова И. С. Привилегии как специфическая

ляют понятие иммунитета с понятием привилегий и льгот, наделяя их общими признаками. Во-первых, это общая функциональная направленность данных категорий, выражающаяся в создании особого юридического режима, облегчающего положение соответствующих субъектов. Во-вторых, одна цель – создание гарантий для осуществления определенных обязанностей. В-третьих, все эти категории выполняют стимулирующую функцию. В-четвертых, все эти категории являются своеобразными правомерными исключениями. Однако, на наш взгляд, такое отождествление как минимум спорно.

Обоснованной представляется точка зрения Н. С. Сопельцевой, А. В. Малько, С. Ю. Суменкова о том, что иммунитет обладает специфической юридической природой, которая проявляется в следующих признаках¹:

- 1) иммунитет имеет отрицательный характер, что выражается в освобождении от выполнения определенных обязанностей;
- 2) цель иммунитета – обеспечение выполнения определенных функций (международных, государственных, общественных)²;
- 3) круг лиц, на которых распространяется иммунитет, четко определен в нормах международного права, а также в конституциях и иных законах государства³.

По мнению вышеуказанных авторов, такое отступление от принципа равноправия позволяет включить иммунитет в систему правового неравенства. Вместе с иммунитетом в эту систему входят правовые льготы и привилегии. Однако, иммунитет – это особый вид привилегий, потому что он наделяет своих обладателей исключительным преимуществом – правовой неприкосновенностью. Иммунитет,

разновидность правовых льгот // Правоведение. 1999. № 4. С. 143–156; Сопельцева Н. С. Иммунитеты в конституционном праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2003.

¹ Малько А. В. Привилегии и иммунитеты как особые правовые исключения /А. В. Малько, С. Ю. Суменков. Пенза, 2005. С. 115.

² Сопельцева Н. С. Иммунитеты в конституционном праве Российской Федерации. Челябинск, 2004. С. 36; Малько А. В. Правовые иммунитеты: понятие, признаки, виды // Вопросы теории государства и права. Вып. 2 (11). 2000. С. 43.

³ Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 70.

как верно отмечает С. В. Мирошник, в качестве правового стимула «представляет собой совокупность особых правовых преимуществ»¹.

С. С. Лампадова считает, что иммунитет обладает рядом специфических признаков, позволяющих отнести его к разновидности льгот в форме привилегий, потому что, во-первых, привилегии выступают гарантией социально полезной деятельности; во-вторых, являются исключением для определенных категорий субъектов права; в-третьих, носят правостимулирующий характер².

Похожую точку зрения высказывают и другие ученые. В частности, В. А. Четвернин, В. К. Обеднин³, И. И. Кучеров⁴, В. А. Задорожная⁵. Так, В. А. Четвернин пишет, что иммунитет – это привилегия, обеспечивающая безопасность и независимость судей, депутатов представительных органов власти и иных категорий должностных лиц⁶.

Сущность иммунитета раскрывается и через его функции. По мнению Ю. А. Юшковой к ним можно отнести следующие: гарантирующую, которая является основной функцией, так как правовой иммунитет гарантирует определенным субъектам беспрепятственное выполнение особо важных международных, государственных и общественных функций; стимулирующую, обусловленную тем, что обладание ими неизбежно расширяет объем возможностей и свобод; компенсирующую, обусловленную тем, что отдельные категории субъектов нуждаются в предоставлении льгот компенсационного характера, чтобы восполнить потери, понесенные в силу специфики их деятельности⁷.

Особого внимания заслуживает соотношение понятия «иммунитет» со смежными понятиями, такими как «привилегии» и «льготы». Такое соотношение

¹ Мирошник С. В. Правовые стимулы в российском законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1997. С. 15.

² Лампадова С. С. Юридический иммунитет: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. С. 15.

³ Обеднин В. К. О некоторых аспектах юридического иммунитета // Подходы к решению проблем законодательства и правоприменения: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2. Омск, 1997. С. 91.

⁴ Кучеров И. И. Налоговые привилегии и иммунитеты как институты международного налогового права // Финансовое право. 2007. № 4. С. 2–4.

⁵ Задорожная В. А. Производство по уголовным делам на началах равенства всех перед законом и судом. Челябинск, 2008. С. 22–23.

⁶ Конституция Российской Федерации: проблемный комментарий / отв. ред. В. А. Четвернин. М., 1997. С. 109.

⁷ Юшкова Ю. А. Указ. соч. С. 8.

можно установить путем анализа единства и различия этих категорий¹. Единство заключается в общей компенсационной направленности, которая производна от государства и выражается в установлении дополнительной правовой защиты для лиц, осуществляющих наиболее значимую для общества деятельность (иммунитет), либо в восполнении государством психологических, моральных и иных затрат при выполнении социально значимых функций (привилегии и льготы). Кроме того, все эти категории можно отнести к правовым преимуществам, которые установлены в нормативных правовых актах и направлены на повышение эффективности социально значимой деятельности.

Различия же заключаются в следующем. Исторической причиной возникновения иммунитета является необходимость повышенной правовой защиты отдельных категорий лиц в связи с осуществлением ими важной международной или внутригосударственной деятельности. Привилегии и льготы возникают как «особое право для конкретного лица», «благодарность», «милость» со стороны государя. Привилегии и особенно льготы как в прошлом, так и сегодня направлены на извлечение лицом материальной выгоды. Например, в прошлом это особый режим налогообложения или право беспошлинного ввоза товаров. Сегодня это, например, льготное обеспечение жилой площадью, медицинским обслуживанием. Иммунитет же не способствует улучшению материального благополучия его носителя. И, как нам представляется, главное отличие заключается в том, что иммунитет непосредственно связан с юридической ответственностью. Выступая в качестве инструмента повышенной правовой защиты лиц, выполняющих наиболее значимые государственные или международные функции, иммунитет либо полностью освобождает от ответственности, либо устанавливает особые гарантии при привлечении к ней.

Еще одной проблемой, заслуживающей внимания, является соотношение и взаимосвязь категорий «иммунитет» и «неприкосновенность». Часто понятие «иммунитет» выражается через слово «неприкосновенность». Например, в ст.ст. 91 и 98 Конституции РФ содержатся положения о неприкосновенности Президен-

¹ См., например: Репьев А. Г. Категория «иммунитет» в системе правовых преимуществ: теория, методология, практика /под ред. профессора А. С. Мордовца. М.: Изд-во «Перо», 2013. С. 28–30.

та РФ, а также членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ. В то же время в научной литературе «неприкосновенность» толкуется и широко, и узко. Сторонники первого подхода трактуют неприкосновенность как право каждого гражданина на защиту от неправомерных посягательств на личные жизненные блага – жизнь, здоровье, честь, свободу и т. п.¹. Ряд авторов связывает неприкосновенность исключительно с процессом привлечения к юридической ответственности². Применительно к субъектам публичного права отмечаются следующие мнения. Миронов О. О. считает, что неприкосновенность парламентариев «предполагает защиту депутата, определенную законом, за действия, не связанные с исполнением депутатских полномочий»³. Ефремов А. Ф. пишет, что неприкосновенность отдельных категорий должностных лиц, будучи закрепленной в соответствующих нормативно-правовых актах, освобождает этих лиц от уголовной и административной ответственности⁴.

Федеральный закон от 8 мая 1994 года № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» закрепляет парламентский иммунитет, который трактуется как неприкосновенность. Конституционный Суд РФ разъясняет, что неприкосновенность, закрепленная в статье 98 Конституции Российской Федерации – один из основных элементов статуса парламентария, важнейшая правовая гарантия его деятельности. По содержанию это гарантия более высокого уровня по сравнению с общими конституционными гарантиями неприкосновенности личности. Она не

¹ См., например, Воеводин Л. Д. Конституционные права и обязанности советских граждан. М., 1972. С. 291; Патюлин В. А. Неприкосновенность личности как правовой институт // Советское государство и право. 1973. № 11. С. 18; Рудинский Ф. М. Личность и социалистическая законность. Волгоград. 1976. С. 70; Фарбер И. Е. Конституционное право на неприкосновенность личности советских граждан // Правоведение. 1973. № 3. С. 16; Корнуков В. М. Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1987. С. 115–156; Парфенова М. Конституционное право на свободу и личную неприкосновенность в досудебных стадиях уголовного процесса // Уголовное право. 2002. № 4. С. 58; и др.

² Фасхутдинова Н. Р. Личная неприкосновенность: правовой аспект // Философия права как учебная и научная дисциплина: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. Ростов н/Д., 1999. С. 117; Окулич И. П. Проблемы правового статуса депутата законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации. Челябинск, 2003. С. 152; Доронина О. М. Иммунитет российского депутата: конституционно-правовые основы и политическая практика в истории российского государства // Право и политика. 2009. № 1. С. 196–197; Бекетова С. М., Скрынников Б. М. Правовое регулирование депутатской неприкосновенности на региональном уровне // Журнал российского права. 1998. № 10/11. С. 132.

³ Миронов О. О. Конституционный статус депутатов парламентов // Журнал российского права. 1997. № 4. С. 137.

⁴ Ефремов А. Ф. Принципы законности и проблемы их реализации. Тольятти, 2000. С. 78–79.

является личной привилегией, а имеет публично-правовой характер, призвана служить публичным интересам, обеспечивая повышенную охрану законом личности парламентария в силу осуществляемых им государственных функций, ограждая его от необоснованных преследований, способствуя беспрепятственной деятельности парламентария и тем самым – парламента, их самостоятельности и независимости.¹

В рамках данного исследования необходим детальный анализ взаимосвязи и соотношения иммунитета и юридической ответственности. Представляется целесообразным рассмотреть эти категории как парные, что в дальнейшем позволит более подробно исследовать правовые иммунитеты, закрепленные в различных отраслях публичного права. «Иммунитет» и «ответственность» функционально взаимосвязаны, и связь между ними носит двусторонний характер. Это проявляется на уровне осуществления ими регулятивной, охранительной и правостимулирующей функций. Иммунитет и юридическая ответственность дополняют друг друга в процессе реализации субъективных прав и юридических обязанностей. Как справедливо отмечает А. В. Малько «...в целях успешной реализации субъективного права одних лиц устанавливаются юридические запреты для других лиц, а также юридическую ответственность в отношении самого управомоченного за злоупотребление этим правом»². Иммунитет и юридическая ответственность создают своеобразный баланс правовых средств. Этот баланс обеспечивается расширением юридических возможностей одних лиц и сужением прав других. Так, право члена Совета Федерации и депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ отказаться от дачи свидетельских показаний по поводу обстоятельств, ставших им известными в связи с осуществлением ими своих полномочий³, оборачивается запретом на допрос в качестве свидетеля данных субъектов и од-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.02.1996 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений части первой и второй статьи 18, статьи 19 и части второй ст. 20 Федерального закона от 8 мая 1994 г. «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 1996. № 9. Ст. 828.

² Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. С. 115.

³ Федеральный закон от 08.05.1994 № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (ред. от 06.04.2015 N 68-ФЗ), ст. 21 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.02.2017).

новременно ограничивает права лиц, производящих предварительное расследование¹.

В то же время существует противоречие, связанное с процессом реализации права на иммунитет и принципом неотвратимости юридической ответственности за совершенное правонарушение. Как верно отмечают Р. Л. Хачатуров и Р. Г. Ягутян «...юридическая ответственность за правонарушение должна возникать неотвратимо. Неотвратимость ответственности означает ее обязательное (без какого-либо) исключения применение за каждое правонарушение в отношении каждого правонарушителя. Занимаемые посты и должности, прошлые и настоящие заслуги не могут освободить правонарушителя от привлечения к ответственности»². Здесь следует отметить, что теоретически правовой иммунитет не освобождает от ответственности, а предусматривает особый механизм привлечения к ней. Практически же часто субъекты, обладающие иммунитетом, от юридической ответственности уходят. Поэтому данное противоречие лежит скорее в плоскости правоприменения.

В данном случае нами рассмотрена лишь малая часть различных точек зрения отечественных ученых по поводу понимания сущности категории «правовой иммунитет» и его соотношения со смежными понятиями. Проведенный анализ позволяет констатировать отсутствие теоретической и правоприменительной дефиниции понятия «правовой иммунитет», а также внятной позиции законодателя по этому вопросу, что создает определенные проблемы правоприменительного характера. В связи с этим видится необходимой разработка такой дефиниции (дефинитивной нормы) и включение ее во все законодательные акты, которые закрепляют правовой статус лиц, обладающих правовым иммунитетом в каком-либо объеме. От понятия «неприкосновенность» желательно вообще в данном случае отказаться, поскольку, во-первых, его многоаспектность порождает путаницу в понимании и, во-вторых, само слово способно оказать неадекватное содержание эмоционально-смысловое воздействие на сознание простого граждани-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, п. 5, ч. 3, ст. 56 // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921; 2013. № 9. Ст. 875.

² Хачатуров Р. Л., Ягутян Р. Г. Юридическая ответственность. Тольятти, 1995. С. 136.

на (обывателя), который нередко отождествляет «неприкосновенность» с «неприкасаемостью», «вседозволенностью», «неподсудностью».

Представляется, что иммунитет не может иметь абсолютного характера. При наличии законных оснований он может быть отменен или ограничен. Сам обладатель иммунитета может отказаться от него, в том числе и по велению совести. Правовой иммунитет не должен из законного и эффективного средства превращаться в фактор, препятствующий правомерному привлечению к юридической ответственности субъекта публичного права.

Таким образом, можно говорить о еще одном специфическом признаке правового иммунитета – его тесной связи с государственной дисциплиной и законностью, которые являются неотъемлемой частью деятельности субъектов публичного права, в том числе и обладателей правового иммунитета, и обуславливают предъявление повышенных требований к указанным лицам не только по соблюдению и исполнению правовых норм, но также моральных и этических. Следует признать, что в современных условиях роль неправовых традиционных регуляторов снижается, и как следствие – увеличение фактов противоправного поведения в силу ослабления внутренней нравственной мотивации. Сказанное позволяет предположить, что правовой иммунитет и механизм его реализации регулируются не только правовыми нормами, но также нормами морали и профессиональной этики.

Анализ норм национального законодательства и международного права показывает значительное разнообразие правовых иммунитетов, а научная литература – множество критериев их классификации и соответствующих видов. На наш взгляд, с точки зрения корреляции с темой настоящего исследования, заслуживают внимания классификация по субъектам, обладающим иммунитетом и по объему иммунитета.

Одними из первых классификацию правовых иммунитетов по субъектам провели Ф. А. Агаев и В. Н. Галузо, выделив: дипломатический иммунитет; иммунитет лиц, пользующихся международной защитой; иммунитет Президента РФ; депутатский иммунитет; иммунитет судей и должностных лиц правоохрани-

тельных и контролирующих органов; свидетельский иммунитет; иммунитет общественных представителей; иммунитет иных лиц, прибывших из-за границы для участия в деле в качестве свидетеля, потерпевшего, гражданского ответчика, их представителей, экспертов¹. Как видно, эта классификация имеет уголовно-процессуальную направленность.

Похожую, но менее объемную классификацию проводят А. В. Малько и И. С. Морозова: государства; дипломатов; Президента РФ; Уполномоченного по правам человека в РФ; депутатов; должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов; общественных представителей; свидетельский иммунитет². Лампадова С. С., придерживаясь аналогичной позиции, выделяет консульский иммунитет и иммунитет судей в отдельные виды³. Суменков С. Ю. добавляет к этим видам иммунитет Президента РФ, прекратившего исполнение своих полномочий, а также отмечает положительные стороны включения адвоката в круг субъектов, в отношении которых установлен особый порядок судопроизводства⁴.

Обобщив основные классификации, можно сделать вывод о двух группах правовых иммунитетов:

1) дипломатический и консульский иммунитеты, а также иммунитет иных участников международных отношений, который предоставляется им в соответствии с международными договорами;

2) иммунитет иных субъектов публичного права. К этой группе следует отнести иммунитеты лиц, выполняющих государственно значимые функции. Особая значимость этих функций обуславливает предоставление этим лицам со стороны государства гарантий повышенной правовой защиты, в качестве которых и выступает правовой иммунитет. К таким лицам следует отнести:

¹ Агаев Ф. А., Галузо В. Н. Иммунитеты в российском уголовном процессе. М.: ТЕИС, 1998. С. 27.

² Малько А. В. Правовые иммунитеты: понятие, признаки, виды // Вопросы теории государства и права. 2000. Вып. 2 (11). С. 50; Морозова И. С. Теория правовых льгот: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2005. С. 211–235.

³ Лампадова С. С. Юридический иммунитет: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. С. 18–19.

⁴ Суменков С. Ю. Привилегии и иммунитеты как общеправовые категории: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 130.

1) Президента Российской Федерации, который в соответствии со ст. 91 Конституции РФ обладает неприкосновенностью. Причем границы правового иммунитета Президента РФ гораздо шире, чем у иных обладателей правового иммунитета, что вполне объяснимо и оправданно. Глава государства подвергается повышенному политическому и общественному давлению. История изобилует примерами компрометации власти оппозиционными, а подчас и криминальными, силами путем сфальсифицированных обвинений в совершении государственной измены или иных преступлений. Поэтому правовой иммунитет Президента РФ является элементом суверенитета государственной власти. В то же время данный иммунитет не означает полной безответственности главы государства. В соответствии со ст. 93 Конституции РФ президент может быть отрешен от должности Советом Федерации на основании выдвинутого Государственной Думой обвинения в совершении государственной измены или иного тяжкого преступления. Кроме того, обвинение должно быть подтверждено заключением Верховного Суда РФ о наличии в действиях Президента РФ признаков преступления и также необходим строгий порядок выдвижения обвинения, соблюдение которого констатирует в своем заключении Конституционный Суд РФ.

Правовое положение Президента Российской Федерации как главы государства весьма многоаспектно. Сосредоточение основных властных рычагов у Президента Российской Федерации неоднозначно оценивается учеными и практиками – конституционалистами. С избранием В. В. Путина президентская власть стала еще сильнее. Здесь справедливым представляется мнение Р. Медведева: «В условиях нашей страны, в которой демократические традиции, гражданское общество и система зрелых политических партий еще не сложились, именно президент может и должен стать гарантом стабильности, демократии и порядка. Поэтому предоставление президенту необходимых для этого полномочий и рычагов власти – это не каприз Ельцина или просчет составителей Конституции, а необходимость»¹. Представляется, что сказанное не потеряло своей актуальности по сегодняшний день.

¹ Медведев Р. Владимир Путин – действующий президент. М.: Время, 2002. С. 89.

Данные факторы свидетельствуют, с одной стороны, о необходимости совершенствования процедур ответственности Президента, в том числе конституционно-правовой. Основания, механизмы, последствия привлечения главы государства к ответственности являются важнейшими составляющими принципа разделения властей, республиканской формы правления. Лишить неприкосновенности Президента РФ практически невозможно. Статья 93 Конституции Российской Федерации устанавливает весьма сложный порядок привлечения к ответственности высшего должностного лица государства, который практически невыполним. И в этом смысле иммунитет Президента Российской Федерации абсолютен, а значит не вполне демократичен. С другой стороны, избрание Президента Российской Федерации непосредственно народом, характеристика его как обладателя «общенародного мандата» требуют предоставления главе государства конституционных гарантий, предполагающих ограниченные основания ответственности и усложненные процедуры привлечения к ней, действующие и по истечении срока исполнения им своих полномочий¹;

2) Президент РФ, прекративший исполнение своих полномочий, обладает иммунитетом в соответствии с Федеральным законом «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи»². Существование этого иммунитета обусловлено иммунитетом Президента РФ в период пребывания его в должности. Он не может быть привлечен к уголовной или административной ответственности за деяния, совершенные им в период исполнения полномочий Президента Российской Федерации, а также задержан, арестован, подвергнут обыску, допросу либо личному досмотру, если указанные действия осуществляются в ходе производства по делам, связанным с исполнением им полномочий Президента Российской Федерации. Неприкосновенность Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий, распространяется на занимаемые им жилые и служебные помеще-

¹ Сопельцева Н. С. Иммунитет Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 5.

² Федеральный закон от 12.02.2001 N 12-ФЗ «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи» (в ред. от 21.07.2014), ст. 3 // СПС Гарант (дата обращения: 01.03.2017),

ния, используемые им транспортные средства, средства связи, принадлежащие ему документы и багаж, на его переписку. Президент Российской Федерации, прекративший исполнение своих полномочий, может быть лишен неприкосновенности в случае возбуждения уголовного дела по факту совершения им тяжкого преступления. Закон также предусматривает для этого довольно сложную процедуру.

Президент РФ, прекративший исполнение своих полномочий, субъектом публичного права не является. Однако совершенно очевидно, что предоставляемый ему правовой иммунитет является гарантией деятельности и логическим продолжением правового иммунитета действующего Президента РФ. Поэтому данный вопрос также заслуживает внимания в рамках настоящего исследования, тем более, что он характеризуется неоднозначностью оценок в научной литературе.

Режим ответственности и неприкосновенности бывшего главы государства за действия, совершенные им в период исполнения своих полномочий, существует во многих современных государствах. При этом повышенная правовая защита бывшего лидера обеспечивается различными способами. Например, в Чили бывший президент становится членом верхней палаты, во Франции – членом Конституционного совета и наделяется правовым иммунитетом уже как член этого органа.

В России накоплен сравнительно небольшой опыт правовой регламентации статуса бывшего президента. Впервые этот вопрос был урегулирован Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 1999 г. № 1736 «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи»¹, принятие которого в какой-то степени было обусловлено досрочной отставкой Б. Н. Ельцина и заложило соответствующие правовые традиции.

Пределы правового иммунитета экс-президента зависят от параметров иммунитета действующего Президента России. Они должны быть такими, чтобы, с

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. N 1. Ст. 111.

одной стороны, обеспечить действующему Президенту гарантии повышенной правовой защиты после окончания срока президентства; с другой стороны, не превратить правовой иммунитет, являющийся изъятием из принципа равенства граждан перед законом и судом, в пожизненную правовую привилегию лица, занимавшего в течение определенного срока пост Президента.

По мнению ряда авторов, способность предоставить гарантии бывшим лидерам является критерием цивилизованности общества и государства¹.

Не подвергая сомнению необходимость закона о защите бывшего главы государства, его позитивную роль в повышении эффективности правовой защиты действующего Президента РФ, отметим, что Федеральный закон «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи» имеет ряд неточных и противоречивых формулировок, что делает потенциально возможным его неправильное толкование и практическое применение. Во-первых, Закон содержит несогласованные формулировки. Согласно ч. 1 ст. 3 Закона, Президент Российской Федерации, прекративший исполнение своих полномочий, не может быть привлечен к уголовной или административной ответственности за деяния, совершенные им в период исполнения полномочий Президента Российской Федерации. Представляется, что формулировка «деяния, совершенные в период исполнения полномочий» предполагает все деяния, совершенные Президентом, то есть те, которые совершены в связи с президентскими полномочиями, и те, которые совершены Президентом России в качестве частного лица, вне связи с президентскими полномочиями. В то же время Закон запрещает задержание, арест, обыск, допрос либо личный досмотр Президента Российской Федерации, если указанные действия осуществляются в ходе производства по делам, связанным с исполнением им полномочий Президента Российской Федерации. Несогласованность налицо. Следует согласиться с мнением А. В. Малько и С. Ю. Суменкова, которые считают, что данное обстоятельство

¹ Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / отв. ред. В. В. Лазарев. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2001. С. 458; Сопельцева Н. С. Иммуниет Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 5.

нуждается в законодательном уточнении, «с учетом того, что бывший глава государства мог при осуществлении своих полномочий допустить неправомерные поступки именно как частное лицо»¹.

Во-вторых, в законе речь идет о возможности привлечения Президента Российской Федерации к ответственности лишь за совершение тяжких преступлений, в то время как ст. 15 Уголовного кодекса РФ, в зависимости от характера и степени общественной опасности, подразделяет преступления на небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие. Явное упущение законодателя – неответственность Президента Российской Федерации не только за совершение преступлений небольшой и средней тяжести, но и за особо тяжкие преступления, общественная опасность которых выше, а размер и вид наказания строже, чем за тяжкие преступления. Надо признать, что формулировка, использованная законодателем в Федеральном законе, означает фактически, что Президент РФ, прекративший исполнение своих полномочий, освобождается от ответственности не только за совершение преступлений небольшой и средней тяжести, но и за особо тяжкие преступления, что является совершенно нелогичным.

В-третьих, из рассмотрения правового иммунитета не в качестве личной привилегии гражданина, а средства защиты публичных интересов следует, что иммунитет должен устанавливаться на конкретный срок, равный сроку исполнения должностных обязанностей. Иначе теряется юридический смысл иммунитета. Правовой иммунитет Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий, который предоставляется пожизненно, является в данном случае исключением. Однако, как уже отмечалось, иммунитет бывшего президента является логическим следствием правового иммунитета, предоставляемого действующему главе государства, поэтому, представляется, что он должен распространяться лишь на те действия, которые Президент совершил в период исполнения своих полномочий.

3) Член Совета Федерации и депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ; депутат законодательного (представительного) органа государ-

¹ Малько А. В., Суменков С. Ю. Правовой иммунитет: теоретические и практические аспекты // Журнал российского права. 2002. N 2. С. 21.

ственной власти субъекта РФ; депутат, член выборного органа местного самоуправления. Основы депутатского иммунитета закреплены в Конституции РФ, федеральных законах и иных нормативных правовых актах. Не касаясь правового регулирования иммунитетов на уровне субъектов Российской Федерации, поскольку это сфера конституционного права и в предмет настоящего исследования не входит, рассмотрим общую проблематику парламентского иммунитета на примере Федерального Собрания Российской Федерации.

Согласно ст. 19 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», член Совета Федерации, депутат Государственной Думы без согласия соответствующей палаты не могут быть: а) привлечены к уголовной или к административной ответственности, налагаемой в судебном порядке; б) задержаны, арестованы, подвергнуты обыску (кроме случаев задержания на месте преступления) или допросу; в) подвергнуты личному досмотру, за исключением случаев, когда это предусмотрено федеральным законом для обеспечения безопасности других людей¹. Таким образом, правовой объем неприкосновенности парламентария в действующем законодательстве РФ замыкается в рамках уголовной и административной ответственности, налагаемой в судебном порядке. При буквальном толковании данной нормы очевиден вывод о том, что члены Совета Федерации и депутаты Государственной Думы Федерального Собрания РФ ко всем другим видам юридической ответственности привлекаются на общих основаниях. Однако особое положение парламентариев фактически затрудняет их привлечение даже к тем видам юридической ответственности, на которые действие неприкосновенности не распространяется: административной ответственности, налагаемой не в судебном порядке, гражданско-правовой. Например, реализация запрета на досмотр позволяет членам Совета Федерации и депутатам Государственной Думы беспрепятственно проходить таможенный досмотр, а также иные, законом установленные виды досмотров, хотя по логике закона такой запрет подлежит исполнению в

¹ Федеральный закон от 08.05.1994 № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (ред. от 06.04.2015 N 68-ФЗ), ст. 21 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 20.02.2017).

отношении уголовного и административного преследования в качестве одной из мер предотвращения необоснованной реализации следственных действия в отношении указанных категорий субъектов.

Кроме того, следователь или орган дознания, ведущий дело в отношении депутата, теряет время при производстве расследования. Это как минимум несколько дней, в течение которых законом установлен запрет на допрос депутата и обыск: испрашивание Генеральным прокурором согласия палаты о лишении неприкосновенности, вынесение палатой мотивированного решения. Между тем обыск – это неотложное следственное действие, и затягивание времени при его производстве сводит к нулю возможность собрать какие-либо доказательства по делу.

Спорным является вопрос о том, могут ли парламентарии нести дисциплинарную ответственность. Неясны основания и порядок привлечения парламентариев к конституционно-правовой ответственности. В действующем законодательстве РФ, лишь фрагментарно содержащем некоторые меры конституционно-правового воздействия, не только отсутствуют специальные нормы о конституционно-правовой ответственности, но даже не используется соответствующая терминология. Неполнотой освещения данного вопроса страдает и доктринальное толкование, которое объяснение вопросов юридической ответственности парламентариев в основном сводит к воспроизведению норм Федерального закона от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ, регламентирующих парламентский иммунитет¹, за исключением комментария Е. А. Григорьевой.² В данном комментарии применительно к ст. 19 разъясняется возможность привлечения парламентариев к другим видам юридической ответственности, на которые не распространяется иммунитет, например, гражданско-правовой, а также в ряде случаев административной, кото-

¹ Григорьев В. В. Комментарий к ФЗ от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». М.: Деловой двор, 2010; Авакьян С. А. Конституционное право России: учебный курс. В 2 т. Т. 2. М.: Юрист, 2005; Баглай М. В. Конституционное право России: учебник для вузов. 3-е изд., изм. и доп. М.: НОРМА, 2002; Голубок С. А. Конституционное право России: учеб. пособие. 5-е изд. М.: РИОР, 2008; Конституционное право России: учебник / отв. ред. А. Н. Кокотов и М. И. Кукушкин. М.: Юрист, 2003; Некрасов С. И. Конституционное право РФ: конспект лекций. М.: Юрайт-Издат, 2009.

² Григорьева Е. А. Комментарий к ФЗ от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» / под ред. Н. И. Воробьева // Гарант Эксперт, 2010.

рая реализуется во внесудебном порядке, например, штрафы ГИБДД за нарушение правил дорожного движения и т. п. Следует согласиться с мнением Е. А. Григорьевой о том, что практическая реализация положений ст. 19 свидетельствует о ее расширительном толковании, когда не допускается применение мер любого из видов ответственности. Представляется, что такое расширение неприкосновенности сформировано самими членами Совета Федерации и депутатами Государственной Думы в качестве дополнительных неправовых гарантий в рамках их взаимодействия со средствами массовой информации и пропагандировании особого статуса указанных субъектов.

Абсолютно правы А. В. Малько и С. Ю. Суменков, предлагающие отменить существующее ныне положение, когда палата депутатов обладает правом разрешить или отказать в направлении дела в отношении депутата в суд, поскольку фактически это присвоение прерогативы суда – определять виновность или невиновность. Согласимся также и с тем, что необходимо упростить порядок возбуждения уголовных дел в отношении депутатов. Уголовное дело должно возбуждаться вне зависимости от воли палаты и связи общественно опасного деяния с депутатской деятельностью. Тем более что на начальной стадии предварительного расследования, без проведения основных следственных действий, трудно решить вопрос о наличии или отсутствии связи между деянием депутата и выполнением им своих обязанностей. Интересна точка зрения И. Л. Петрухина, который пишет, что, во-первых, «чистых» преступлений, связанных с исполнением депутатских обязанностей, почти не бывает (разве что драки и взаимные оскорбления в Думе). Зато появляется возможность скомпрометировать депутата. Во-вторых, открывается возможность для применения в отношении депутата мер уголовно-процессуального принуждения, не связанных с задержанием, арестом, обыском и досмотром. В частности, можно применит к депутату подписку о невыезде, поместить его на экспертизу в психиатрическое учреждение, принудительное освидетельствование, предъявить для опознания и др. Пройдя все эти этапы следствия, депутат вряд ли сможет успешно выполнять свои обязанности и выглядеть поря-

дочным человеком в глазах избирателей, даже если следствие закончится прекращением уголовного дела¹.

Несомненно, проблем, связанных с депутатским иммунитетом очень много, но отменить его вовсе, как предлагают некоторые ученые и политики, совершенно нецивилизованная мера. Как верно отмечает Д. Котков: «Нельзя делать депутата беззащитным. Тогда он не сможет бороться, например, с коррупцией, потому что в результате этой борьбы он может запросто угодить за решетку. Депутата, который слишком далеко углубился в расследование деятельности какого-то высшего чиновника, вполне могут остановить, если лишить его депутатского иммунитета»².

4) Судья Конституционного Суда РФ; судья федерального суда общей юрисдикции или федерального арбитражного суда; мировой судья и судья конституционного (уставного) суда субъекта РФ; присяжный или арбитражный заседатель в период осуществления им правосудия. В соответствии со ст. 122 Конституции РФ, судьи неприкосновенны. Неприкосновенность судьи включает в себя неприкосновенность личности, неприкосновенность занимаемых им жилых и служебных помещений, используемых им личных и служебных транспортных средств, принадлежащих ему документов, багажа и иного имущества, тайну переписки и иной корреспонденции (телефонных переговоров, почтовых, телеграфных, других электрических и иных принимаемых и отправляемых судьей сообщений). Судья, в том числе после прекращения его полномочий, не может быть привлечен к какой-либо ответственности за выраженное им при осуществлении правосудия мнение и принятое судом решение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность судьи в преступном злоупотреблении либо вынесении заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта³.

Конституционный Суд РФ указывает, что судебская неприкосновенность является исключением из принципа равенства всех перед законом и судом (ч. 1 ст.

¹ См.: Петрухин И. Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью). М., 1999. С. 340–341.

² Котков Д. Зачем депутату иммунитет // Труд. 2000. 24 февр.

³ Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации», ст. 16 // СПС Консультант-Плюс (дата обращения: 13.03.2017).

19 Конституции) и по своему содержанию выходит за пределы личной неприкосновенности (ст. 22 Конституции). Данный факт обусловлен тем, что общество и государство, предъявляя к судье и его профессиональной деятельности высокие требования, вправе и обязаны обеспечить ему дополнительные гарантии надлежащего осуществления деятельности по отправлению правосудия. Правовой иммунитет судьи направлен на обеспечение основ конституционного строя, связанных с разделением властей, самостоятельностью и независимостью судебной власти (ст. 10 и 120 Конституции). Судейская неприкосновенность, подчеркивает Конституционный Суд РФ, является не личной привилегией гражданина, занимающего должность судьи, а средством защиты публичных интересов, и прежде всего интересов правосудия¹.

Судьи при определенных обстоятельствах все же могут быть привлечены к уголовной и административной ответственности, заключены под стражу. Процедура привлечения судей разных уровней к уголовной и административной ответственности регламентируется в ст. 16 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации».

Следует отметить, что в настоящее время устранен правовой пробел, касающийся привлечения судей к дисциплинарной ответственности. Раньше такой вид ответственности распространялся только на судей Конституционного Суда РФ, и такой институт существует и в настоящее время². С внесением изменений в Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации», в соответствии со ст. 12.1, за совершение дисциплинарного проступка, то есть виновного действия (бездействия) при исполнении служебных обязанностей, либо во внеслужебной деятельности, в результате которого были нарушены положения Закона и (или) кодекса судейской этики, утверждаемого Всероссийским съездом судей, что повлекло умаление авторитета судебной власти и причинение ущерба репутации судьи, на

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 07.03.1996 № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 16 Закона Российской Федерации “О статусе судей в Российской Федерации” в связи с жалобами граждан Р.И. Мухаметшина и А.В. Барбаша» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 13.03.2017).

² Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 N 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», ст. 15 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 13.03.2017).

судью, за исключением судьи Конституционного Суда Российской Федерации, может быть наложено дисциплинарное взыскание¹.

Судейский иммунитет является дискуссионным вопросом в научных кругах². Например, А. Бойков и Н. Капинус считают судебный иммунитет чрезмерным. В частности, они считают излишним обращение в квалификационную коллегию судей за согласием на заключение судьи под стражу после его привлечения к уголовной ответственности. Неоднозначную правовую оценку вызывает норма ч. 5 ст. 16 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации», согласно которой судья, задержанный по подозрению в совершении преступления, если его личность не могла быть установлена в момент задержания, после установления его личности подлежит немедленному освобождению. С одной стороны, данное требование отражает суть правовой природы иммунитета, но с другой – может препятствовать производству неотложных следственных действий. Согласимся с мнением А. Г. Репьева о целесообразности установления порядка, аналогичного тому, который установлен для парламентариев. То есть необходимо дополнить ч. 5 ст. 16 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» и указать, что после установления личности судья подлежит немедленному освобождению, за исключением случаев задержания на месте преступления³.

5) К последней группе можно отнести должностных лиц государства, обладающих иммунитетом, состоящим в усложненном порядке привлечения их к уголовной ответственности. К этой группе относятся сотрудники государственных, в том числе правоохранительных и контролирующих органов, для которых государство устанавливает повышенную правовую защиту. Специфика такого рода иммунитета состоит в том, что он не закреплен нормами Конституции РФ, в отличие от предыдущих групп, а также довольно ограничен и заключается в особом

¹ Закон РФ от 26.06.1992 N 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации», ст. 12.1 // СПС Консультант-Плюс (дата обращения: 13.03.2017).

² См., например: Петрухин И. Л. Проблема судебной власти в современной России // Государство и право. 2000. № 8. С. 6; Капинус Н. Если неприкасаемые, насколько? // Закон. 2001. № 9. С. 3–6; Бойков А. Суд. Скорый, да не очень. Правый, но не совсем. Милостивый, равный для всех? // Российский судья. 2002. № 9. С. 4–15; Репьев А. Г. Категория «иммунитет» в системе правовых преимуществ: теория, методология, практика / под ред. профессора А. С. Мордовца. М.: Изд-во «Перо», 2013. С. 70–72; и др.

³ Репьев А. Г. Категория «иммунитет» в системе правовых преимуществ: теория, методология, практика / под ред. профессора А. С. Мордовца. М.: Изд-во «Перо», 2013. С. 71.

порядке привлечения данных лиц к уголовной ответственности. Этот порядок установлен главой 52 Уголовно-процессуального кодекса РФ. К таким лицам относятся: 1) Председатель Счетной палаты РФ, его заместители и аудиторы; 2) Уполномоченный по правам человека в РФ; 3) прокурор; 4) Председатель Следственного комитета РФ, руководитель следственного органа, следователь; 5) адвокат; 6) член избирательной комиссии, комиссии референдума с правом решающего голоса, а также зарегистрированный кандидат в депутаты Государственной Думы, зарегистрированный кандидат в депутаты законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации¹. Помимо этого, для ряда перечисленных лиц федеральными законами установлены дополнительные иммунитеты. Так, согласно ФЗ «О прокуратуре», проверка сообщения о факте правонарушения, совершенном прокурором, возбуждение в отношении него уголовного дела, за исключением случаев, когда прокурор задержан при совершении преступления, производство расследования является компетенцией Следственного комитета РФ. Не допускается задержание, привод, личный досмотр прокурора, досмотр его вещей и используемого им транспорта². Также при исполнении сотрудником органов федеральной службы безопасности служебных обязанностей не допускаются его привод, задержание, личный досмотр и досмотр его вещей, а также досмотр личного и используемого им транспорта без официального представителя органов федеральной службы безопасности или решения суда³. Как видно правовой иммунитет указанной группы лиц не имеет четких общих границ.

Проведенная классификация правовых иммунитетов по субъектам, позволяет разработать классификацию по критерию объема предоставленного иммунитета:

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 13.03.2017).

² Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», ст. 42 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 13.03.2017).

³ Федеральный закон от 03.04.1995 N 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности» ст. 17 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 13.03.2017).

1) полный, который предполагает правовую защищенность лица от большинства видов юридической ответственности. Например, дипломатический иммунитет или иммунитет Президента РФ;

2) ограниченный, предусматривающий невозможность применения к лицу отдельных мер государственного принуждения, либо особый порядок привлечения к юридической ответственности. Полагаем, что к этой группе относится большинство носителей иммунитета. Это и депутаты, и прокурор, и сотрудники федеральной службы безопасности и др.

Следует отметить, что проведенная классификация позволила дать наиболее полную характеристику существующим правовым иммунитетам, уяснить их юридическую природу, назначение и роль в решении особых задач государства, а также выявить проблемы, возникающие при использовании правовых иммунитетов.

Хотелось бы также обратить внимание на следующие проблемные аспекты, связанные с реализацией права на иммунитет, существующие в современной правоприменительной практике. Как уже отмечалось, запрет задерживать носителей иммунитета за совершенное правонарушение, а также на проведение сотрудниками полиции проверочных действий не распространяется на случаи задержания на месте преступления. Получается, что лицо, застигнутое на месте совершения административного правонарушения не может быть задержано. В то же время не всегда можно сразу четко квалифицировать правонарушение как уголовно-наказуемое или административно-наказуемое деяние.

Неприкосновенность имущества лиц, обладающих иммунитетом, также не имеет однозначного толкования. Например, личный досмотр судьи не допускается за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом в целях обеспечения безопасности других людей. К такого рода досмотрам можно отнести и аналогичные проверки, когда лицо подвергается досмотру без установления личности. В современных условиях, в связи с обострившейся террористической угрозой, таких досмотров становится все больше. Представляется, что иммунитеты здесь не действуют. Отдельная разновидность проверок – это ограничения для

посещения частных объектов (face control, dress code). Думается, что иммунитеты здесь тем более не действуют.

При обнаружении у носителя иммунитета предметов, запрещенных или ограниченных в свободном обороте, сотрудник полиции вправе его изъять, поскольку ограничения, связанные с досмотром здесь недостаточны. Досмотр и изъятие взаимосвязаны, но юридически являются разными действиями. Например, в законе «О статусе судей в Российской Федерации» иммунитет от изъятия вещей и предметов закреплен в ст. 16, а в законе «О прокуратуре Российской Федерации» не определен.

Также никакой иммунитет не может воспрепятствовать отстранению водителя, находящегося в состоянии опьянения, от управления транспортным средством и задержанию транспортного средства. Отстранения водителя и задержание транспортного средства – самостоятельные меры административно-процессуального обеспечения (ст.ст. 27.12 и 27.13 КоАП РФ), которые могут применяться до возбуждения дела об административном правонарушении. Более того, полиция обязана отстранить от управления транспортным средством водителя, находящегося в состоянии алкогольного опьянения, поскольку его действия угрожают общественной безопасности. Однако на практике сотрудники полиции стараются не применять указанных мер принуждения к лицам, обладающим иммунитетом, даже если имеют на это полное право и, тем более, когда иммунитет лица под сомнением. Правовой иммунитет нарушителя не позволяет собрать необходимые доказательства его вины: например, доказать факт опьянения, произвести досмотр и изъятие вещей. Часто попытки оформить законным образом факт правонарушения, совершенного депутатом, прокурором, судьей и т. п. заканчиваются для сотрудника полиции неправовым давлением со стороны руководства или органов власти, которые представляет нарушитель. Согласимся с мнением Шевченко Ю. П. и Косицина И. А. о том, что правовой иммунитет не препятствует составлению протокола об административном правонарушении¹.

¹ Шевченко Ю. П., Косицин И. А. Полицейские меры, применяемые в сфере безопасности дорожного движения в отношении лиц, обладающих иммунитетом // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 1 (4). С. 130–131.

Однозначно можно вывести из-под действия права одну категорию лиц – пользующихся дипломатической неприкосновенностью. К ним, если их личность установлена, не могут быть применены меры обеспечения по делам об административных правонарушениях. Производство процессуальных действий в отношении их либо с их участием возможно лишь по их просьбе или с их согласия, испрашиваемого через МИД России. Однако, даже в такой ситуации если сотрудник дипломатической миссии управляет транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, сотрудник ДПС обязан принять меры к прекращению дальнейшего движения. Например, заблокировать проезд. При этом связаться с дипломатическим представительством и передать им нарушителя.

Относительно граждан РФ, обладающих правовым иммунитетом, то здесь позиция законодателя по вопросу применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, неодинакова.

В науке сложилось представление о том, что правовые иммунитеты являются определенным исключением из общего принципа равенства всех перед законом и судом, поскольку предусматривают особый порядок как возбуждения уголовного дела, так и особые условия применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении и привлечении к административной ответственности лиц, выполняющих особо значимые государственные функции.

Такое положение предполагает, что материалы, собранные, например, сотрудником ДПС ГИБДД по факту совершения такими лицами административного правонарушения подлежат передаче в специальные органы, которые уполномочены рассматривать вопрос о привлечении данных лиц к административной ответственности. Однако анализ законодательства и правоприменительной практики показывает ряд препятствий:

Во-первых, отсутствие уполномоченных должностных лиц в государственном органе, которые бы рассматривали дела о профессиональной ответственности своих сотрудников. Исключением является судебная корпорация, в которой существует орган, на который возложено полномочие рассматривать дела о професси-

ональных правонарушениях судей, подпадающих под составы административных правонарушений.

Во-вторых, закрытость подобных процессов, из-за чего в обществе возникает представление о безнаказанности лиц, пользующихся правовым иммунитетом.

В-третьих, страх лиц, наделенных полномочиями применять меры государственного принуждения.

Совершенно справедливо мнение Е. А. Летаевой о том, что действующее законодательство неоднозначно подходит к определению иммунитета от применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, в отношении одних субъектов позволяя их применять, а в отношении других запрещая. Отсутствует единый подход к возможности применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в отношении граждан РФ, обладающих правовым иммунитетом. Например, сотрудники ФСБ при исполнении ими служебных обязанностей могут быть задержаны в присутствии официального представителя органов ФСБ или на основании решения суда. Зарегистрированный кандидат в депутаты представительных органов местного самоуправления и в выборные должности лица местного самоуправления в субъектах РФ обладает иммунитетом от административного задержания только на территории муниципального образования, но при этом может быть задержан с согласия прокурора субъекта РФ¹.

Представляется, что по каждому виду иммунитета, а в России только в сфере уголовного судопроизводства им обладают свыше 180 категорий российских и иностранных граждан², можно назвать не одну и не две проблемы. Но главная проблема правового иммунитета заключается в том, что, с одной стороны, он служит гарантией защиты от необоснованного применения юридической ответственности и иных мер государственного принуждения. Но, с другой стороны, следует признать, что чрезмерные преграды для привлечения представителей

¹ Летаева Е. А. Деятельность инспекторов ДПС по пресечению административных правонарушений в области безопасности дорожного движения, совершаемых лицами, обладающими правовым иммунитетом // Концепт. 2014. Спец. выпуск № 15.

² См.: Агаев Ф. А., Галузо В. Н. Иммунитеты в уголовно-процессуальной деятельности. М., 1998. С. 4.

власти к ответственности нарушают принцип неотвратимости наказания и не способствуют формированию уважительного отношения граждан к закону и власти.

Большое количество субъектов, наделенных правовыми иммунитетами, разными по объему, приводит к размытости границ правовых иммунитетов и, как следствие, к неправомерному распространению правовых иммунитетов одних категорий лиц на других, чьи правовые преимущества значительно уже. Кроме того, трактовка правового иммунитета как неприкосновенности приводит к восприятию этого института в качестве личной привилегии и нередко воспринимается как полная безответственность, а порой и вседозволенность самими носителями иммунитета. Неадекватно идея предоставления правового иммунитета определенным лицам, выполняющим значимые государственные и общественные функции, воспринимается и общественным сознанием, в котором необходимость этого правового средства не увязывается с общегосударственными задачами обеспечения сильной и независимой власти и воспринимается как предоставление неоправданных преимуществ, улучшающих качество и условия жизни конкретных лиц, особенно когда это касается сферы юридической ответственности, где наиболее остро воспринимается какое-либо неравенство.

Подводя итог, сделаем следующие выводы.

Между правовым иммунитетом и юридической ответственностью существует парная взаимосвязь, которая проявляется: при осуществлении как регулятивной, так и охранительной функций; в процессе реализации субъективных прав и юридических обязанностей в конкретных правоотношениях; а также в существовании противоречия, обусловленного фактом законодательно установленного права на иммунитет и принципом неотвратимости юридической ответственности.

Существует тесная связь правового иммунитета с категориями «законность» и «государственная дисциплина», которая обусловлена повышенной ответственностью субъектов, обладающих иммунитетом, за свои действия. При этом в своей деятельности они должны следовать не только правовым нормам, но и нормам морали и профессиональной этики.

Правовой иммунитет – это юридически закрепленное преимущество, состоящее в нераспространении общих правил об ответственности за совершенное правонарушение на определенных лиц, служащее дополнительной гарантией их защиты в связи с осуществлением профессиональной деятельности. Видится необходимой разработка такой дефинитивной нормы и включение ее во все законодательные акты, которые закрепляют правовой статус лиц, обладающих правовым иммунитетом в каком-либо объеме.

Правовой иммунитет обладает исключительно публично-правовым характером. Это обусловлено созданием особого юридического режима защищенности определенной категории лиц с гарантией нераспространения на них юридической ответственности, мер процессуального принуждения, установленных различными отраслями права. В отличие от привилегий и льгот, иммунитет не является личным преимуществом субъекта, не приносит ему материальной выгоды, а выступает необходимым способом юридической защиты его профессиональной деятельности.

Правовой иммунитет – это общеправовая категория, закрепленная в отраслевом законодательстве, что обуславливает наполнение ее специфическими признаками и свойствами каждой отрасли права. В конституционном праве иммунитет выступает как важнейшая гарантия обеспечения стабильности функционирования государственного аппарата, в уголовном праве – как правомерное отступление от принципа равенства, в административном праве – как гарантия дифференцированного подхода в процессе привлечения к юридической ответственности определенных категорий субъектов.

Нормы российского законодательства, регламентирующие правовой иммунитет, не систематизированы, часто имеют бланкетную форму изложения и противоречивый характер. В целях оптимизации правового регулирования и реализации правового иммунитета субъектами публичного права в России необходимо:

- унифицировать понятие правового иммунитета;

– упорядочить объемы правового иммунитета с учетом потребностей общества и государства для исключения расширенного понимания иммунитета и его необоснованной реализации;

– установить четкие границы между необходимостью дополнительной защиты лица, выполняющего важные для государства и общества функции, и недопущением безнаказанности данного лица в случае совершения им правонарушений;

– упразднить существующие процессуальные нормы и институты, создающие излишние сложности при привлечении виновных лиц к юридической ответственности;

– повышение уровня правовой культуры субъектов, наделенных правовым иммунитетом, установление дисциплинарной ответственности за факт неправомерного ухода от юридической ответственности в силу якобы имеющегося иммунитета;

– правовое воспитание граждан, пропаганда адекватного понимания правового иммунитета (неприкосновенности) как цивилизованного средства правовой защиты лиц, выполняющих важные государственные функции в целях обеспечения стабильного состояния общества и государства, эффективного осуществления правосудия и борьбы с преступностью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Социальная ответственность выступает всеобщей социально-философской категорией, представляет собой готовность и способность субъекта отвечать за результаты своей деятельности, его оценочное отношение к действиям (бездействиям) на предмет соответствия их принятым в обществе стандартам поведения, идеалам, ценностным ориентирам через систему оценки, включает два компонента (субъективный, объективный), имеет два значения (позитивное, негативное), классифицируется по формам и видам, которые, отличаясь друг от друга по разным основаниям, не противостоят, а взаимодействуют друг с другом, что в дальнейшем будет усиливаться.

Философы, социологи отдают приоритет субъекту, позитивной ответственности, юристы – нормам, ретроспективной (негативной) ответственности, поэтому существует определенное противостояние социальной и правовой ответственности, для преодоления которого необходимо придерживаться правила – родовое понятие (социальная ответственность) определяет видовое понятие (правовая ответственность), а не наоборот.

На основе идеи иметь два определения права (для глубокого познания, для практического использования) следует различать правовую ответственность (доктринальная модель, опирается на методологический фундамент гуманитарных наук, структурный элемент права как социального явления, форма социальной ответственности) и юридическую ответственность (нормативная модель, имеет четко выраженную структуру, состоит из жестко связанных элементов, закрепляется в источниках права). Определив различия, в дальнейшем правовая и юридическая ответственность будут использоваться как тождественные понятия.

Юридическая ответственность – это межотраслевой институт права и признак (свойство) субъекта права. Ответственность как институт права состоит из однородных обособленных общественных отношений, включающих общие структурные элементы (нормативный, поведенческий, оценочный). Существо ответственности как признака (свойства) субъекта права заключается в том, что

субъект права осуществляет свои права и свободы своей волей и в своем интересе под свою ответственность, пользуется результатами действий (бездействий) других лиц, не прибегая к требованию, притязанию, принуждению.

Предмет правового регулирования института юридической ответственности отличается неполнотой (включает правомерное поведение и правонарушение, представления о которых остаются противоречивыми и неоднозначными), рассматривается изолированно, вне связи с другими видами поведения, широко используемыми в юридической литературе и социальной практике (позитивное, негативное, отклоняющееся). В результате проведенного анализа он уточнен, детализирован, расширен, в него включены три группы общественных отношений, связанные с позитивным, негативным и позитивным отклоняющимся поведением. Наличие многочисленных моделей поведения привело к выделить базовые основания юридической ответственности (наиболее распространенные, основные) и квази-основания («как бы», «якобы», «почти»).

Объективные проявления негативной и позитивной юридической ответственности имеют общие черты, например, отражаются в правовых нормах (правомерное поведение, правонарушение, диспозиция, санкция), различия обусловлены выбором центральной категории (норма права или субъект права). В негативной ответственности – это норма права (нет нормы – нет ответственности), в позитивной ответственности – это субъект права, который совершает действия (бездействия) своей волей и в своем интересе под свою ответственность, в соответствии с правовыми нормами, а при их отсутствии в соответствии с ориентирами надлежащего поведения (оценочными категориями).

Позитивная юридическая ответственность может рассматриваться как признак (свойство) субъекта права для чего необходимо отойти от статики, в соответствии с которой субъекты права всегда одинаковы (правоспособность, дееспособность) перейти к динамике – действующим субъектам права, которые отличаются друг от друга по степени усвоения ценностей, правосознанию, состоянию (меры) свободы, ответственности, жизненному и профессиональному опыту и т. д.; признать возможность субъекта права своей волей и в своем интересе осуществлять

субъективные права необходимым элементом его существования, основой правовой системы.

Оценочные категории (добросовестность, разумность, справедливость, честность, заботливость, осмотрительность) – это объективные проявления позитивной юридической ответственности, ориентиры надлежащего поведения, они носят абстрактный, обобщающий, морально-этический, ценностный характер, устанавливают критерии, которым поведение субъекта права должно соответствовать, а также определенные границы, за рамки которых субъект права выйти не может.

Выделены два подхода к определению категории «субъект права»: классический (право-и дееспособность), базируется на позитивизме, выступает необходимым элементом, условием реализации негативной юридической ответственности; постклассический (субъект – центр правовой системы), опирается на разные направления, является необходимым элементом позитивной юридической ответственности (действующие субъекты права – носители позитивной ответственности).

Обоснована необходимость выделения публичных и частных субъектов: а) в научном плане – это разработка концепций, предусматривающих разделение ответственности между государством, предпринимателями, гражданским обществом; б) в правотворческой деятельности – это четкое разграничение, выделение, установление сфер использования двух основных типов правового регулирования – разрешительного (запрещено все, кроме прямо разрешенного), общедозволяющего (дозволено все, кроме того, что запрещено); в) в правоприменительной деятельности – это разрешение конкретных споров по распределению материальной юридической ответственности с участием субъектов публичного права (поведение может рассматриваться как поведение самого государства) и частного права (поведение не может рассматриваться как поведение самого государства).

Выделена основная тенденция – постоянно расширяется круг субъектов публичного права путем передачи государством своих полномочий, поэтому следует внедрять принципы ответственности государства за действия (бездействия)

негосударственных, полугосударственных субъектов – поведение таких субъектов может рассматриваться как поведение самого государства, для чего необходимо доказать наличие особой фактической связи между такими субъектами и государством (наделение элементами публичной власти, публичными функциями, публичными полномочиями; действия (бездействия) такого субъекта осуществляются по указанию, под руководством или контролем государства).

Обоснована трехзвенная (публичные, частные, особые) классификация субъектов, так как взаимопроникновение частного и публичного права, усложнение процесса государственного управления приводит к образованию особой группы субъектов, которых нельзя отнести ни к публичным, ни к частным, их ответственность распределяется по-разному, исходя из конкретной ситуации, требует установления наличия / отсутствия особой фактической связи между такими субъектами и государством.

Доказана необходимость введения новой классификации субъектов публичного права: суть права – регулировать общественные отношения путем воздействия на поведение субъектов права, нельзя рассуждать о системе, свойствах права без учета основного элемента – субъекта права; право представляет собой не иерархию норм, а иерархию субъектов права; субъекты публичного права различны, обладают как общими, так и разными полномочиями, их иерархия базируется на суверенитете, его основном признаке – верховенстве государственной власти и ее независимости. На основании чего выделяются первичные и вторичные субъекты права.

Выделены общие признаки субъектов публичного права – имеют нормативную (устанавливает статус, регулирует деятельность), институциональную (определяет организационно-правовую форму деятельности), материальную (источник финансирования, собственность) основы. Определены различия (по степени вовлеченности в формирование, реализацию функций государства, роли и месту в системе организационно-структурных элементов, характеру деятельности, принадлежности собственности, финансовой обособленности и т. д.), исходя из чего вопрос ответственности субъектов публичного права решается по-разному.

Система юридической ответственности субъектов публичного права базируется на взаимодействии всех форм социальной ответственности, понимания юридической ответственности как разновидности социальной ответственности, института права и свойства субъекта права, с позиций отраслевой и субъектной систематики, различий и иерархии субъектов публичного права.

Основы построения системы юридической ответственности субъектов публичного права как сложного социального образования включают: определение места и роли исследуемого явления в соотношении с социальной ответственностью и ее разновидностями; создание концептуальных и нормативных механизмов распределения ответственности по уровням, моделям, с учетом иерархии субъектов (первичные, вторичные); определение предмета правового регулирования, соотношение негативной и позитивной ответственности с позиций различий и иерархии субъектов; выделение видов (нематериальная, материальная, солидарная, субсидиарная), объемов (полный, ограниченный, повышенный).

Юридическая ответственность субъектов публичного права является сложной, динамично развивающейся системой. Ее статическая составляющая представлена пространственным, количественным объединением относительно неизменных элементов (нормы, виды), системообразующие связи между которыми отражаются в отраслевой структуре (отраслевые виды ответственности). Динамическая составляющая – это деятельность субъектов публичного права, процесс реализации позитивной и негативной ответственности.

На основании критериев, характеризующих государство как политическое, территориальное, организационное образование (форма правления, форма государственного устройства, аппарат государства, механизм государства) выделены группы субъектов публичного права с разным соотношением (политической, юридической), распределением (субсидиарная, солидарная) и объемом (полная, ограниченная, повышенная) ответственности.

В сфере нематериальной ответственности субъектов публичного права, отражающих форму правления, форму государственного устройства следует сохранять установленные правовые иммунитеты, особый порядок привлечения к уго-

ловной, административной ответственности, что продиктовано субъективными (например, правящая политическая партия всегда будет стремиться оградить себя от ответственности) и объективными причинами (деятельность осуществляется в условиях «социальных рисков», действует презумпция – государственные лица честно и добросовестно принимают решения в наилучших интересах общества и государства пока не доказано обратное), расширять и детализировать дисциплинарную ответственность (например, увеличивать перечень нарушений норм регламента, норм депутатской этики).

Материальная ответственность является основным видом ответственности в международном и национальном праве, приобретает все более важное значение и широкое распространение, поскольку доктрина ответственности ушла от презумпции законности государственных актов и действий государственных чиновников, пришла к признанию, что любой вред кем бы он не был причинен должен быть возмещен. Этому способствовало коренное изменение правового положения гражданина, который в современном государстве не может рассматриваться в качестве объекта управления, как это было свойственно прежним представлениям о государстве как о суверене.

Между правовым иммунитетом и юридической ответственностью существует парная взаимосвязь, которая проявляется: при осуществлении как регулятивной, так и охранительной функций; в процессе реализации субъективных прав и юридических обязанностей в конкретных правоотношениях; а также в существовании противоречия, обусловленного фактом законодательно установленного права на иммунитет и принципом неотвратимости юридической ответственности.

Правовой иммунитет – это общеправовая категория, закрепленная в отраслевом законодательстве, что обуславливает наполнение ее специфическими признаками и свойствами каждой отрасли права. В конституционном праве иммунитет выступает как важнейшая гарантия обеспечения стабильности функционирования государственного аппарата, в уголовном праве – как правомерное отступление от принципа равенства, в административном праве – как гарантия диффе-

ренцированного подхода в процессе привлечения к юридической ответственности определенных категорий субъектов;

Проблемами для Российской Федерации являются: наличие в законодательстве абстрактных, разрозненные норм ответственности, бессистемное введение новых видов и норм ответственности; негативная ответственность остается основной, имеет приоритетное значение как при разработке законодательных норм, так и при их реализации; отсутствует понимание того, что необходимо создавать нормативные основы распределения ответственности между государством, предпринимателями, гражданским обществом (ограниченное использование корпоративной социальной ответственности; доминирует тип социальное иждивенчество, поэтому нет четко установленных норм ответственности (кто за что отвечает), нормы могут меняться в целях обеспечения социальной защиты, например, проблемы обманутых дольщиков входят в зону ответственности частных лиц, но отвечает государство) и др.

Нормы российского законодательства, регламентирующие правовой иммунитет, не систематизированы, часто имеют бланкетную форму изложения и противоречивый характер. В целях оптимизации правового регулирования и реализации правового иммунитета субъектами публичного права в России необходимо: унифицировать понятие правового иммунитета; упорядочить объемы правового иммунитета с учетом потребностей общества и государства для исключения расширенного понимания иммунитета и его необоснованной реализации; установить четкие границы между необходимостью дополнительной защиты лица, выполняющего важные для государства и общества функции, и недопущением безнаказанности данного лица в случае совершения им правонарушений и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.03.2017).

2. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», ст. 15. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.03.2017).

3. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации», ст. 16. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.03.2017).

4. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», ст. 42. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.03.2017).

5. Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности» ст. 17. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.03.2017).

6. Федеральный закон от 08.05.1994 № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», ст. 21. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2017).

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.03.2017).

8. Федеральный закон от 12.02.2001 № 12-ФЗ «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи», ст. 3. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 01.03.2017).

9. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2017).

10. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.11.2016).

11. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.01.2017).

12. Указ Президента от 21.05.2012 № 636 «О структуре федеральных органов исполнительной власти». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2017).

13. Указ Президента РФ от 11.01.1995 № 32 «О государственных должностях Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2017).

14. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.07.2016).

Акты судебных органов

15. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 12.12.2001 № 56/83 «Ответственность государств за международно-противоправные деяния». Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 01.05.2017).

16. Постановление ЕСПЧ от 03.04.2012 «Дело «Котов (Kotov) против Российской Федерации» (жалоба N 54522/00). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.03.2017).

17. Постановление ЕСПЧ от 16.09.2014 «Дело «Михаил Витальевич Самсонов (Mikhail Vitalevich Samsonov) против Российской Федерации» (жалоба

№ 2880/10). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.03.2017).

18. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.02.1996 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений части первой и второй статьи 18, статьи 19 и части второй ст. 20 Федерального закона от 8 мая 1994 г. «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. – 1996. – № 9. – Ст. 828.

19. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.03.1996 № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан Р.И. Мухаметшина и А.В. Барбаша». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.03.2017).

20. Постановление Конституционного Суда РФ 20.12.1995 № 17-П «По делу о проверке конституционности ряда положений пункта “а” статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Смирнова». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.03.2017).

21. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.12.2005 № 12-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А.Г. Меженцева». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.03.2017).

22. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 08.12.2011 № 1623-О-О «По запросу Лабытнангского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности пункта «о» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.12.2015).

23. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30.03.1990 № 4 «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебными полномочиями, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должност-

ном подлоге». – URL: <http://ппвс.пф/1990-postanovlenie-plenuma-vs-rf.html> (дата обращения: 25.07.2016).

Специальная литература

24. Авакьян, С. А. Конституционное право России : учебный курс : в 2 т. / С. А. Авакьян. – М. : Юрист, 2005. – Т. 2. – 749 с.

25. Азми, Д. М. О классификации субъектов права в контексте исследования вопросов отраслевой систематики права / Д. М. Азми // Современное право. – 2011. – № 5. – С. 3–7.

26. Авдеенкова, М. П. Конституционно-правовые санкции и конституционная ответственность / М. П. Авдеенкова // Государство и право. – 2005. – № 7. – С. 85–89.

27. Авилова, М. Г. Корпоративная социальная ответственность в России: тенденции, проблемы, решения / М. Г. Авилова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 34. – С. 1–5. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/56712.htm>.

28. Агаев, Ф. А., Галузо, В. Н. Иммунитеты в уголовно-процессуальной деятельности / Ф. А. Агаев, В. Н. Галузо. – М. : Теис, 1998. – 135 с.

29. Алексеев, С. С. Частное право / С. С. Алексеев. – М. : Статут, 1999. – 158 с.

30. Алексеев, С. С. Общая теория права / С. С. Алексеев. М. : Юридическая литература, 1982. – Т. 2. – 360 с.

31. Алексеев, С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения / С. С. Алексеев. – М. : Норма, 2001. – 752 с.

32. Андреев, В. К. О сочетании частных и публичных начал в правовом регулировании предпринимательской деятельности / В. К. Андреев // Журнал российского права. – 2013. – № 1. – С. 21–25.

33. Аннерс, Э. История европейского права / Э. Аннерс. – М., 1996. – 395 с.

34. Антонинова, К. А. Юридическая ответственность публичной власти в современной России: конституционно-правовой аспект / К. А. Антонинова // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, дости-

жения и инновации : сборник статей XIV Международной научно-практической конференции : 2 ч. – Пенза, 2018. – С. 173–176.

35. Аполов, О. Г. Теория систем и системный анализ: курс лекций / О. Г. Аполов. – Уфа, 2012. – 274 с.

36. Артюхов, В. В. Общая теория систем: Самоорганизация, устойчивость, разнообразие, кризисы / В. В. Артюхов. – М. : Либроком, 2009. – 224 с.

37. Архипов, С. И. Субъект права: теоретическое исследование / С. И. Архипов. – СПб. : Юридический центр пресс, 2004. – 469 с.

38. Асп, Э. Введение в социологию / Э. Асп. – СПб. : Алетейя, 2000. – 256 с.

39. Баглай, М. В. Конституционное право России : учебник для вузов / М. В. Баглай. – 3-е изд., изм. и доп. – М. : Норма, 2002. – 784 с.

40. Базылев, Б. Т. Юридическая ответственность / Б. Т. Базылев. – Красноярск : Красноярский университет, 1985. – 120 с.

41. Байниязов, Р. С. Философия правосознания: постановка проблемы / Р. С. Байниязов // Правоведение. – 2001. – № 5. – С. 12–23.

42. Бакулина, Л. Т. Правовое регулирование в контексте интегративного правопонимания / Л. Т. Бакулина // Журнал российского права. – 2018. – № 1. – С. 103–109.

43. Балта, Д. М. Юридическая ответственность космических операторов / Д. М. Балта // Современные проблемы международного космического и воздушного права : материалы круглого стола XV Международного конгресса. – 2018. – С. 8–13.

44. Бекетова, С. М., Скрынников, Б. М. Правовое регулирование депутатской неприкосновенности на региональном уровне / С. М. Бекетова, Б. М. Скрынников // Журнал российского права. – 1998. – № 10/11. – С. 132–137.

45. Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.

46. Бержель, Ж. Л. Общая теория права / Ж. Л. Бержель. – М. : Нота бене, 2000. – 576 с.

47. Берман, Г. Д. Западная традиция права: эпоха формирования / Г. Д. Берман. – М. : МГУ, 1994. – 592 с.

48. Бессонова, И. С. Правовое регулирование корпоративной социальной ответственности: заграничный и Российский опыт / И. С. Бессонова, И. В. Николаева // Актуальные проблемы права : материалы III Международной научной конференции (Москва, ноябрь 2014 г.). – М. : Буки-Веди, 2014. – С. 20–23.

49. Богданов (Малиновский), А. А. Всеобщая организационная наука (тектология) / А. А. Богданов (Малиновский). – 3-е изд. – Л. ; М., 1925. – Ч. 1. – URL: http://www.pseudology.org/science/Bogdanov_Tektologia1a.pdf (дата обращения: 25.07.2016).

50. Бойко, А. И. Система и структура уголовного права : в 3 т. / А. И. Бойко. – Ростов н/Д : Изд-во ЮФУ, 2007. – Т. 1 : Системология и структурализм в современной познавательной культуре – 448 с.

51. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2003. – 1536 с.

52. Бойков, А. Суд. Скорый, да не очень. Правый, но не совсем. Милостивый, равный для всех? / А. Бойков // Российский судья. – 2002. – № 9. – С. 4–15.

53. Булатов, А. С. Юридическая ответственность и правообразовательный процесс / А. С. Булатов // Правоведение. – 1985. – № 2. – С. 57–61.

54. Быкова, А. А. Юридическая ответственность публичной власти как принцип правового государства / А. А. Быкова // Современные наукоёмкие инновационные технологии : сборник статей Международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 191–195.

55. Быкова, Е. А. Особенности ответственности Президента Российской Федерации / Е. А. Быкова // Общество и право. – 2011. – № 4 (36). – С. 94–96.

56. Бялкина, Т. М. Компетенция местного самоуправления: проблемы теории и правового регулирования : монография / Т. М. Бялкина. – Воронеж : Воронежский университет, 2006. – 408 с.

57. Величко, А. М. Нравственный идеал и право / А. М. Величко // Правоведение. – 2002. – № 2. – С. 187–203.

58. Ветрова, Г. Н. Уголовно-процессуальная ответственность / Г. Н. Ветрова ; отв. ред. А. М. Ларин. – М. : Наука, 1987. – 112 с.
59. Виноградов, В. А. Актуальные проблемы конституционно-правовой ответственности / В. А. Виноградов // Законодательство. – 2002. – № 10. – С. 55–64.
60. Винницкий, Д. В. Субъекты налогового права / Д. В. Винницкий. – М. : Норма, 2000. – 192 с.
61. Витрук, Н. В. Конституционное правосудие в России (1991–2001 гг.) : очерки теории и практики / Н. В. Витрук. – М. : Городец-издат, 2001. – 508 с.
62. Витрук, Н. В. Общая теория юридической ответственности : монография / Н. В. Витрук. – М. : Рап, 2008. – 304 с.
63. Витрук, Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе / Н. В. Витрук ; отв. ред. В. А. Патюлин. – М. : Наука, 1979. – 229 с.
64. Власенко, Н. А. Правопонимание в свете категорий определенности и неопределенности / Н. А. Власенко // Журнал российского права. – 2014. – № 2. – С. 37–44.
65. Воеводин, Л. Д. Конституционные права и обязанности советских граждан / Л. Д. Воеводин. – М. : Московский университет, 1972. – 300 с.
66. Воробьева, Т. В. Социальная ответственность личности в свете социально-гуманитарных и психолого-педагогических наук / Т. В. Воробьева // Социально-гуманитарные знания. – 2011. – № 4. – С. 328–333.
67. Вырлеева-Балаева, О. С. Ответственность государства перед личностью как средство ограничения государственной власти / О. С. Вырлеева-Балаева // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. – Оренбург, 2011. – Вып. 13. – С. 11–14.
68. Вязовова, С. Ю. Стандарт социальной ответственности «SA 8000» как основа системы социальной ответственности / С. Ю. Вязовова // Актуальные проблемы управления: теория и практика : материалы международной (заоч.) научно-практической конференции – Саратов : Академия управления, 2014. – С. 57–59.

69. Гарипов Р. Ф. Понятие субъекта юридической и политической ответственности / Р. Ф. Гарипов // Вектор науки ТГУ. Серия : Юридические науки. – 2014. – № 4 (19). – С. 22–24.

70. Герасимова, Н. Р. Юридическая ответственность: теоретико-правовой анализ / Н. Р. Герасимова // Законность и правопорядок в современном обществе – 2010. – Выпуск № 2-2. – С. 112–116.

71. Гидденс Э. Социология / Э. Гидденс. – М. : Эдиториал урсс, 1999. – 704 с.

72. Глухарева, Л. И. Юридическая ответственность как правовая конструкция / Л. И. Глухарева // Вектор науки ТГУ. – 2010. – № 3. – С. 44–47.

73. Голубок, С. А. Конституционное право России : учеб. пособие / С. А. Голубок. – 5-е изд. – М. : Риор, 2008. – 161 с.

74. Госдума одобрила штрафы для депутатов-прогульщиков // Российская газета. – 16.11.2016. – URL: <https://rg.ru/2016/11/16/gosduma-odobrila-shtrafy-dlia-deputatov-progulshchikov.html>.

75. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. – М. : Юрайт-Издат, 2007. – 993 с.

76. Графский, В. Г. О непреодоленных трудностях в создании интегральной юриспруденции / В. Г. Графский // Журнал российского права. – 2017. – № 7. – С. 19–24.

77. Гревцов, Ю. И. О хронических «болезнях» теории государства и права / Ю. И. Гревцов // Теория государства и права в науке, образовании, практике : монография / пред. ред. совета Т. Я. Хабриева. – М. : ИД Юриспруденция, 2016. – 480 с. – С. 318–326.

78. Гревцов, Ю. И. Проблемы юридических конструкций ответственности / Ю. И. Гревцов // Юридическая техника. – 2013. – № 7 (часть 2). – С. 200–203.

79. Гревцов, Ю. И. Субъект права / Ю. И. Гревцов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право. – 2014. – № 1. – С. 33–39.

80. Григорьев, В. В. Комментарий к ФЗ от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерально-

го Собрания Российской Федерации» / В. В. Григорьев. – М. : Деловой двор, 2010. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 01.03.2017).

81. Григорьева, Е. А. Комментарий к ФЗ от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» / Е. А. Григорьева (под ред. Н. И. Воробьева). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.03.2017).

82. Grimm, D. D. Курс римского права. Т. 1. Вып. 1. Введение. Учение об основных понятиях / Д. Д. Гримм. – СПб., 1904. URL: e-heritage.ru/ras/view/publication/general.html?id=46649484 (дата обращения: 25.07.2016).

83. Гутников, О. В. Субсидиарная ответственность в законодательстве о юридических лицах: вопросы правового регулирования и юридическая природа / О. В. Гутников // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 1. – С. 45–77.

84. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. Даль. – М., 1998. – Т. 2. – 2030 с.

85. Доминго, Б. Ж. Имущественная ответственность публичных органов власти в Испании / Доминго Белло Жанейро ; пер. с исп. И. П. Серебряков, А. А. Марцинковская, В. В. Давыдкин // Закон. – 2007. – № 6. – С. 215–225.

86. Доронина, О. М. Иммунитет российского депутата: конституционно-правовые основы и политическая практика в истории российского государства / О. М. Доронина // Право и политика. – 2009. – № 1. – С. 196–203.

87. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. – М. : Наука, 1991. – 576 с.

88. Еллинек, Г. Общее учение о государстве / Г. Еллинек. – СПб. : Юрид.центр Пресс, 2004. – 752 с.

89. Ельцов, Н. С. К вопросу о субъектном составе механизма реализации функций государства / Н. С. Ельцов // Вестник ТГУ. – 2015. – Т. 20, вып. 10. – С. 151–157.

90. Ефремов, А. Ф. Принципы законности и проблемы их реализации / А. Ф. Ефремов. – Т. : Толпи, 2000. – 298 с.

91. Задорожная, В. А. Производство по уголовным делам на началах равенства всех перед законом и судом : монография / В. А. Задорожная. – Ч. : ГОУ ВПО ЧЮИ МВД России, 2008. – 197 с.

92. Заиграева, Е. И. Необходимая оборона как обстоятельство, исключающее юридическую ответственность / Е. И. Заиграева // Проблемы становления гражданского общества : сборник статей VI Международной научной студенческой конференции. Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2018. – С. 30–33.

93. Затулина, Т. Н. Конституционно-правовой статус участников налоговых правоотношений / Т. Н. Затулина // Современное право. – 2007. – № 4. – С. 57–59.

94. Захаров, Д. С. Юридическая ответственность в условиях формирования правового государства / Д. С. Захаров // Уголовный закон: современное состояние и перспективы развития : материалы II Международной научно-практической конференции, приуроченной ко дню принятия Уголовного Кодекса РФ. Воронеж : АМиСта, 2018. – С. 36-38.

95. Захарцев, С. И., Сальников, В. П., Хабибудинов, А. Г. и др. Философия права, добра, зла и преступности. Рец. на кн. А. И. Александрова «Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса)» / С. И. Захарцев, В. П. Сальников, А. Г. Хабибудинов [и др.] // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 2. – С. 185–196.

96. Зеленко, Б. И. О политической ответственности / Б. И. Зеленко // Власть. – 2016. – № 4. – С. 138–143.

97. Йеринг, Р. Борьба за право / Р. Йеринг. – М. : Феникс, 1991. – 64 с.

98. Избиенова, Т. Утрата доверия как основание увольнения с государственной гражданской службы / Т. Избиенова // Кадровик. Трудовое право для кадровика. – 2013. – № 3. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 01.03.2017).

99. Ильин, И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 гг. : в 2 т. / И. А. Ильин. – М. : Парог, 1992. – Т. 1. – 616 с.

100. Индекс «Гражданская ответственность». Опубликовано в рамках реализации проекта ФОМ-СОЦ Фонда «Общественное мнение». – URL: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/11691>. (дата обращения: 01.03.2017).

101. Иншакова, А. О. Юридическая ответственность из деликтных обязательств: межотраслевые интерпретации современной юридической мысли / А. О. Иншакова // Legal Concept. – 2018. – Т. 17. – № 1. – С. 6-8.

102. Иоффе, О. С., Шаргородский, М. Д. Вопросы теории права / О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. – М. : Госюриздат, 1961. – 380 с.

103. История государства и права России : учебник / В. М. Клеандрова, Р. С. Мулукаев ; под ред. Ю. П. Титова. – 2-е изд., перераб и доп. – М. : Проспект, 2008. – 544 с.

104. Кадровая комиссия при Президенте РФ не согласилась с СКК. В экономическую коллегия ВС попадут не все рекомендованные судьи // Правовая социальная сеть для юристов. – URL: https://zakon.ru/discussion/2014/6/20/kadrovaya_komissiya_pri_prezidente_ne_soglasilas_s_skk_v_ekonomicheskuyu_kollegiyu_vs_popadut_ne_vs (дата обращения: 14.04.2016).

105. Кайзерова, Ю. А. Юридическая ответственность органов местного самоуправления / Ю. А. Кайзерова // Аллея науки. – 2018. – Т. 4. – № 3 (19). – С. 457–460.

106. Канке, В. А. Философия : учебное пособие / В. А. Канке. – М. : Логос, 2001. – 272 с.

107. Канке, В. А. Основы философии : учебник для студентов средних специальных учебных заведений / В. А. Канке. – М. : Логос, 2003. – 288 с.

108. Кант, И. Соч. : в 6 т. / И. Кант. – М. : Мысль, 1965. – Т. 4. – 544 с.

109. Капинус, Н. Если неприкасаемые, насколько? / Н. Капинус // Закон. – 2001. – № 9. – С. 3–6.

110. Керимов, Д. А. Культура и техника правотворчества / Д. А. Керимов. – М. : Юридическая литература, 1991. – 158 с.
111. Керимов, Д. А. Философские проблемы права / Д. А. Керимов. – М. : Мысль, 1972. – 472 с.
112. Кечекьян, С. Ф. Правоотношение в социалистическом обществе / С. Ф. Кечекьян. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – 185 с.
113. Колотова, Н. В. Соотношение права и морали в истории / Н. В. Колотова // Государство и право. – 1998. – № 8. – С. 114–119.
114. Комаров, С. А., Чепус, А. В. Позитивная юридическая ответственность: проблемы классификации / С. А. Комаров, А. В. Чепус // Юридическая мысль. – 2015. – № 5 (91). – С. 35–42.
115. Коннов, В. А. Юрисдикция Европейского суда по правам человека в отношении жалоб на нарушения, допущенные негосударственными субъектами / В. А. Коннов // Вестник экономической безопасности. – 2017. – №3. – С. 39-41.
116. Конституции государств Азии : в 3 т. / под ред. Т. Я. Хабриевой. – М. : Норма, 2010. – 541 с.
117. Конституции государств Европы : в 3 т. / под общ. ред. и со вступ. ст. Л. А. Окунькова. – М. : Норма, 2001. – Т. 3. – 790 с.
118. Конституции зарубежных государств / под ред. В. В. Маклакова. – М. : Волтерс Клувер, 2007. – 564 с.
119. Конституционное право России : учебник / отв. ред. А. Н. Кокотов и М. И. Кукушкин. – М. : Юрист, 2003. – 536 с.
120. Коркунов, Н. М. Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов. – М. : Юрайт, 2016. – 422 с.
121. Корнуков, В. М. Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве / В. М. Корнуков. – Саратов, 1987. – 179 с.
122. Косотурова, О. А. Дисциплинарная ответственность государственных гражданских служащих как вид юридической ответственности / О. А. Косотурова // Аллея науки. – 2018. – Т. 2. – № 5 (21). – С. 357–360.

123. Котков, Д. Зачем депутату иммунитет / Д. Котков // Труд. – 2000. – 24 февр.

124. Котковский Л. Э. Борьба с коррупцией в вооруженных силах Российской Федерации в свете принципов правового государства / Л. Э. Котковский // Вестник Калининградского юридического института МВД России. – 2012. – № 1. – С. 106–111.

125. Котковский Л. Э. К вопросу о классификации субъектов публичного права: проблема выбора критериев / Л. Э. Котковский // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2016. – № 4. – С. 104–107.

126. Котковский Л. Э. Проблемы понимания ответственности как социально-философской и правовой категории / Л. Э. Котковский // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 1 (51). – С. 138–141.

127. Котковский Л. Э. Позитивное поведение и юридическая ответственность / Л. Э. Котковский // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 2 (52). – С. 147–150.

128. Котковский Л. Э. Позитивная юридическая ответственность как признак (свойство) субъекта права / Л. Э. Котковский // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2018. – № 2. – С. 32 - 38.

129. Котковский Л. Э. Негативное поведение как основание юридической ответственности / Л. Э. Котковский // История государства и права. – 2018. – № 6. – С. 43–48.

130. Кравченко, А. А. Соотношение мер защиты и мер ответственности как способов защиты субъективных гражданских прав / А. А. Кравченко // Российский юридический журнал. – 2015. – № 2. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 01.03.2017).

131. Красинский, В. В. Современные подходы к теоретическому обоснованию защиты государственного суверенитета / В. В. Красинский // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2 (3). – С. 97–112.

132. Кряжков, А. В. Публичный интерес: понятие, виды и защита / А. В. Кряжков // Государство и право. – 1999. – № 10. – С. 91–99.

133. Кудрявцев, В. Н. О правопонимании и законности / В. Н. Кудрявцев // Советское государство и право. – 1994. – № 3. – С. 3–8.

134. Кузьмин, И. А. Юридическая ответственность и ее реализация : учебное пособие / И. А. Кузьмин. – Иркутск : изд-во ИГУ, 2013. – 219 с.

135. Кузьмин, И. А. Объективно-противоправное деяние как основание объективной (безвиновной) ответственности / И. А. Кузьмин // Вестник Омского университета. – Омск, 2011. – № 1 (26). – С. 39-44.

136. Курманбаев, М. М. Обстоятельства, исключаящие юридическую ответственность / М. М. Курманбаев // Правовестник. – 2018. – № 2 (4). – С. 75–78.

137. Кучеров, И. И. Налоговые привилегии и иммунитеты как институты международного налогового права / И. И. Кучеров // Финансовое право. – 2007. – № 4. – С. 2–4.

138. Лазарев, В. В. Поиск права / В. В. Лазарев // Журнал российского права. – 2004. – № 7. – С. 3–14.

139. Лазарева, О. В., Свобода воли и юридическая ответственность в избирательном процессе / О. В. Лазарева // Выборы в конституционной системе власти. Материалы IX Международного Конституционного Форума. С. : Саратовский источник, 2018. – С. 82–86.

140. Лапин, Н. И. Модернизация базовых ценностей россиян / Н. И. Лапин // Социологические исследования. – 1996. – № 5. – С. 3-23.

141. Ларин, В. Ю. Совершение преступления сотрудником органов внутренних дел как отягчающее наказание обстоятельство / В. Ю. Ларин // Юридическая наука. – 2013. – № 4. – С. 62-64.

142. Лейст, О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву / О. Э. Лейст. – М. 6 Издательство московского университета, 1981. – 240 с.

143. Летаева, Е. А. Деятельность инспекторов ДПС по пресечению административных правонарушений в области безопасности дорожного движения, со-

вершаемых лицами, обладающими правовым иммунитетом / Е. А. Летаева // Концепт. – 2014. – Спец. выпуск № 15. – С. 16-20.

144. Лигостаева, А. И., Орлов, А. А. Уголовная ответственность юридических лиц: зарубежный опыт и перспективы развития в РФ / А. И. Лигостаева, А. А. Орлов // Актуальные проблемы реформирования современного законодательства : сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа : Аэтерна, 2018. – С. 144–147.

145. Липинский, Д. А. Концепции позитивной юридической ответственности в отечественной юриспруденции / Д. А. Липинский // Журнал российского права. – 2014. – № 6. – С. 37–51.

146. Липинский, Д. А. Позитивная юридическая ответственность: за и против (часть 1) / Д. А. Липинский // Право и политика. – 2005. – № 11. – С. 9–18.

147. Макарейко, Н. В. Система юридической ответственности по действующему законодательству / Н. В. Макарейко // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 4 (28). – С. 56–62.

148. Малько, А. В. Правовые иммунитеты: понятие, цели / А. В. Малько // Правоведение. – 2000. – № 6 (233). – С. 11–22.

149. Малько, А. В., Суменков, С. Ю. Привилегии и иммунитеты как особые правовые исключения / А. В. Малько, С. Ю. Суменков. – Пенза : Информационно-издательский центр Пензинского государственного университета, 2005. – 180 с.

150. Малько, А. В., Маркунин, Р. С. Место и роль юридической ответственности органов публичной власти в концепции правовой политики в сфере юридической ответственности / А. В. Малько, Р. С. Маркунин // Вектор науки ТГУ. Серия : Юридические науки. – 2016. – № 2 (25). – С. 45–48.

151. Малько, А. В., Суменков, С. Ю. Правовой иммунитет: теоретические и практические аспекты / А. В. Малько, С. Ю. Суменков // Журнал российского права. – 2002. – № 2. – С. 16–23.

152. Малько, А. В. Правовые поощрения и правовые наказания: проблемы соотношения и взаимодействия / А. В. Малько // Современное право. – 2011. – № 9. – С. 12-14.

153. Мальцев, Г. В. Социальные основания права / Г. В. Мальцев. – М. : Норма, 2007. – 800 с.
154. Маркунин, Р. С. Система юридической ответственность органов публичной власти: постановка проблемы / Р. С. Маркунин // Юридическая наука. – 2015. – № 4. – С. 14–16.
155. Мартынов, А. А. Юридическая ответственность в публичном праве / А. А. Мартынов // Экономика, управление и право: инновационное решение проблем : сборник статей XIII Международной научно-практической конференции. Пенза : МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. – С. 236–238.
156. Медведев, Р. Владимир Путин – действующий президент / Р. Медведев. – М. : Время, 2002. – 476 с.
157. Международный стандарт ISO 26000 «Руководство по социальной ответственности». – URL: http://www.ksovok.com/doc/i_so_fdis_26000_rus.pdf (дата обращения: 16.04.2016).
158. Мендыбаева, Д. Т., Тулкинбаева, Ш. Ж. Юридическая ответственность за нарушение сроков и порядка рассмотрения обращений физических и юридических лиц / Д. Т. Мендыбаева, Ш. Ж. Тулкинбаева // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2018. – № 16–1. – С. – 180–182.
159. Минюшев, Ф. И. Социология культуры / Ф. И. Минюшев. – М. : Академ.Проект, 2004. – 270 с.
160. Миронов, О. О. Конституционный статус депутатов парламентов / О. О. Миронов // Журнал российского права. – 1997. – № 4. – С. 130–138.
161. Мордовец, А. С. Юридическая ответственность должностных лиц по российскому законодательству как средство борьбы с коррупцией: XXI век / А. С. Мордовец // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2018. – № 16–2. – С. 179–181.
162. Мотовиловкер, Е. Я. Основное разделение охранительных правоотношений // Вопросы теории охранительных правоотношений / Е. Я. Мотовиловкер. – Ярославль, 1991. – С. 25–27.

163. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / отв. ред. В. В. Лазарев. – 2-е изд., доп. и перераб. – М. : Спарк, 2001. – 670 с.

164. Новейший философский словарь. – 3-е изд., исправ. – Минск : Книжный дом, 2003. – 1280 с.

165. Носков, С. А. О понятии института юридической ответственности / С. А. Носков // Право и политика. – 2007. – № 3. – С. 13–19.

166. О фискалах и о их должности и действии – именной Указ Петра I от 17 марта 1714 года // Российское законодательство X–XX веков. – М. : Юридическая литература, 1986. – Т. 4. – 512 с.

167. Обеднин, В. К. О некоторых аспектах юридического иммунитета / В. К. Обеднин // Подходы к решению проблем законотворчества и правоприменения : межвузовский сборник научных трудов. – Омск, 1997. – Вып. 2. – С. 89–96.

168. Общая теория государства и права : академический курс : в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. – М. : Норма, 2007. – Т. 2. – 802 с.

169. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 1989. – 944 с.

170. Окриашвили, Т. Г. Принцип безвиновной ответственности в контексте проблем типов правопонимания: теоретический анализ / Т. Г. Окриашвили // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2016. – № 4. – С. 22–25.

171. Окулич, И. П. Проблемы правового статуса депутата законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации / И. П. Окулич. – Челябинск : Околица, 2003. – 252 с.

172. Ореховский, А. И. Проблема ответственности в развитии общества / А. И. Ореховский. – Новосибирск : СибГУТИ, 2005. – 158 с.

173. Ореховский, А. И. Философия ответственности : монография / А. И. Ореховский. – Новосибирск, 2013. – 288 с.

174. Основные институты гражданского права зарубежных стран : монография / отв. ред. В. В. Залесский. – М., 2009. – 1184 с.

175. Павлов, В. И. Синергийно-антропологическая концепция правового сознания / В. И. Павлов. – URL: <http://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2010/05/pavlovconcept.pdf> (дата обращения: 15.03.2017).

176. Парфенова, М. Конституционное право на свободу и личную неприкосновенность в досудебных стадиях уголовного процесса / М. Парфенова // Уголовное право. – 2002. – № 4. – С. 58–59.

177. Патюлин, В. А. Неприкосновенность личности как правовой институт / В. А. Патюлин // Советское государство и право. – 1973. – № 11. – С. 12–20.

178. Петрухин, И. Л. Проблема судебной власти в современной России / И. Л. Петрухин // Государство и право. – 2000. – № 8. – С. 5–10.

179. Пилявец, С. В., Старостина, С.А. Институт юридической ответственности парламентариев в российском законодательстве: конституционно-правовой и административно-правовой аспекты / С. В. Пилявец, С. А. Старостина // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – № 2 (36). – С. 77–74.

180. Пилявец, С. В., Старостина, С.А. К вопросу о юридической ответственности субъектов публичного права / С. В. Пилявец, С. А. Старостина // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права : сборник статей по материалам ежегодной всероссийской научно-практической конференции (Сорокинские чтения, 25 марта 2016 г.). – СПб., 2016. – Т. 2. – С. 93–101.

181. Погодин, А. В. Субъективное право в правореализации не существует в чистом виде / А. В. Погодин // Право и государство: теория и практика. – 2015. – № 10. – С. 10–12.

182. Погодин, А. В. Дефект права как деструктивный элемент его содержания / А. В. Погодин // Теория государства и права в науке, образовании, практике : монография. – М. : ИД Юриспруденция, – 2016, – С. 215–224.

183. Поводова, Е. В., Савельева, О. Е. Вина и ответственность «без вины» в гражданском праве / Е. В. Поводова, О. Е. Савельева // Молодежь и наука: реаль-

ность и будущее : материалы III международной научной конференции. – Невинномысск : НИЭУП, 2010. – Т. 2: Филологические и юридические науки. – С. 468–470.

184. Поляков, А. В. К понятию субъекта права / А. В. Поляков // Постклассическая онтология права : монография / под ред. И. Л. Честнова. – СПб.: Алетейя, 2016. – 688 с.

185. Поляков, А. В. Прощание с классикой, или Как возможна коммуникативная теория права / А. В. Поляков // Российский ежегодник теории права. – 2008. – № 1. – СПб. : Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2009. – С. 9–42.

186. Поляков, А. В. Связь человеческой личности, права и государства с понятием суверенитета / А. В. Поляков // Постклассическая онтология права : монография / под ред. И. Л. Честнова. – СПб. : Алетейя, 2016. – 688 с.

187. Попова, Л. Е. Участие в выборах – право, долг, обязанность каждого гражданина / Л. Е. Попова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – Т. 30. – С. 201–205.

188. Поцелуев, Е. Л., Горбунов, А. Е. О дефиниции «юридическая ответственность» / Е. Л. Поцелуев, А. Е. Горбунов // Юридический вестник Самарского университета. – 2018. – Т. 4. – № 1. – С. 16–22.

189. Прохоров, В. С. Преступление и ответственность : монография / В. С. Прохоров. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – 136 с.

190. Примак, Т. К. Юридическая ответственность органов исполнительной власти: теоретико-правовые проблемы / Т. К. Примак // Актуальные проблемы современного российского государства и права : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2015. – С. 8–14.

191. Пугинский, Б. И. Теория и практика договорного регулирования / Б. И. Пугинский. – М. : Зерцало-М, 2008. – 224 с.

192. Репьев, А. Г. Категория «иммунитет» в системе правовых преимуществ: теория, методология, практика / А. Г. Репьев ; под ред. Проф. А. С. Мордовца. – М. : Перо, 2013. – 233 с.

193. Решетов, Ю. С. Правовое регулирование и реализация права / Ю. С. Решетов // Вестник Пермского университета : Серия «Юридические науки». – 2015. – № 3. – С. 24–29.

194. Розов, М. А. Проблема понимания и объяснения в гуманитарных науках / М. А. Розов // Философия. Общество. Культура. – Самара, 2007. – 25 с.

195. Рощина, И. В., Щадилов, Г. А., Рощина, Г. С. Многоуровневая социальная ответственность: содержание, необходимость, роль / И. В. Рощина, Г. А. Щадилов, Г. С. Рощина // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 323. – С. 280–284.

196. Рубинштейн, С. Л. О мышлении и путях его исследования / С. Л. Рубинштейн ; АН СССР, Ин-т психологии. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – 145 с.

197. Рудинский, Ф. М. Личность и социалистическая законность / Ф. М. Рудинский. – Волгоград : ВСШ, 1976. – 70 с.

198. Рунец, С. В. Публично-правовая ответственность / С. В. Рунец // Бизнес в законе. – 2010. – № 3. – С. 11–12.

199. Русских, В. В. Юридическая ответственность как правовой феномен / В. В. Русских // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. – 2018. – № 2 (31). – С. 103–108.

200. Сабо, И. Основы теории права / И. Сабо. – М. : Прогресс, 1970. – 270 с.

201. Савин, В. Н. Ответственность государственной власти перед обществом / В. Н. Савин // Государство и право. – 2000. – № 12. – С. 64–72.

202. Саммерс, Р. С. Господствующая правовая теория в США / Р. С. Саммерс // Советское государство и право. – 1989. – № 7. С. 109–116.

203. Сапаргалиев, Г. С., Салимбаева, Ж. Ч. Проблемы конституционной ответственности / Г. С. Сапаргалиев, Ж. Ч. Салимбаева. – Алматы: Жеті жарғы, 2001. – 152 с.

204. Сержантов, В. Ф. Человек, его природа, и смысл бытия / В. Ф. Сержантов. – Л. : Издательство Ленинградского университета, 1990. – 360 с.

205. Сидоренко, А. И., Ибрагимов, Ю. Э. Интегративное понимание права / А. И. Сидоренко, Ю. Э. Ибрагимов // Журнал российского права. – 2017. – № 7. – С. 33–45.

206. Смирнова, М. В., Торнхилл, К. Роль судов и международного права в процессе вторичной конституционализации в России / М. В. Смирнова, К. Торнхилл // Журнал российского права. – 2016. – № 6. – С. 40–48.

207. Смоленский, М. Б. Правовая культура, личность и гражданское общество в России: формула взаимообусловленности / М. Б. Смоленский // Правоведение. – 2003. – № 1. – С. 197–204.

208. Соборное Уложение 1649 г. // Отечественное законодательство XI–XX веков. Ч. 1 (XI–XIX вв.) / под ред. проф. О. И. Чистякова. – М. : Юристъ, 1999. – 464 с.

209. Соколов А. Н., Котковский Л. Э. Институты правового государства – в законотворчество и правоприменение России / А. Н. Соколов, Л. Э. Котковский // Вестник Калининградского юридического института МВД России. – 2012. – № 4. – С. 46–50.

210. Соколов А. Н., Котковский Л. Э. О принципах правового государства / А. Н. Соколов, Л. Э. Котковский // Законы России: опыт, анализ, практика – 2013. – № 9. – С. 71–81.

211. Сокрашкин, Э. Г. Проблемы реализации института утраты доверия / Э. Г. Сокрашкин. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.01.2016).

212. Сопельцева, Н. С. Иммунитет Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий / Н. С. Сопельцева // Конституционное и муниципальное право. – 2005. – № 5. – С. 22–26.

213. Сорокин, В. В. Стадии юридической ответственности / В. В. Сорокин // Правовая мысль в образовании, науке и практике. – 2018. – № 3 (7). – С. 105–107.

214. Старостина, С. А. К вопросу о юридической ответственности членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации / С. А. Старостина // Сборник материалов ежегодной

научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В. Д. Сорокина от 21.03.2014 «Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права». – СПб., 2014. – Ч. 2. – С. 79–82.

215. Строгович, М. С. Сущность юридической ответственности / М. С. Строгович // Советское государство и право. – 1979. – № 5. – С. 72–78.

216. Судебник 1497 г. // Отечественное законодательство XI–XX веков. Ч. 1. (XI–XIX вв.) / под ред. проф. О. И. Чистякова. – М. : Юристъ, 1999. – 464 с.

217. Сухонос, В. В. Юридическая ответственность главы государства как главный фактор разделения форм правления / В. В. Сухонос. // Труды Международной научной конференции «Проблемы формы Российского государства: прошлое, настоящее, будущее» (8 февраля 2012 г.) / под ред. И. А. Иванникова ; ФГБОУ ВПО РГУПС. – Ростов н/Д, 2012. – С. 83–86.

218. Теория государства и права : учебник для вузов / В. В. Лазарев, С. В. Липень. – М. : Юрайт, 2010. – 634 с.

219. Теория компетенции / Ю. А. Тихомиров – М. : Изд. г-на Тихомирова, 2001. – 355 с.

220. Ткаченко, А. А. Юридическая ответственность – институт права / А. А. Ткаченко // Право и государство: теория и практика. – 2011. – № 12. – С. 21–25.

221. Тон, А. Правовая норма и субъективное право. Исследования по общей теории права (часть третья) / А. Тон // Вестник гражданского права. – 2012. – № 3. – С. 241–280.

222. Травенко, Е. Н., Породенко, В. А., Ломакина, Л. И. и др. Дискурс о формировании способности и готовности врача нести юридическую ответственность за профессиональные правонарушения / Е. Н. Травенко, В. А. Породенко, Л. И. Ломакина [и др.] // Инновации в образовании. Материалы IX региональной межвузовской учебно-методической конференции с международным участием. Краснодар : Плехановец, 2018. – С. 292–295.

223. Тульчинский, Г. Л. Свобода как человеческое измерение бытия / Г. Л. Тульчинский // Вопросы философии. – 2006. – № 4. – С. 17–31.
224. Тункин, Г. И. Теория международного права / Г. И. Тункин. – М.: Международные отношения, 1970. – С. 511.
225. Умнова, И. А. Конституционные законы современного российского федерализма / И. А. Умнова. – М. : Дело, 1998. – 280 с.
226. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // Российское законодательство X–XX веков. – М. : Юридическая литература, 1991. – Т. 8. – 496 с.
227. Фарбер, И. Е. Конституционное право на неприкосновенность личности советских граждан / И. Е. Фарбер // Правоведение. – 1973. – № 3. – С. 3–20.
228. Философский словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
229. Финогентова, О. Е., Токарев, В. А. Зарождение социологической теории права в СССР / О. Е. Финогентова, В. А. Токарев // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2017. – Вып. 35. – С. 16–32.
230. Хабермас, Ю. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека / Ю. Хабермас // Вопросы философии. – 2012. – № 2. – URL: http://vphil.ru/index.php?id=474&option=com_content&task=view (дата обращения: 01.10.2017).
231. Хабриева, Т. Я. Современные подходы к классификации юридических лиц / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2014. – № 10. – С. 5-16.
232. Халфина, Р. О. Общее учение о правоотношении / Р. О. Халфина. – М. : Юрид. лит., 1974. – 351 с.
233. Хачатуров, Р. Л., Ягутян, Р. Г. Юридическая ответственность / Р. Л. Хачатуров, Р. Г. Ягутян. – Тольятти А Print : Междунар. акад. бизнеса и банк. дела, 1995. – 196 с.
234. Хачатуров, Р. Л. Позитивная и ретроспективная юридическая ответственность / Р. Л. Хачатуров // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия : Юридические науки. – 2014. – № 1 (16). – С. 106–109.

235. Хачатуров, Р. Л. Системность юридической ответственности / Р. Л. Хачатуров // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия : Юридические науки. – 2013. – № 3 (14). – С. 47–49.

236. Цыганов, В. И., Демин, А. А. Причинение вреда и юридическая ответственность / В. И. Цыганов, А. А. Демин // Legal Concept. – 2018. – Т. 17. – № 1. – С. 31–38.

237. Чалых, И. С., Леонтьев, С. О. Юридическая ответственность депутатов Государственной Думы за нарушение процедуры голосования / И. С. Чалых, С. О. Леонтьев // Современное право. – 2018. – № 1. – С. 34–39.

238. Чепус, А. В. Теория позитивной юридической ответственности : монография / А. В. Чепус. – М. : Проспект, 2016. – 160 с.

239. Честнов, И. Л. Проблема субъекта права в современной юридической науке / И. Л. Честнов // Юридическая мысль. – 2007. – Т. 41. – № 3. – С. 90–94.

240. Шамаров, В. М. Принципы юридической ответственности / В. М. Шамаров // Вестник Екатеринбургского института. – 2014. – № 2 (26). – С. 54–60.

241. Шамаров, В. М. Правообразование в системе гражданского общества / В. М. Шамаров // Право и общество. – 2017. № 1 (23). – С. 139–145.

242. Шаханин, В. А. Государственная администрация в странах Южной Европы: конституционно-правовые основы деятельности / В. А. Шаханин // Право: история, теория, практика : материалы IV международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, июль 2016 г.). – СПб. : Свое издательство, 2016. – С. 25–29.

243. Шевченко, Ю. П., Косицин, И. А. Полицейские меры, применяемые в сфере безопасности дорожного движения в отношении лиц, обладающих иммунитетом / Ю. П. Шевченко, И. А. Косицин // Правопорядок: история, теория, практика. – 2015. – № 1 (4). – С. 127–131.

244. Щеглова, А. А., Зайцева, Т. А. Некоторые аспекты определения понятия «юридическая ответственность» в теории права / А. А. Щеглова, Т. А. Зайцева // Правовая система России: история, современность, тенденции развития. Сборник материалов V заочной всероссийской научно-практической конференции с

международным участием. Благовещенск : Амурский государственный университет, 2018. – С. 176–179.

245. Эбзеев, Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации / Б. С. Эбзеев. – М. : Юридическая литература, 2005. – 576 с.

246. Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б. Н. Топорнин. – М. : Юристъ, 2001. – 1267 с.

247. Яковлев, В. Ф., Талапина, Э. В. Юридические лица и субъекты публичного права: в поисках правового баланса / В. Ф. Яковлев, Э. В. Талапина // Журнал российского права. – 2016. – № 8. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/57243217/#ixzz4z5KaJe2P> (дата обращения: 17.05.2017).

248. Яковлева, Т. С., Федосеев, Р. В. Юридическая ответственность государственного служащего / Т. С. Яковлева, Р. В. Федосеев // Государственная власть и управление: проблемы и перспективы : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – 2018. – С. 175–177.

249. Ястребов, О. А. Юридическое лицо публичного права: вопросы теории / О. А. Ястребов. – М. : Наука, 2010. – 383 с.

Диссертации и авторефераты

250. Агаев, Ф. А. Иммунитеты в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Агаев Фахраддин Алладин-Оглы. – М., 1997. – 24 с.

251. Акбашев, Р. Р. Ограниченная юридическая ответственность в российском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01/ Акбашев Рафаэль Ралифович. – Казань, 2015. – 23 с.

252. Андреева, И. А. Возмещение вреда государством как конституционно-правовой институт : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Андреева Инна Андреевна – М., 2010. – 27 с.

253. Антонов, И. П. Немецкая концепция международного права: эволюция теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : Антонов Игорь Петрович. – М., 2008. – 49 с.

254. Бабаджанян, К. А. Взаимная ответственность личности и государства как основа гармонизации взаимоотношений между ними (теоретико-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Бабаджанян Кристина Аваковна. – Саратов, 2013. – 183 с.

255. Белов, А. В. Социальная ответственность: содержание и механизм реализации : дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Белов Алексей Вячеславович. – Волгоград, 2011. – 148 с.

256. Болгова, В. В. Публичное право: проблемы теории, методологии, практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Болгова, Виктория Владимировна. – Тамбов, 2009. – 48 с.

257. Бугаевская, Н. В. Должностное лицо как субъект преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Бугаевская Наталья Валентиновна. – Рязань, 2003. – 23 с.

258. Бухтерева, М. А. Формы реализации функций государства : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01/ Бухтерева Мария Алексеевна. – М., 2002. – 202 с.

259. Гаврилов, В. Н. Категория субъективного права в отечественном правоведении : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Гаврилов Виктор Николаевич. – Казань, 2006. – 18 с.

260. Геворгян, К. М. Принцип целесообразности в механизме реализации юридической ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Геворгян Карен Микаелович. – Самара, 2012. – 27 с.

261. Гишинский, Я. И. Социологическое исследование преступности и иных антиобщественных проявлений (вопросы теории и методики) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Гишинский Яков Ильич. – М., 1985. – 44 с.

262. Гогин, А. А. Общая концепция правонарушений: проблемы методологии, теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Гогин Александр Александрович. – Казань, 2011. – 40 с.

263. Грузинов, В. А. Форма правления современного российского государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. – Саратов, 2008. – 26 с.

264. Гущева, Н. В. Ответственность чиновников за должностные проступки и преступления по русскому дореволюционному законодательству в XIX – начале XX века : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. – Н. Новгород, 2006. – 31 с.

265. Даньков, А. А. Обеспечение баланса публичных и частных интересов в сфере правосудия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Грузинов Василий Алексеевич. – М., 2014. – 34 с.

266. Денисов, П. А. Административно-правовой статус государственных корпораций : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Денисов Павел Александрович. – М., 2010. – 26 с.

267. Дик, В. П. Ответственность в системе общественных отношений: взаимосвязь общих и особенных свойств : автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Дик Владислав Петрович. – Улан-Удэ, 2015. – 25 с.

268. Дмитриева, О. В. Ответственность без вины в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Дмитриева Ольга Викторовна. – СПб., 1996. – 21 с.

269. Долгополова, М. В. Актуальные проблемы предмета и метода правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Долгополова Мария Владимировна. – СПб., 2009. – 26 с.

270. Дурново, Н. А. Злоупотребление правом как особый вид правового поведения: теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Дурново Наталья Александровна. – Н. Новгород, 2006. – 27 с.

271. Емельянов, И. В. Ответственность как регулятор социально-политических отношений : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Емельянов Игорь Викторович. – Челябинск, 2015. – 26 с.

272. Заболотный, С. Н. Гражданско-правовой статус автономного образовательного учреждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Заболотный Сергей Николаевич. – М., 2015. – 25 с.

273. Заднепровская, М. В. Осуществление юридической ответственности и социалистическая законность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Заднепровская Марина Валентиновна. – М., 1984. – 17 с.

274. Зуйков, А. В. Эволюция института президентства Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. – М., 2009. – 343 с.

275. Каплюк, М. А. Административно-правовой статус федеральных государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Каплюк Максим Алексеевич. – Ростов н/Д, 2007. – 25 с.

276. Карманова, Е. В. Обязательства вследствие причинения вреда правомерными действиями в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Карманова Екатерина Васильевна. – М., 2012. – 25 с.

277. Кархалев Д. Н. Соотношение мер защиты и мер ответственности в гражданском праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Кархалев Денис Николаевич. – Екатеринбург, 2003. – 22 с.

278. Касаткина, Н. А. Формы государственного устройства современности: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Касаткина Наталия Александровна. – Белгород, 2015. – 23 с.

279. Клюня, А. Ю. Ответственность за нарушение обязательств, вытекающих из императивных норм международного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Клюня Алесь Юрьевич. – М., 2016. – 28 с.

280. Кожевников, О. А. Юридическая ответственность в системе права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Кожевников Олег Александрович. – Саратов, 2003. – 20 с.

281. Козлачкова, Е. А. Физическое лицо как субъект права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Козлачкова Екатерина Анатольевна. – М., 2014. – 31 с.

282. Кондрашев, А. А. Теория конституционно-правовой ответственности в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Кондрашев Андрей Александрович. – М., 2011. – 416 с.

283. Коновалов, В. А. Совершенствование государственного аппарата в Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Коновалов Валерий Алексеевич. – М., 2001. – 22 с.

284. Куличков, А. С. Правовой статус муниципально-властных институтов в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Куличков, Александр Сергеевич. – М., 2013. – 24 с.

285. Кушхова, Б. З. Юридическая ответственность публичной власти в современной России: общетеоретический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Кушхова Бэла Залимовна. – Краснодар, 2009. – 28 с.

286. Лавренюк, А. В. Субъекты публичного права: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Лавренюк Антон Владимирович. – М., 2007. – 23 с.

287. Лампадова, С. С. Юридический иммунитет: теоретико-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Лампадова Светлана Сергеевна. – СПб., 2002. – 19 с.

288. Липинский, Д. А. Формы реализации юридической ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Липинский, Дмитрий Анатольевич. – Саратов, 1999. – 22 с.

289. Малиновский, А. А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Малиновский Алексей Александрович. – М., 2009. – 52 с.

290. Маркунин, Р. С. Юридическая ответственность депутатов и органов представительной власти: общетеоретический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Маркунин Роман Сергеевич. – Саратов, 2013. – 29 с.

291. Марченко, Ю. В. Правовые формы осуществления государственных функций : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Марченко Юлия Владимировна. – Саратов, 2008. – 22 с.

292. Маштаков, К. М. Теоретические вопросы разграничения публичного и частного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Маштаков Константин Михайлович. – Волгоград, 2001. – 26 с.

293. Мелешников, А. В. Международно-правовая ответственность: понятие, процессуальные вопросы реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Мелешников Алевтин Васильевич. – Л., 1985. – 22 с.

294. Мирошник, С. В. Правовые стимулы в российском законодательстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Мирошник Светлана Валентиновна. – Ростов н/Д, 1997. – 26 с.

295. Морозова, И. С. Теория правовых льгот : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Морозова Инна Сергеевна. – Саратов, 2007. – 449 с.

296. Никифорова, Е. А. Политическое влияние как фактор развития права в современной России: теоретико-правовые аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Никифорова Елена Александровна. – Н. Новгород, 2006. – 205 с.

297. Носков, С. А. Институт юридической ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Носков Сергей Александрович. – Казань, 2007. – 21 с.

298. Носкова, Е. А. Позитивная юридическая ответственность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук . 12.00.01 / Носкова Елена Александровна. – Казань, 2004. – 19 с.

299. Нырков, В. В. Поощрение и наказание как парные юридические категории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Нырков Владимир Владимирович. – Саратов, 2003. – 34 с.

300. Параскевова, С. А. Понятие и социальная сущность гражданского правонарушения: теоретические проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Параскевова Светлана Андреевна. – М., 2006. – 367 с.

301. Пожарский, Д. В. Охранительная функция государства (теоретико-методологические проблемы) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Пожарский Дмитрий Владимирович. – М., 2015. – 50 с.

302. Поляков, С. Б. Принцип взаимной ответственности государства и личности: теоретико-правовые и прикладные аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Поляков Сергей Борисович. – Н. Новгород, 2011. – 58 с.

303. Прокопович, Г. А. Теоретическая модель юридической ответственности в публичном и частном праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Прокопович Галина Алексеевна. – М., 2010. – 60 с.

304. Рачинский, В. В. Публичная власть: вопросы теории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Рачинский Вячеслав Владимирович. – Уфа, 2003. – 26 с.

305. Репетева, О. Е. Юридическая ответственность за правонарушения – межотраслевой институт права: общетеоретический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Репетева Олеся Евгеньевна. – Тамбов, 2010. – 26 с.

306. Родионова, Е. В. Юридическая ответственность как разновидность социальной ответственности: современные проблемы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Родионова Екатерина Владимировна. – М., 2007. – 185 с.

307. Романова, В. В. Юридическая ответственность государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Романова Вера Витальевна. – Казань, 2007. – 26 с.

308. Русанов, А. В. Ответственность власти как нравственная и правовая категория : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Русанов Александр Витальевич. – Белгород, 2009. – 22 с.

309. Сахиева, Р. А. Конституционно-правовой статус высшего должностного лица республики-субъекта Российской Федерации (На примере Республики Татарстан) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Сахиева Раиса Абдулловна. – Казань, 2004. – 213 с.

310. Сергеев, А. Л. Конституционная ответственность федеральных органов государственной власти Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Сергеев Александр Леонидович. – М., 2006. – 33 с.

311. Сопельцева, Н. С. Иммуниеты в конституционном праве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Сопельцева Наталья Сергеевна. – Челябинск, 2003. – 30 с.

312. Скребнева, Н. А. Юридическая ответственность в публичном и частном праве (вопросы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Скребнева Наталья Александровна. – М., 2018. – 189 с.

313. Стремоухов, А. А. Юридический статус специального субъекта права (теоретико-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Стремоухов Александр Алексеевич. – СПб., 2002. – 215 с.

314. Суменков, С. Ю. Привилегии и иммунитеты как общеправовые категории : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Суменков Сергей Юрьевич. – Саратов, 2002. – 187 с.

315. Тюрина, Н. И. Правомерное поведение как объект юридического исследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Тюрина Наталья Ивановна. – Саратов, 2003. – 28 с.

316. Хугаева, Р. Г. Конституционная ответственность высших органов государственной власти Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Хугаева Римма Графовна. – Владикавказ, 2011. – 21 с.

317. Чухвичев, Д. В. Свобода и право : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Чухвичев Даниил Викторович. – М., 2001. – 27 с.

318. Шаля, В. М. Профессиональная правовая культура должностных лиц таможенных органов : на примере Южного таможенного управления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Шаля Виктор Михайлович. – Ростов н/Д, 2009. – 34 с.

319. Шарыкина, О. В. Юридическая ответственность военнослужащих в Российской Федерации: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Шарыкина Ольга Вячеславовна. – М., 2002. – 24 с.

320. Юшкова, Ю. А. Иммуниет как правовая категория : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Юшкова Юлия Александровна. – М., 2008. – 24 с.

321. Яровой, А. И. Корпоративная социальная ответственность в современной России : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Яровой, Александр Ильич. – М., 2010. – 166 с.